

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

Андреева Елена Андреевна

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ОЧЕРКОВАЯ ПРОЗА О ДЕРЕВНЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Валерий Иванович Хомяков

Омск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕМА ДЕРЕВНИ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ	13
1.1. Очерковая проза: историография, типология, характерные черты.....	13
1.2. Тема деревни в русской очерковой прозе XIX века	25
1.3. Советский очерк о деревне 1920–1930-х годов.....	28
1.4. «Деревенская проза» 1950–1980-х годов.....	32
Выводы	40
ГЛАВА 2. «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	44
2.1. Споры о «деревенской прозе» в критике 1950–1960-х годов.....	44
2.2. «Деревенская проза» в оценке литературоведения и критики 1970–1980-х годов.....	48
2.3. Литературоведение и критика о «деревенской прозе» в 1990–2000-х годах.....	54
2.4. Проза о деревне в оценке современной литературной критики	63
Выводы	65
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ О ДЕРЕВНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	69
3.1. Тема города и деревни в современной очерковой прозе	69
3.2. Проблема национального характера и новый тип героя	79
3.3. Социально-экономическая проблематика села в современном очерке	88
Выводы	95
ГЛАВА 4. НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ О ДЕРЕВНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	99
4.1. Онтологическое основание картины мира в современной очерковой прозе о деревне	99
4.2. Человек в кругу природного мира в произведениях писателей-очеркистов	111
4.3. Дом как модель социума в современном очерке	122
Выводы	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	133
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	139

ВВЕДЕНИЕ

Тема деревни исторически занимает особое место в русской художественной культуре и литературе. В условиях глобализации XX века все более актуальное значение для цивилизации приобретает проблема идентификации наций. Для России национальная самоидентичность в общефилософском и морально-этическом плане напрямую связана с понятием рода, общины и русской деревни. Народно-крестьянское мировосприятие традиционно осваивалось русскими, а затем и советскими писателями как общенациональная философия, основанная на особой форме нравственности и укорененная в национальном сознании через описание быта, традиций и языковые формы.

Начиная с XIX века проблемы крестьянской жизни, сословно-классовые отношения в обществе занимали все более важное место в произведениях отечественных литераторов. Через деревенскую тематику, особую народную характерологию авторы приходили к жанровому новаторству, создавали новые средства художественной выразительности.

Советская эпоха не стала исключением: колхозная литература, а впоследствии и деревенская проза 1960–1980-х годов вписали русскую прозу о деревне в контекст мировой литературы. Писатели-деревенщики вывели тему национального русского самосознания на новый уровень, придав ей глубокое нравственно-этическое и социально-философское звучание. Благодаря произведениям «деревенской прозы» в отечественном и зарубежном литературоведении заговорили об особенностях души русского крестьянина, о специфике народного быта и русской национальной культуре.

«Деревенская проза», несмотря на то что в самом термине заложена её привязанность к определённой теме, представляет собой явление не тематического, а скорее сущностного порядка, сформированное «на уровне эстетического идеала» [Большакова 2000: 33], выражающее бытийные, онтологические, творческие концепции.

Большая часть произведений о деревне на всех этапах исторического развития создавалась в жанре очерка или близких к нему формах. Русская

очерковая проза позволяла отразить идейно-художественное многообразие замыслов писателей, установить доверительный диалог с читателем. Типологические и жанровые особенности очеркистики, изначально соединяющие в себе публицистичность и художественность, обусловили самобытное развитие деревенской темы даже в условиях ограниченной цензурой советской литературы.

Актуальность исследования определена нарастающим в современной литературе процессом воссоздания духовно-нравственной матрицы русского человека, поиском универсальных и одновременно традиционных основ нации. Эта тема в равной степени привлекает критиков и литературоведов, социологов и философов, культурологов и публицистов и т.д.

Именно поэтому в центре исследования находится нравственно-философская и социальная проблематика современной очерковой прозы. В диссертации отмечается, что мировоззренческий подход, включающий в себя всесторонний анализ социокультурной среды и условий жизни российской глубинки с ее местным населением, или, как пишет А. Шепелев, «*обитателями*», их особое мировосприятие и жизненный опыт помогают приблизиться к ответам на важнейшие философские вопросы – о бытии, нравственности, смысле жизни.

Неразрывная связь литературы с историческими и общественно-политическими процессами в стране обеспечивает понятийный контекст меняющейся на рубеже веков концепции мира и человека. В этих условиях деревня приобретает в произведениях авторов черты сакрального объекта, некоей духовной скрепы. Деревенский мир, его устройство и быт достаточно быстро становятся универсальной платформой, сближающей самых разных отечественных писателей.

Формирование эстетики современной прозы о деревне критики и литературоведы связывают с возникновением «нового реализма», целью которого являлось возвращение читательского интереса к жизни простых людей, к типичной российской действительности. Одновременно отечественные исследователи выделяют в прозе о деревне черты неотрадиционализма, основанного на идеях сохранения традиционных ценностей, исторической и культурной памяти,

органической связи человека с природой. Кроме того, современный традиционализм обеспечивает преемственность художественных традиций, заложенных авторами «деревенской прозы» 1950–1980-х годов. С этими процессами также связано появление терминов «новые деревенщики» (П.В. Басинский), «новая деревенская проза» (И.Н. Иванова), подтверждающих запрос на возрождение темы русской деревни в массовой литературе.

Обращаясь к современной деревенской очерковой прозе, условно обозначенной первыми двумя десятилетиями XXI века, недостаточно ограничиться только ее проблематикой. Не менее важной и актуальной представляется нам жанровая специфика очерковой прозы. По мнению многих исследователей (Е.И. Журбина, Г.Г. Коростина, М.А. Зайцева, И.Б. Гладкова и др.), своеобразие очерковой прозы состоит, с одной стороны, в единстве идейно-художественной структуры, а с другой – в сочетании художественности и публицистичности на основе личностного отношения к социальным и нравственным проблемам своей эпохи.

Н.И. Глушков специфику очерковой прозы видит в композиционной свободе, в более ярко выраженном аналитическом начале. «Вторжение логики в рассказ, повесть и роман трансформирует жанры, заставляет нас искать определения, указывающие на сходство их с очерками. И наоборот, заметный перевес беллетристического начала над аналитическим в очерках сближает их с рассказом, повестью, романом» [Глушков 1979: 153]. Он подчеркивает, что систематизировать жанровые формы очерковой литературы возможно только исходя сразу из нескольких критериев: литературно-родового деления, сюжетно-композиционной организации материала и, наконец, предметно-тематических признаков. Соответственно этому подходу выделяются объективно-повествовательные и лиро-эпические очерки; очерки-статьи, очерки-рассказы, циклы очерков, зарисовки, репортажи, а также портретные, проблемные, путевые, литературно-критические очерки.

Учитывая мнения исследователей, попытаемся дать рабочее определение очерковой прозе. Под очерковой прозой в диссертации понимается проза, для которой характерен синтетизм, тяготение к бытийной проблематике, универсальное соединение художественного вымысла, реальных событий и документального факта. Очерковая проза представляется нами как объединение структурно-содержательных инвариантов очеркового текста. Такой подход представляется наиболее актуальным, поскольку позволяет учитывать специфику авторского дискурса, столь значимого для очеркового начала; дает оценку современному положению жанра, существующему по большей части как альтернативная или адаптивная версия канона [Войтак 2014: 10–11]. Эти особенности актуализируются в современной литературе, для которой характерен жанровый эксперимент, объединение разных очерковых форм (очерк-рассказ, очерк-репортаж, циклы очерков, очерковая повесть и др.) и близких по форме жанров – эссе, новелла, миниатюра, зарисовка и др.

Степень разработанности темы исследования. В числе научных работ и статей, которые помогли выстроить историографическую составляющую данного исследования, стали монографии В.А. Сурганова «Человек на земле», Г.А. Белой «Художественный мир современной прозы», Г.А. Цветова «Тема деревни в современной советской прозе», Л.Ш. Вильчек «Пейзаж после жатвы: деревня глазами публицистов», её же статья «Вниз по течению деревенской прозы» и аналитическая статья Е.В. Стариковой «Социологический аспект современной “деревенской прозы”».

Из работ современных исследователей можно назвать монографии отечественных ученых: В.А. Недзвецкого и В.В. Филиппова «Русская “деревенская” проза», А.Ю. Большаковой «Феномен русской деревенской прозы», Н.С. Цветовой «Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен», Н.В. Ковтун «“Деревенская проза” в зеркале утопии» и «Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика», А.И. Разуваловой «Писатели-“деревенщики”: литература и консервативная

идеология 1970-х годов» и др. Эти работы представляют собой ценный материал, раскрывающий важнейшие философские и этические основы самого явления «деревенской прозы», сформированного исконно русским сознанием и мироощущением.

В продолжение данной исследовательской линии, по нашему убеждению, ключевым является изучение литературных текстов о деревне современного периода, созданных преимущественно в 2000–2010-е годы. Особого внимания требуют изучение специфики очерковой прозы, трансформации жанрово-стилистических форм, разбор тематического содержания в контексте социальной и нравственной проблематики. Включение в анализ произведений философских концепций мировоззренческого характера помогает составить более целостное представление о процессе эволюции современной русской очерковой прозы в условиях остросоциальных и нравственно-этических изменений в обществе на рубеже XX–XXI веков.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые предпринята попытка комплексного анализа очерковых произведений деревенской тематики рубежных десятилетий XXI века в контексте единого литературного пространства, наследующего художественные традиции русской прозы XIX века и «деревенской прозы» XX века. Очерк рассматривается как эволюционирующий жанр, в котором под влиянием культурных и исторических условий происходят определенные проблемно-тематические и структурные трансформации.

Целью работы является выявление особенностей проблематики и поэтики очерковых произведений о деревне в контексте нравственно-этического и социально-философского содержания.

В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие **задачи**:

- проанализировать научную литературу о жанре очерка, выделить критерии и характерные черты очерка и очерковой прозы (в качестве опорных понятий исследования);

- рассмотреть основные этапы развития очерковой прозы (XIX- XX вв.) для объективного понимания, как возникла и эволюционировала деревенская тема, ее сюжеты и проблематика;
- изучить критическую и исследовательскую литературу, посвященную «деревенской прозе»;
- раскрыть социально-философские аспекты современной прозы, проследить изменения в типологии народного характера и типологии героя, установить причины социальных трансформаций в укладе российской деревни;
- исследовать нравственно-этическое содержание прозы и ее проблематику, связанную с потерей национальной самоидентичности, родовых связей человека и общества;
- определить основные черты современной прозы о деревне, особенности очеркового жанра, обозначить сквозные мотивы и образы, выявить роль автора.

Объектом исследования являются очерковые (или близкие к ним по форме) произведения о деревне в творчестве более 20 современных авторов – Б. Екимов, Н. Ключарёвой, Н. Мелёхиной, С. Мишнёва, Д. Новикова, З. Прилепина, М. Тарковского, А. Титова, М. Шанина, С. Шаргунова, А. Шепелёва, Г. Шульпякова и др., **предметом** – социально-философские и нравственно-этические аспекты современной очерковой прозы о деревне, проблематика, жанровые и художественные особенности.

Исследование проводилось с привлечением большого количества **источников**; главные из них, послужившие основой работы, перечислены ниже:

– Борис Екимов «На хуторе» (2008), «Прощание с колхозом: очерки разных лет» (2010), «Привет издалека» (2011), «Осень в Задонье» (2014);

– Наталья Ключарёва «Один год в Раю» (2007), «Деревянное солнце» (2010), «Деревня дураков» (2010);

– Наталья Мелёхина «Забывай как звали» (2013), «По заявкам сельчан» (2015), «Что мы знаем о хлебе» (2016), «Дорогие вещи» (2016), «Полтининские беседы» (2021);

– Станислав Мишнёв «Последний мужик» (1998), «Русская изба» (1998), «Вот так и живем» (2008), «Ангелы всегда босые» (2012), «Тень деревни» (2014), «Рассказы старого поселенца» (2017);

– Дмитрий Новиков «Куйпога» (2003), «Строить» (2007), «В сетях твоих» (2009), «Глаза леса» (2011), «Змей» (2011), «Жабы мести и совести» (2012);

– Захар Прилепин «Кровь поет, ликует почва» (2007), «Бабушка, осы, арбуз» (2007), «Глушь» (2008), «Достало» (2008), «Смертная деревня» (2008), «Сельская пастораль, или Четверть века в ожидании начальника» (2009);

– Ирина Мамаева «Ленкина свадьба» (2005), «Земля Гай» (2006);

– Михаил Тарковский «Бабушкин спирт» (2004), «Енисейские очерки» (2004), «Дед» (2006), «Речные писатели» (2015), «Бабушкин внук» (2018);

– Александр Титов «Полуночная свадьба» (1997), «Жизнь, которой не было» (2001);

– Моше (Михаил) Шанин «Места не столь населенные» (2016);

– Сергей Шаргунов «Скандал» (2012), «Замолк скворечник» (2016), «Совсем заели» (2017);

– Алексей Шепелёв «Мир-село и его обитатели» (2017);

– Глеб Шульпяков «Моя счастливая деревня» (2010), «Робинзон по понедельникам» (2014).

Методологической основой диссертационного исследования стали:

- работы ведущих российских литературоведов: М.М. Бахтина, А.Г. Бочарова, В.В. Кожина, Н.Д. Тмарченко, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек и др.;

- исследования Е.А. Акелькиной, В.А. Алексеева, Т.А. Беневоленской, Н.И. Глушкова, Е.И. Журбиной, В.Я. Канторовича, Г.В. Колосова, Г.Г. Коростиной, А.А. Тертычного, М.С. Черепанова и др., связанные с изучением очерка;

- статьи и монографии о деревенской прозе В.М. Акимова, В.Н. Баракова, Г.А. Белой, А.Ю. Большаковой, Н.А. Вальянова, Л.Ш. Вильчек, И.Н. Ивановой, В.Е. Ковского, Н.В. Ковтун, Ф.Ф. Кузнецова, В.А. Недзвецкого, А.И. Разуваловой,

Е.В. Стариковой, В.А. Сурганова, И.Н. Сухих, Г.А. Цветова, Н.С. Цветовой и др., а также научные труды зарубежных исследователей К. Партэ, М. Войтак и др.

В диссертации использовались как общенаучные **методы** сравнения, анализа и синтеза, так и частнонаучные методы (историко-функциональный, социологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, структурно-семантический), которые применялись при написании отдельных частей работы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что данная работа расширяет современное представление об очерковой прозе и о специфике «деревенской прозы» рубежа XX–XXI веков, а также выявляет основные закономерности, структурирующие творчество писателей-очеркистов в контексте современного литературного процесса. В работе отмечается, что художественная специфика как очерка, так и очерковой прозы остается недостаточно изученной. В свете активного процесса развития художественно-документальных жанров современное литературоведение нуждается в исследовании данного процесса как в плане теоретическом, так и в историко-литературном. Обращение к очерковой прозе как формосодержательной системе позволит выявить своеобразие поэтики и проблематики современных писателей, особенности художественного стиля, своеобразие выражения авторской позиции.

Практическая значимость работы заключается в том, что её материал может быть использован в преподавании современной русской литературы, в разработке спецкурсов по художественно-публицистическим жанрам печатных СМИ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Феномен деревенской прозы связан с национально-культурным самосознанием русского народа, своеобразием русского национального мира, исторической памятью, что в XX веке придает «деревенской прозе» статус наиболее влиятельного литературного направления. Современная проза о деревне продолжает данные традиции.

2. Процесс формирования прозы о деревне растянулся на столетия,

при этом на разных этапах в обществе происходили кардинальные политические, социальные и духовные изменения. Исследование социальных и нравственных аспектов жизни современной деревни невозможно без стремления понять трансформации, происходящие в обществе и национальном характере. Концепция современного русского характера воплощает, с одной стороны, устойчивые национальные традиции, а с другой – современные реалии российской жизни, в определенной степени изменившие традиционный тип крестьянского героя.

3. Обозначенный в конце XX столетия социальный и духовно-нравственный кризис актуализировал стремление современных писателей возродить утраченные этические и эстетические ценности малой родины, родовой памяти, национального характера.

4. Современную литературу о деревне можно характеризовать как этико-философскую прозу, в которой проблемы социально-исторические решаются как внеисторические, бытийные. Нравственно-этическая проблематика формирует нравственные идеалы социума, народную мораль, позволяет решить общенациональные вопросы.

5. Для современного деревенского очерка характерны диффузность жанровых границ, обращение к пограничным жанрам, возникновение новых жанровых форм и жанровых «имен». В текстах отмечается особая роль социального начала, усиленный документализм и автобиографизм.

6. Многим произведениям о деревне свойственна эссеистская форма повествования, основанная на сложных ассоциативных связях, яркой образности, диалогичности, выдвигании личности автора на первый план.

7. Очерковая проза о деревне развивается в контексте народно-поэтических традиций, что связано с использованием мифопоэтических образов и символов, сказовых и притчевых форм, диалектов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на следующих конференциях:

- III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и практика социального государства в Российской Федерации:

научно-производственный потенциал и социальные технологии» (г. Омск, 15 мая 2015 г.);

- XIV Международная научно-практическая конференция студентов и магистрантов «Студенческая весна – 2018» (г. Омск, 25 мая 2018 г.).

Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского в 2018–2020 годах. Материалы диссертации отражены в 7 публикациях, в том числе в 5 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Библиографического списка, содержащего 360 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕМА ДЕРЕВНИ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ

1.1. Очерковая проза: историография, типология, характерные черты

Прежде чем приступить к анализу современной русской очерковой прозы о деревне, необходимо выделить основные критерии очерковой прозы и жанра очерка.

Литературные жанры, по определению В.Е. Хализева, – это «группы произведений, выделяемые в рамках родов литературы» [Хализев 1999: 342]. Жанр выделяется на основании разнообразных критериев и представляет собой «конкретное единство особенных свойств формы в ее основных моментах – своеобразной композиции, образности, речи, ритма...» [ЛЭС: 106]. Кроме того, к значимым жанрообразующим факторам относят способ отображения автором действительности, степень и специфику осмысления им реальности [Тертычный 2017: 12].

Значимым вопросом жанроведения является проблема их развития, трансформации. М.М. Бахтин, характеризуя жанры, отмечал их «относительную устойчивость» [Бахтин 1996: 159] и то, что они поддаются «свободно-творческому переоформлению» [Там же: 182]. Исторический анализ литературного процесса позволяет говорить о динамике жанровой системы, о том, что «жанровые образования неминуемо обновляются, а также возникают и упрочиваются новые» [Хализев 1999: 366].

Наличие пограничных (гибридных, промежуточных) жанров вообще свойственно словесности и выявляется многими исследователями [Бочаров 1982; Гинзбург 1977; Грачева 2008; Калашникова 2010; Кожин 1964; Чернец 1982; Ярхо 2006 и др.]. Б.И. Ярхо отмечает, что «непрерывность естественных рядов в литературе является законом» [Ярхо 2006: 60]. По мнению Б.В. Томашевского, при определении жанровой специфики текста «всегда найдется такое произведение,

которое встанет на самую границу» [Томашевский 1959: 503], причём в некоторые исторические периоды, например в XX веке, «процесс размывания жанровых границ» становится более интенсивным [Чернец 1982: 5]. Л.Я. Гинзбург находит несомненные достоинства пограничных жанров, которые «ускользают от канонов и правил», в том, что им свойственны «экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» [Гинзбург 1977: 130]. В.И. Хомяков отмечает, что «синтез документального начала и духовно-эстетических категорий» в произведении говорит как об «универсализме» какого-либо жанра, так и о «личностном характере восприятия действительности» автором [Хомяков 2015а: 208].

Применительно к очерковой прозе заслуживает внимания классификация, предложенная Э.Н. Быконя. Она говорит о близости очерковых жанров собственно художественным жанрам эпической литературы. Исследовательница разделяет очерки на две большие группы: собственно-очерковые формы и «сложные жанровые образования» [Быконя 1974: 6]. К первой группе относятся физиологические, этнографические, бытовые, пейзажные формы, а также «формы динамического повествования», а именно: публицистические, философско-лирические формы и их варианты. Ко второй группе относятся очерки, образованные в результате соединения типов и форм очерка и новеллистических жанров. Это путевые, новеллистические, новелло-публицистические очерки, а также циклы очерков.

Ценность данной классификации, как пишет Г.Г. Коростина, состоит в том, что она позволяет проследить иерархию очерковых жанров, отражает эволюцию жанра очерка от простых форм к сложным, прослеживает видоизменение очерковых жанров как результат взаимодействия очерков и других эпических жанров, взаимовлияния их структурных особенностей [Коростина 2005: 27]. Польская исследовательница М. Войтак подчеркивает емкость и эластичность современных жанров [Войтак 2014: 10–11].

Если обратиться к более традиционной классификации прозы по идейно-тематическому содержанию, все очерки, на наш взгляд, можно поделить на

социально-публицистические и художественно-лирические повествования; отметить психологические очерки, очерки-манифесты, очерки-эссе, новеллистические очерки, очерковые миниатюры и зарисовки, а также возникновение абсолютно новых жанровых «имен» (А.А. Тертычный). Причастность произведений к очерковой прозе определяется их соответствием типовым признакам.

Многие современные писатели, публицисты и журналисты обращаются к деревенской теме как в жанре художественной прозы, так и в художественно-публицистическом аспекте. Нередко одни и те же авторы параллельно создают художественные и журналистские произведения; элементы публицистики проникают в художественный текст, а элементы художественности – в публицистические произведения.

Что касается жанра очерка, то, по мнению И.Н. Сухих, это уже по своей природе «жанр на границе» [Сухих 2014: 82]. Очерк сначала включает в себя элементы таких жанров, как «проблемная статья, репортаж, картинка с натуры», а затем становится «полноценным жанром малой эпической прозы, образуя собственные виды», к которым исследователь относит путевой очерк, очерк-портрет, очерк нравов и др. [Там же]. С самого начала заложенная в жанр очерка «пограничность», его положение между художественной и документальной литературой получают развитие на всём протяжении существования данного жанра, влияют на его тематику, содержание, структуру, язык, поэтику.

Обратимся к термину «очерк» и его коннотациям. В Литературном энциклопедическом словаре отмечается, что очерку как малой форме эпической литературы присуще «отсутствие единого, быстро разрешающегося конфликта и большая развитость описательного изображения» [ЛЭС: 262]. Здесь же отмечается пограничность жанра: «...очерк может относиться и к литературе, и к публицистике» [Там же]. Двойственность, пограничность жанра отражены и в стилистическом словаре под редакцией М.Н. Кожинной, где очерк трактуется как «художественно-публицистический жанр» [СЭСРЯ: 84]. Будучи отчасти публицистическим жанром, очерк практически всегда актуален, посвящён

наиболее важным именно для данного момента темам «или тенденциям развития социальной жизни» [ЛЭС: 262]. В нём обычно передаются «рассуждения автора или героев» [Там же]. В качестве основной функции очерковой литературы в энциклопедическом словаре назван «пафос проблемности и исследования жизни» [Там же: 263].

Очерк как жанр начал своё становление в конце XVIII века, а сформировался в XIX веке. К анализу очерковых произведений этого периода обращались многие исследователи; можно выделить работы Е.А. Акелькиной [Акелькина 1979], Н.А. Ильичевой [Ильичева 2019], А.Н. Фортунатова [Фортунатов 1998], Л.Н. Павловой [Павлова 2002], А.А. Пырковой [Пыркова 2019] и других авторов.

Пограничная природа была свойственна жанру очерка с самого начала его существования. Г.П. Макогоненко, анализируя книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», отмечает в этом произведении «страстность» автора, важность для него рассуждений, наличие общего замысла, связывающего цикл очерков [Макогоненко 1940: 31-32], то есть художественные черты. Ю.В. Лебедев, обращаясь к очерковым циклам в русской литературе 1840–1860-х годов, отмечает их значительную роль в становлении русского эпоса [Лебедев 1975], то есть опять же говорит о художественной природе жанра. Л.М. Пивоварова, анализируя русский очерк 1880–1890-х годов, находит в нём усиление документальности, развитие новых очерковых форм (эюд, очерк-рассказ, очерк-зарисовка и др.) [Пивоварова 1978]. Э.Н. Быконя посвящает диссертационное исследование русскому очерку 1880–1890-х годов о Сибири [Быконя 1974]. Л.Н. Павлова рассматривает жанровое и стилистическое своеобразие очерков В.А. Гиляровского, выявляя в творчестве известного репортёра синтез репортажа и очерка, использование в тексте очерка разговорных и просторечных элементов [Павлова 2002].

В данных исследованиях речь идёт о становлении жанра очерка применительно к его литературной и одновременно публицистической ипостасям. Очерк воспринимается как произведение, близкое рассказу, но отличающееся от

него большей связью с жизнью, чертами документальности, желанием авторов осмыслить явления действительности, которые они описывают.

Особенность очерка как жанра состоит именно в его построении на основании художественных и одновременно публицистических и научных принципов, в связи с чем выделяются три типа структуры очеркового текста: 1) хроникальное построение очерка (в соответствии с временем описываемых в нём событий, с их последовательностью); 2) построение, основанное на логике событий (с учётом причинно-следственных связей); 3) эссеистское, свободное построение, не скованное временными или логическими законами, передающее ассоциативные связи и содержащее образные обобщения.

К стиливым особенностям очерка исследователи относят специфику выражения авторского «я» («авторскую активность» [Акелькина 1979: 3]), очерковость, злободневность, типизацию героя, образность и ассоциативность, известную долю вымысла. Очерк служит для раскрытия человеческих характеров и явлений социальной действительности путем создания их документального образа, пропущенного через личное восприятие писателя. Подобное понимание очерка свидетельствует, по мнению Е.А. Акелькиной, об «универсальном стиле мышления» [Там же].

В первой половине XX века очерк стал способом отражения тех коренных изменений, которые происходили в обществе; его гибридный характер является очевидным для исследователей. А.В. Касицин анализирует поэтику очерковой прозы Б.А. Пильняка (интертекстуальность, публицистическую фантазию, документ и факт как основу поэтики, синтез художественности и публицистичности и т. п.) [Касицин 2010]. А.С. Дзюба выявляет своеобразие жанра очерка в прозе А.М. Горького 1920–1930-х годов, характеризуя очерк писателя как «художественно-документальное целое» [Дзюба 2013: 6].

Очерк становится востребованным жанром во многом благодаря своей пограничной жанровой природе. Уже в «раннесоветской литературе конца 1920-х гг.» произошла «актуализация жанра очерка в литературной и общественной жизни» [Яранцев 2018: 62]. Появились произведения с элементами очерковости и

художественности, основанные отчасти на документальном материале – дневниках и других биографических материалах, например «Конармия» (1926) И.Э. Бабеля, «Чапаев» (1923) Д.А. Фурманова, «Путь на Север» (1929) М.А. Никитина, авторы которых показали, что в художественный текст на равных правах может быть введён материал о реальной жизни.

Особенно активно жанр очерка вообще и конкретно очерк о деревне начал развиваться в русской литературе с середины XX века. С этим же периодом связано активное исследование его жанровых форм и типичных признаков.

Теоретические основы жанровой контаминации очерка составили труды В.Б. Шкловского, который признавал гибридные жанры движущей силой литературного процесса: «Литература растёт краем, вбирая в себя внеэстетический материал» [Шкловский 1926: 99]. Его выражение «внеэстетический материал» на долгие годы стало крылатым и использовалось для обозначения того внехудожественного, жизненного материала, который Шкловский считал необходимым включать в любую книгу, поскольку, «не скрещиваясь с внеэстетическим фактом, нельзя создать ничего» [Там же: 84]. В прочтении автора термин «внеэстетический» обозначает материал нехудожественный, не созданный и не обработанный автором, пришедший из жизни, взятый в неизменном виде. Е.Г. Фомичева доказывает, что такие «смешивания» наблюдались на всём протяжении существования жанра очерка. На примере очерков В.Г. Короленко, М. Горького, К.Г. Паустовского и других писателей она отмечает, что в тексте очерка отражается личность автора, в том числе посредством приёмов художественной портретизации [Фомичева 2003].

Теоретические аспекты жанра очерка, получившего широкое распространение в публицистике середины XX века, рассматриваются в работах и научно-учебных изданиях многих авторов 1950–1970-х годов. При этом можно видеть, что выделяются исследования, посвящённые очерку как жанру художественной литературы (В.А. Алексеев «Русский советский очерк» [Алексеев 1980], Н.И. Глушков «Очерк в русской литературе» [Глушков 1966] и «Очерковая проза» [Глушков 1979], Е.И. Журбина «Искусство очерка» [Журбина 1957], В.Я.

Канторович «Заметки писателя о современном очерке» [Канторович 1973], Г.В. Колосов «Поэтика очерка» [Колосов 1977] и др.) и как жанру журналистики (Е.П. Прохоров «Искусство публицистики» [Прохоров 1984], М.С. Черепухов «Работа над очерком» [Черепухов 1966], В.А. Ампилов «Современный газетный очерк» [Ампилов 1972], Т.А. Беневоленская «Композиция газетного очерка» [Беневоленская 1975] и «Портрет современника: очерк в газете» [Беневоленская 1983]).

Очерк в литературе характеризуется как жанр, который имеет черты, объединяющие его с произведениями художественной литературы. Е.И. Журбина называет среди таких черт типизацию окружающего мира, благодаря которой очеркист может «осуществить свою задачу» [Журбина 1957: 83], и пишет, что типизация обязательна для очерка, несмотря на то что очеркист пишет о конкретных событиях и единичных явлениях. Е.И. Журбина также считает, что в литературном очерке, как и в художественном произведении, должны быть «жизненные сюжеты» и элемент новизны, а также изображение «подлинных чувств»; очерк должен содержать описание происходящего «с рядом правдивых зримых деталей, с правдивыми психологическими наблюдениями» [Там же: 146, 200]. Как видим, исследователь приходит к мысли о том, что единственным отличием между литературным очерком и произведением художественной литературы является отсутствие в очерке художественного вымысла. В остальном же построение очерка должно происходить на основе правил, выработанных в художественной прозе.

Такова позиция большинства исследователей, рассматривающих очерк как явление пограничной литературы. В.Я. Канторович, анализируя художественную публицистику, называет авторов очерковых текстов художниками-публицистами. Он отмечает, что в очерке должно присутствовать правдивое изображение жизни и в то же время очерк должен говорить о художественном вкусе автора, а также воспитывать этот вкус у читателей [Канторович 1973]. М.С. Черепухов указывает на важность для очерка правдивости, называя её «одним из бесспорных достоинств» советской публицистики [Черепухов 1966: 63], и в то же время говорит

об обязательности «художественной разработки обстоятельств и психологической характеристики героев» [Там же: 24]. По его мнению, образы, создаваемые в литературном очерке, одновременно реальные и художественные [Там же: 84]. Ю.А. Крикунов анализирует проблему характера в очерке [Крикунов 1966]. И.В. Рыбинцев поднимает проблему художественного мастерства автора очерка; он считает, что в лучших очерках писатели проявляют «подлинное мастерство» [Рыбинцев 1976: 41], при этом в любом очерке важны и «закон художественного обобщения», и «требование правды искусства» [Там же: 69]. Е.П. Прохоров считает, что очерк находится «где-то» между исследованием и рассказом, но уравнивать публицистическое произведение с художественным было бы ошибкой [Прохоров 1984: 312, 323].

Исследователи газетного очерка отмечают строгость его построения, наличие по сравнению с очерками литературными более жёстких правил, обусловливаемых «краткостью, адресностью, политической остротой газетного материала» [Беневоленская 1975: 4]. Т.А. Беневоленская старается отграничить газетный очерк от художественного и отмечает, что черты художественности очерку как жанру журналистики даже вредят. Исследователь имеет в виду, в частности, стремление журналистов к «остросюжетности» [Там же: 5].

Для исследователей несомненно, что в конце 1950-х – начале 1970-х годов, когда смена политического направления в стране обусловила гуманизацию литературы и журналистики, вызвала повышенное внимание к человеческой личности, стремление раскрыть характер человека, его истинные мысли и чувства, очерк в советской литературе как жанр пережил новый этап своего развития [Смирнова 1974].

Развитие жанра очерка в конце XX – начале XXI века происходит по пути всё большего проникновения в него черт художественной литературы и всё большего усиления его гибридной, пограничной природы. Происходит формирование жанрового массива, обозначенного исследователями как «художественная публицистика», в которой наблюдается «отражение объективной

действительности в преломлении авторской картины мира» [Хомяков 2017: 6], то есть стремление автора, фиксируя реальный мир, творчески его осмыслить.

В начале XXI века вопрос о расширении границ очерка, о проникновении в него элементов художественности становится всё более актуальным и активно разрабатываемым в литературоведении и критике. В.А. Юзифович рассматривает создание в очерках этого периода речевого портрета и отмечает, что при всей объективности портрет в очерке отражает в первую очередь не внешние, а духовные и нравственные характеристики героя, выполняет «характерологическую, оценочную, тематизирующую, текстообразующую» функцию [Юзифович 2011: 5].

Ряд исследователей считает, что современный очерк сближается с таким жанром, как нон-фикшен, в соответствии со спецификой которого в текст вводятся дневники, заметки, письма, воспоминания и подобные материалы, и даже с жанром креатив-нон-фикшен, где данные вставные элементы получают художественное осмысление, где, по мнению А.Б. Гвоздева, проявляется «образное видение писателей» и одновременно сохраняются информационные, познавательные составляющие, в результате чего картина действительности «приобретает художественно-эстетические свойства и качества» [Гвоздев 2011: 242].

Различные трансформации современного очерка, обусловленные условиями его существования, отмечают также С.В. Баласаян [Баласаян 2018], Ю.А. Гордеев [Гордеев 2015], А.Р. Котаева [Котаева 2018] и другие исследователи. Ю.А. Гордеев выявляет изменения в жанровой системе очерка, проявляющиеся как в печатных, так и в интернет-изданиях. По его мнению, выработалась система жанровых форм, включающая классические разновидности – «портретный, проблемный и познавательный очерки», а также «мини-очерк – зарисовку», очерк-историю, портретное интервью, очерк-интервью, очерк-репортаж [Гордеев 2015: 118-119].

Для большинства исследователей наличие в жанре очерка художественной и публицистической составляющих несомненно, однако Н.Д. Тамарченко, к примеру, утверждает, что «этот жанр чаще всего относится к литературе, но не к

искусству слова» [Тамарченко 2003: 229]. Мы не можем согласиться с данным утверждением, поскольку считаем, что, впитывая особенности художественной литературы, очерк одновременно начинает относиться и к искусству слова, что отражается в эстетике и поэтике текста.

В системе русского очерка особо выделяется очерк о деревне, однако исследований, посвящённых ему, в литературоведении немного. В созданном в 1920–1930-х годах очерковом цикле Р.М. Акульшина «О чем шепчет деревня» А.Н. Ивашкина отмечает «достоверное воссоздание образа русской деревни 1920-х гг.» [Ивашкина 2013: 169]. В 1950–1970-х годах появляются очерки, созданные в контексте «деревенской прозы» того времени, тесно с нею связанные и опиравшиеся на традиции В.В. Овечкина. В частности, А.М. Никулин именно таким образом характеризует «Деревенский дневник» Е.Я. Дороша [Никулин 2019].

В.В. Барабаш анализирует советский «сельский» очерк 1970–1980-х годов, рассматривая его типологию, а также конфликты и характеры в произведениях Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, С.П. Залыгина, В.Г. Распутина, А.И. Стреляного, Ю.Д. Черниченко и др. Исследователь отмечает «сложное искусство психологического анализа», применяемое авторами «сельских» очерков при создании характеров героев [Барабаш 1991].

Исследователь О.П. Кадочников анализирует очерк и рассказ 1970–1980-х годов как малые жанры современной прозы, пытаясь выявить пути их развития. По его мнению, Ф.А. Абрамов, В.М. Шукшин, В.И. Белов, В.Г. Распутин, Б.П. Екимов, И.А. Васильев, А.И. Стреляный, Ю.Д. Черниченко, П.Н. Ребрин и другие авторы выступают как писатели, в творчестве которых очерк и рассказ постепенно сливаются, формируя «новое художественно-публицистическое целое» [Кадочников 1991].

Региональные отличия в очерковой прозе, созданной авторами, живущими в разных областях России, обусловили желание литературоведов выявить географическую, территориальную специфику, присущую очеркам провинциальных писателей. И.Б. Гладкова рассматривает топонимы Сибири в

очерковой прозе Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова. М.А. Зайцева исследует художественные особенности очерковой прозы П.Н. Ребрина. По мнению исследователя, данный топос в творчестве указанных авторов показывает внимание «к своему пространству, внутреннюю укорененность в нем» [Гладкова 2004: 5]. Топос Сибири способен «формировать ответственное отношение к своей земле, краю, ко всему миру» [Там же], он расширяется с географически ограниченного пространства на всемирное.

Современный очерк зарекомендовал себя как жанр, гибко реагирующий на происходящие внутри общества изменения, а также дающий возможность освоения информационного онлайн-пространства через трансформацию интернет-публикации, блога, поста. З. Прилепин публикует свои очерки и эссе, в том числе посвящённые деревенской тематике, именно как посты на собственном сайте [Захар Прилепин: 2022], дублируя их затем в социальных сетях и в печатных изданиях. В соответствии со спецификой текстов интернет-блога, тексты Прилепина включают непосредственное обращение к читателю, наполнены эмоциями, предлагают дальнейшее обсуждение в комментариях [Медведева 2017: 58]. В условиях запроса на активную гражданскую позицию, авторский взгляд и рефлексию наиболее востребованными оказались очерки-манифесты, эссеистские очерки, в которых писатели представляют личное (часто оценочное и сугубо субъективное) мнение о наиболее острых социальных проблемах, в том числе о положении современной российской деревни и её жителей.

Приведенные теоретические подходы позволяют нам выявить как формальные, так и содержательные типовые признаки очерка. Очевидно, что все из отмеченных характеристик могут присутствовать в текстах как в явной, так и в имплицитной форме. Доминантными среди них являются пограничная природа жанра, трактуемая различными исследователями как гибридность, промежуточность, синкретизм. Такое особое положение очерка между художественной и документальной литературой прямым образом влияет на тематику, содержание, структуру, язык и поэтику.

Включение в очерк элементов репортажа, рассказа, портретной зарисовки и др. применялось авторами исторически, способствовало развитию жанрового и стилистического многообразия, определяло диффузность жанровых границ, став его ключевой характеристикой.

Отдельно отметим широкий содержательный диапазон очерка. Благодаря своей универсальной природе, очерковые тексты могут возникать в любой сфере взаимоотношений: от социологии общества до внутреннего диалога человека с природой, определяющим здесь является наличие проблемы, которая в них решается. Очерковое повествование всегда посвящено злободневной теме, волнующей общество, обращено к остросоциальным и нравственным вопросам.

Идейно-художественное и композиционное многообразие очерка главным образом формируется под влиянием образа автора. Отношение автора к предмету изображения, то есть авторская позиция и картина мира, являются двигателем сюжетного развития в очерке, определяет главные черты стиля. В этой связи важным становится широкий контекстный анализ общественной позиции писателя, его социальных и политических взглядов, личный опыт, автобиографизм.

Документализм в очерке напрямую связан с фактографичностью текстов, желанием авторов осмыслить действительность, которую они описывают. Для очеркового типа повествования важно, чтобы читатель приобрел ощущение доверительного разговора; такая открытость достигается простотой изложения, опорой на факты из личной жизни, часто оценочными суждениями автора и может трактоваться как сознательная интимизация повествования.

Очерковая проза о деревне наряду с объективными типовыми признаками и задачами жанра характеризуется субъектной направленностью на достоверное воссоздание образа русской деревни, типологию народного героя. Очевидно, что именно в очерковом исполнении заявленные авторами социальные или лирические темы приобретают символично-философское прочтение, а сами произведения получают новое философско-публицистическое качество. Это хорошо прослеживается на уровне концепции героя, выполняющего в очерке обобщающую и тематизирующую функции, «это своего рода типы эпохи» (Л.А. Теракопьян),

художественной концептосферы, часто построенной на онтологической и мифопоэтической координатах.

1.2. Тема деревни в русской очерковой прозе XIX века

Для объективного понимания особенностей современной очерковой прозы о деревне, ее природы и специфических черт, обратимся к тому, как возникла в русской литературе деревенская тема, сюжеты и обозначенная проблематика.

Рассуждая об истоках деревенской литературной традиции и ее «литературных предтечах», В.А. Недзвецкий и В.В. Филиппов называют русских писателей: Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Д.В. Григоровича, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского и др. [Недзвецкий 2002: 22]. Похожую позицию занимает Ф.Ф. Кузнецов, отмечающий характерный для «деревенской прозы» «широкий контекст историко-литературного и культурно-исторического развития» и важность «связи времен» [Кузнецов 1987: 17]. По образному определению исследователя А.Ю. Большаковой, произведения, посвященные в русской литературе теме деревни, «составляют “столбовую”, или “длинную линию”, со времен Карамзина и Пушкина» [Большакова 2000: 45].

Ранними образцами крестьянской публицистики исследователь очерка В.А. Алексеев называет манифесты пугачевцев периода крестьянской войны 1773–1775 годов [Алексеев 1980: 7]. Однако одним из первых официальных упоминаний народной темы в официальной историографии принято считать «Письма из Франции» (1806) Д.И. Фонвизина, путевые очерки А.Н. Радищева.

Остросоциальный характер «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) включал выразительные описания деревенских будней, впервые открывавшие читателю мир, в котором правит жестокое социальное неравенство и произвол помещиков. Очерки А.Н. Радищева изменили традиционный взгляд на русскую деревню, долгое время представлявшуюся загородной идиллией. В.А. Алексеев отмечал большое значение «Путешествия...» для формирования впоследствии

многих видов очерка, в том числе «нравоописательных (бытовых), “физиологических”, портретных» [Алексеев 1980: 14].

Бытовые очерки стали следующим этапом развития жанра: однако если основоположник русского реализма А.С. Грибоедова описывал в «Загородной поездке» (1826) истинное положение крестьян, нравоописательные очерки Ф.В. Булгарина – «Поездки в Петергоф» (1825) и «Поездка в Парголово» (1825) – представляли положение крепостных и господ как равноправное. Тогда в русской очерковой прозе при описании деревни впервые наметились две противоположные тенденции – идиллическая и реалистическая, сохранившие свою актуальность до нашего времени.

На это обращает внимание исследователь А.Ю. Большакова, по мнению которой сложился особый литературный архетип русской деревни, имеющий антиномичную сущность, построенный «по принципу нормы и аномалии, идиллии (пасторали) и антиидиллии» [Большакова 2002: 13]. В традиции советской очерковой прозы эта особенность получит преломление в художественном и публицистическом началах очерка.

Следующий этап формирования деревенской очерковой традиции связан с «физиологическими» очерками и «натуральной школой». В отличие от нравоописательных очерков, набиравшие популярность в 1840-х годах «физиологии» имели строгую социальную направленность. Этот вид очерка ориентировался на описание типовых людей и их «вседневной жизни».

Очерки И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника» (1847–1851) стали новым этапом в литературе реализма. Читателей привлекала в них не только правда в изображении жизни деревни, но и новизна критического взгляда на сам предмет. Представляя по форме традиционные «физиологии», очерки в составе одного цикла могли принципиально отличаться по манере исполнения. И.С. Тургенев вернул в очерк повествователя, от которого «натуральная школа» отказалась ради соблюдения принципа авторской непредвзятости.

До 1850-х годов границы очерка как жанра еще размыты, точно не определены, а большинство читателей по-прежнему относится к очеркам как к

обычной повествовательной прозе, пока не замечая различий. Вместе с тем понятно, что очерк в литературе постепенно обретает жанровую самостоятельность.

Процесс формирования очерковой прозы растянулся на полвека, в течение которого в стране произошли кардинальные политические и социальные изменения. В условиях общественного подъема 1860-х годов на смену «физиологиям» пришел социально-психологический очерк, массовое распространение которого связано с демократическими очерками М.Е. Салтыкова-Щедрина и писателей-разночинцев – Н.В. Успенского, Ф.М. Решетникова, В.А. Слепцова и др. Они впервые познакомили читателей не с отдельными персонажами (крестьянскими типами), как у И.С. Тургенева, а с целостной крестьянской средой.

Очеркистика 1860-х годов в целом продолжала пафос «радищевской» гражданской публицистики, первой публично обличившей пороки общественного устройства России. В.А. Недзвецкий отмечает, что тогда в очерках появились совершенно новые для литературы выразительные средства и приёмы: «рисунок с натуры, почти протокольная точность обстановки, лиц, голосов и речей» [Недзвецкий 2002: 14]. В подходе писателей-демократов критика видела абсолютное новаторство: репортажные включения, изображение «отдельных личностей», а не типов, карикатурность образов расценивались как новые черты и предпосылки для синтезированных модификаций очерка.

Развитие очерка в 1870–1880-е годы связывают с писателями-народниками – Н.И. Наумовым, Ф.Д. Нефедовым, Н.Н. Златовратским, Г.И. Успенским и др. Кроме критики дореформенных крепостных порядков, народники первыми обнаружили противоречия внутри самого крестьянского мира, где теперь крестьянина ничуть не меньше, чем ранее помещик, угнетала община. На смену крепостническим порядкам в русской деревне приходили капиталистические.

В 1880–1890-е годы очерковая проза развивается в духе либерального народничества писателями-публицистами В.Г. Короленко, Н.К. Михайловским, Н.Н. Златовратским. Это период публицистического расцвета очерковой прозы,

когда редакции ведущих журналов «Отечественные записки», «Полярная звезда» и «Колокол» попеременно публикуют очерковые и дискуссионные материалы о жизни в пореформенной России. В «Русском богатстве» заметным явлением становятся проблемные очерки В.Г. Короленко – «Павловские очерки» (1890), «В голодный год» и «В холерный год» (1892–1893). В своем творчестве публицист следовал традициям реализма Г.И. Успенского, максимально усиливая их политическую устремленность.

Литературу конца XIX века уже отличало видовое многообразие очерковой прозы на тему деревни. В это время были созданы путевые очерки А.П. Чехова «Остров Сахалин» (1891-1893), его повести «Мужики» (1897) и «В овраге» (1899); серия крестьянских рассказов и очерков (1897) В.В. Вересаева; опубликованы очерки и рассказы из цикла «Уральские рассказы (1883) Д.Н. Мамина-Сибиряка; циклы очерков А.И. Эртеля «Записки степняка» (1882) и Н.С. Лескова «Праведники» (1884); лирические очерки А.И. Куприна «Листригоны» (1904) и другие тексты.

Данные произведения подготовили базу для появившихся в дальнейшем книг о жизни деревни, начиная от советского колхозного очерка 1920–1930-х годов до очерковой «деревенской прозы» 1950–1980-х годов.

1.3. Советский очерк о деревне 1920–1930-х годов

В 1920–1930-е годы популярными становятся индустриальные и сельскохозяйственные очерки Б.Л. Горбатова, Б.А. Галина, Ф.И. Панферова и других авторов. Такую тематику обусловили одноименные процессы роста производства и коллективизации, развернувшиеся по всей стране. Новые виды очерков были призваны стать инструментом пропаганды и убеждения советских граждан в том, что строительство коммунизма одобряется народом, непрерывно улучшает жизнь простых людей.

Школа советского очерка начала складываться в годы Гражданской войны (1918-1923), у её истоков стояли А.С. Серафимович, Д.А. Фурманов, Л.М. Рейснер.

Несмотря на главенство в очерковой прозе того времени военной темы, писатели находили возможность описывать жизнь деревень и сел, вместе с фронтом переживавших все тяготы.

Велики роль и заслуги А.М. Горького в развитии советского очерка – именно он возвёл очерк в ранг большой и влиятельной литературы. В 1922 году в Берлине вышла его статья «О русском крестьянстве», рассказывающая о зверствах и отсталости «хозяев земли» в быту, об откровенном мародерстве крестьян на фронте. Публикация вызвала волну критических обсуждений как в России, так и за рубежом. Однако Горького это не смутило, писатель ответил критикам, что его цель – не создание отталкивающего образа крестьянина, а, напротив, формирование надежды на то, что описанных им «страшных людей» «заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей» [Горький 1922].

В статье Горький развивал высказанную ранее И.А. Буниным в повести «Деревня» (1910) мысль о необходимости реалистично-критического отношения к русскому крестьянству, перечисляя среди своих единомышленников советских очеркистов нового поколения – выходцев из крестьян С.П. Подъячева, В.Н. Иванова и др.

Окончание Гражданской войны (1917-1922) разрядило напряженную обстановку, но не решило насущных для народа проблем голода, разрухи и нищеты. После утверждения в 1928 году плана первой пятилетки тема восстановления хозяйства и социального строительства на селе займет центральное место в прессе, в том числе в очерках. Произведения о деревне появляются на страницах наиболее популярных газет – «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» и др.

К 1925 году восстановление разрушенного во время войны хозяйства постепенно сменяется проходящей бурными темпами реконструкцией политической, хозяйственной и культурной жизни города и деревни. Этот период получает в публицистике того времени наименование эпохи «великого перелома» и находит отражение в очерках: «От деревенских полей» (1926) и «В предутреннюю рань» (1927) Ф.И. Панферова, «С котомкой» и «По советской

земле» (1925) В.Я. Шишкова, «Башмаки» (1925) и «Торф» (1926) М.М. Пришвина и др. Публицисты этого периода изображали крестьян борцами за новую деревню, коммунистами.

Среди большого количества очерков с изображением идиллических деревень, в которые вместе с революцией пришла и цивилизация, в публицистике и литературе 1920-х годов встречались единицы реалистических изображений новой деревни. Так, в 1925–1926 годах очеркисты «Нового мира» (Л.М. Григоров, Р.М. Акулышин и др.) тяготеют в изображении новой советской деревни именно к реализму. Появление в «Новом мире» очерковых описаний неприглядных картин деревни с грубыми и отсталыми обывателями негативно воспринималось просоветской критикой. Часто такие произведения относили к творческим неудачам авторов.

По оценке критика В.И. Дробышевского, особенно бурный рост очерка в 1930-х годах был связан с началом первой пятилетки (1928–1932). Переломным годом в истории очерковой прозы, когда «начинается настоящий очерковый прибой», называется 1929 год [Пути советского очерка 1958: 130]. Индустриализация на производстве и «сплошная коллективизация» на селе, объявленные И.В. Сталиным, определили характер очерков всего последующего десятилетия. Важную роль в развитии советской очеркистики конца 1920-х – начала 1930-х годов сыграли центральные газеты и журналы, где печатались очерки А.И. Колосова, Б.М. Левина, Б.Л. Горбатова и др.

В редакциях «Правды», «Комсомольской правды», «Известий», «Сибирских огней» впервые используют коллективные формы работы, очеркисты организуются в бригады. Тема деревни начинает занимать одну из центральных позиций в литературе и публицистике конца 1920-х – начала 1930-х годов, в связи с чем массовое развитие получает колхозный очерк. Всё более распространяются крупные жанровые формы: часто встречаются очерки большого объёма: очерковые повести «Станица» (1928) и «Разбег» (1932) В.П. Ставского, циклы очерков «Вызов» (1930) С.М. Третьякова, книга очерков «Переход» (1930) Б.А. Галина,

«Южное сияние» (1930) Б.А. Кушнера, тематические серии портретных очерков «Люди нашей страны» и др.

Одновременно с ростом популярности очерка вокруг него возникало множество споров. Активисты ЛЕФа и Литфронта во главе с С.М. Третьяковым объявляли очерк, мемуары и репортаж ведущими жанрами советской литературы и публицистики, исключая любую преемственность с классической русской литературой. Изымая из очерка художественное начало, они выступали за документальность и торжество факта. Известные очеркисты 1920–1930-х годов И.Ф. Жига, В.П. Ставский, Б.А. Галин, напротив, утверждали право очерка на художественность.

Вопросы «второсортности» очерковой литературы, попытка отдельных критиков признать очерк «вспомогательным жанром», «шаблоном», лишь «заготовкой» для таких больших литературных форм, как повесть и роман, вызывали жаркую полемику, становясь главными темами Всероссийских производственных совещаний очеркистов в 1931 и 1934 годах.

А.М. Горький защищал очерк от всех, кто считал его неполноценным родом литературы, «шаблоном», «заготовкой». С конца 1920-х годов писатель начал массовую пропаганду очеркового жанра. Кроме выступлений перед литераторами, он организовал выход печатных изданий: журналов «Наши достижения» (1929–1937), «Колхозник» (1934–1939) и др. По мнению писателя, журнал должен показать людям, что «в нашей стране уже нет “мелких” дел...» [Горький 1953а: 386]. На страницах «журналов оптимизма» предполагалось собирать все «положительные» факты советской действительности.

В 1928 году вышел первый номер журнала «Наши достижения». Идея журнала снова принадлежала Горькому, призывавшему всех авторов к массовой работе над очерками. Разработку темы деревни и проходившей в 1930-е годы массовой коллективизации он относил к разряду задач, поставленных в один ряд с индустриализацией производства, электрификацией страны и гигантскими стройками.

Несмотря на кажущуюся простоту деревенской темы, создать «полезную для колхоза вещь» оказался способен далеко не каждый автор. Самые суровые требования писателя Горького касались языка произведений: он решительно отрицал загромождение языка всякого рода провинциализмами и диалектизмами, называя их использование служением «этнографии», а не «искусству»; считал неприемлемым перегружать тексты сложной терминологией, при этом настаивал на обязательном приобщении колхозного крестьянства к знаниям о том, что делает советская наука. Язык, считал писатель, не должен быть слишком простым и слишком сложным, так как необходимо учитывать реальный уровень сельского жителя, колхозника. Кроме того, автор статьи для колхозников должен, как считал А.М. Горький, понимать, для кого он пишет, иметь представление о жителе деревни, то есть регулярно бывать в деревне или жить там [Там же].

Горький выступал за развитие жанрового многообразия, расширяющего рамки очерковой прозы. Среди очерков «Колхозника» были и портретные этюды («Мастер земли» М.А. Никитина), и путевые зарисовки («Большая Волга» А.С. Яковлева), и другие оригинальные жанровые формы. Заметное место в журнале занимали портретные очерки о человеке труда. Особенно ценилось новаторство авторов, предлагавших по примеру М.В. Борисоглебского в очерке «Челябинский тракторный завод» (1935, № 5) нестандартные очерковые решения, например рассказать о том, как делаются трактора.

Журнал «Колхозник» был закрыт в 1939 году, уже после ухода А.М. Горького. А очерку как жанру о реальных буднях деревни было суждено возродиться только после развенчания культа личности И.В. Сталина.

1.4. «Деревенская проза» 1950–1980-х годов

После окончания Великой Отечественной войны возвращение людей к мирной жизни проходило непросто. Деревня пострадала во время войны не меньше города: в 1950-х годах там царили голод и бедность. Очерк и очерковая проза как способы описания жизни деревни в это время оставались в упадке.

Речь идёт о нежелании писателей и журналистов вступать в конфликт с официальной точкой зрения, выраженной властями, о страхе высказывать собственное мнение. Бесконфликтность была свойственна всей литературе того времени, но, по справедливому замечанию Л.Ш. Вильчек, наибольшее расхождение между литературой и жизнью наблюдалось «именно здесь: в сельской теме и “сельском” очерке» [Вильчек 1988: 38]. Писать правду о том, как живёт деревня, было опасно и постепенно стало не принято.

Ситуация изменилась с появлением книги очерков В.В. Овечкина «Районные будни» [Овечкин 1952] и её продолжения – «На переднем крае» [Овечкин 1953]. Эти книги открыли в очерковой прозе, по определению В.А. Чалмаева, «дельное» направление, положили начало «деловой» сельской публицистике. «Деловое» направление стало прочной социальной и эстетической платформой «для целого реалистического направления, или течения, прозаиков и очеркистов» [Чалмаев 1973: 174]. Новизна, существовавшая в «деловом» подходе в описании сельской жизни, позволила автору по-новому взглянуть на жизнь деревни. Для критиков этого периода явной стала «пагубность шаблона в литературе» [Хомяков 2019: 160].

Анализируя сложившуюся ситуацию, М.А. Щеглов писал, что в литературе о деревне того времени преобладали «гигантские, расчетливо-бодрые романы-пирамиды» [Щеглов 1965: 174], не предполагавшие истинных конфликтов, уводящие в сторону от реальной деревни. Центральной темой «деловых» колхозных очерков стал глубокий анализ причин недостаточно быстрого развития деревни, её отставания от города. Очеркисты видели проблемы в слабом или дезориентированном партийном руководстве на местах и говорили об этом на официальных собраниях литераторов и совещаниях очеркистов.

Публицистов поколения В.В. Овечкина упрекали в том, что их очерки, содержащие расчеты, цифры, данные статистики, куда больше похожи на экономические статьи. Однако очеркистов это не смущало. В.А. Солоухин, к примеру, убеждал коллег, что очерк обязательно должен описывать труд, «а труд выражается в центнерах сахарной свеклы, в тысячах литров за лактацию» [Год

тридцать восьмой 1955: 318]. Очеркисты доказывали, что в данном жанре художественность должна быть минимальна, а главное здесь – точность и документализм, которые немислимы без цифр и статистических выкладок.

С послевоенным десятилетием связаны успехи именно проблемного очерка о деревне. Вслед за «Районными буднями» появились: «Деревенский дневник» (1953) Е.Я. Дороша, «На среднем уровне» (1953) А.В. Калинина, «Падение Ивана Чупрова» (1953) В.Ф. Тендрякова, «История одного открытия» (1954) В.А. Величко, «Первая борозда» (1955) Т.К. Журавлева, «На средней косе» (1953) В.А. Каверина, книга очерков «Письма из деревни Сыгедате» (1955) Ю.Ю. Смуула и др.

Откровенный разговор в публицистике о жизни деревни способствовал коренным переменам в общественном сознании. Бурное развитие экономической проблематики выдвигало на первый план острые хозяйственные проблемы, требующие оперативного разрешения, способы которого нередко предлагались в очерках. Критик И.П. Золотусский отмечает, что писателей захватил «социологизм». Труд авторов, создающих очерки, он сравнивает с физическим трудом: «Они, как граждане, выходили на субботники и таскали кирпич» [Золотусский 1970: 25]. С конца 1950-х очерковая проза обеспечила себе подъем читательского и авторского интереса.

Критиков интересовали причины успеха таких произведений, одной из причин они считали создаваемые характеры, образы персонажей с их взглядами на мир. В.В. Овечкин отмечал, что передовая публицистика (В.Ф. Тендряков, С.А. Крутилин, С.А. Залыгин и др.) «держалась на характерах» [Овечкин 1973: 4]. Л.А. Теракопьян добавлял, что персонажи очерков отражали типизацию и создаваемые герои были «не просто характеры, индивидуальности, но своего рода типы эпохи» [Теракопьян 1978:258].

Со второй половины 1950-х – начала 1960-х годов в очеркистику входят имена сибирских авторов, пишущих о деревне, – Л.И. Иванова, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова, Т.Л. Саблиной и др. Так, очерковые циклы Л.И. Иванова («Мартовские восходы» и «Хозяева» (1970), «Снова весна» (1971), «Новые ступени» (1973), «Край

любимый» (1974) и др.) значительно расширили границы очерковой прозы о деревне в 1970-х годах, придали жанру завершенность. В.Я. Канторович отмечает их ориентацию на наиболее актуальные проблемы деревни [Канторович 1973: 486]. При этом жанр очерка продолжает испытывать трансформации, что неизбежно с учётом его гибридного характера. В частности, происходит переход к лиризму, дополняющему прежние «сухость» и объективность изложения.

Острые художественно-публицистические очерки появлялись на страницах «толстых» журналов «Нового мира», «Октября», «Сибирских огней» и др. Традиции «деревенской» школы в сибирской прозе 1960-х годов продолжал П.Н. Ребрин. Наиболее остросоциальными его произведениями в «оттепельный» период стали очерки «Головырино, Головырино...» (1963) и «Тюкалинские страницы» (1965). Очерковую прозу П.Н. Ребрин анализирует в диссертационном исследовании М.А. Зайцева, отмечающая её жанровое своеобразие и даже формирование в творчестве сибирского автора особого жанра, «отличающегося универсализмом и эпическим масштабом изображения» [Зайцева 2010: 7].

В «Головырино...» писатель отказывается от узконаправленной концепции «все дело в председателях» [Виноградов 1966] в пользу более глубокого размышления о коллективной судьбе крестьян, живущих в двух разных по своей сути деревнях – благостном Головырино и заброшенной Патровке. В книге «В ответе у времени» И.И. Виноградов отмечает, что так был создан особый «публицистически очерковый дух», настолько соответствовавший времени, что вскоре он стал характерной приметой не только очерковой прозы с её документальностью, но и произведений, которые «pretendуют быть романами, повестями или рассказами» [Виноградов 1966: 9].

Популярность очерковой прозы в 1960-х была связана с началом глубокого осмысления народной жизни. Очеркисты первыми заметили, что за бедственным положением деревни стоит разрушение вековой патриархальной культуры русского крестьянства. Публицистика постепенно отказывается от описания сугубо административно-хозяйственных моментов жизни современной деревни в пользу исследования основ народного характера и нравственности. На смену

«узкохозяйственному разговору», – пишет критик М.П. Лобанов, – пришел разговор другой, более широкой направленности, «связанный с главным предметом литературы – социально-нравственными связями людей» [Лобанов 1969: 71-72].

К этому моменту в прозе о деревне уже было сформировано два основных направления: социально-аналитическое (В.Ф. Тендряков, Ф.А. Абрамов, Б.А. Можаяев и др.) и лирическое (В.А. Солоухин, С.А. Крутилин, Ю.П. Казаков, В.П. Астафьев и др.).

В 1971 году на совещании литераторов Ф.А. Абрамов выделил эти две линии в развитии «деревенской» темы в послевоенной литературе. Описывая первую из них, критик В.Е. Ковский отмечает её связь «с конкретными вопросами руководства сельским хозяйством» [Ковский 1981: 23], со стремлением укрепить это руководство, сделать его более компетентным. Эта фаза наблюдалась в 1940-х – первой половине 1960-х годов. Вторая линия получает развитие во второй половине 1960-х годов, когда сельская отрасль постепенно выбиралась из кризиса и пришло время задуматься о духовных ценностях. Необходимость обратиться к духовным началам обострилась в связи с наступлением эпохи научно-технического прогресса, связанной с переменами в демографическом состоянии деревни, с проблемами взаимоотношений человека и природы, охраны экологической среды. Стало очевидно, что разработки требуют вопросы особенностей русского национального характера, стремление осмыслить культуру и мораль народа.

Показательным в этом смысле стал автобиографический очерк В.Г. Распутина «Вниз и вверх по течению» (1972), опубликованный сначала в «Нашем современнике». В нем нашли отражение личные чувства и мысли писателя, связанные с промышленным затоплением родных ему мест на Ангаре. В герое очерка, молодом писателе Викторе, без труда узнается сам В.Г. Распутин. Автор считает, что отношение к природе должно быть «поставлено в ряд важнейших моральных принципов современности» [Распутин 1972: 243], связанных с будущим России.

Личная горечь, связанная с затоплением тысяч гектаров плодородной земли, уничтожением лесов, гибелью рыбы и отчаянием людей, потрясенных массовым переселением из родных мест, наполняет очерки писателя. Это взгляд изнутри и одновременно извне, поскольку автор пытается осмыслить происходящее и найти пути решения проблем. От рассмотрения остросоциальных вопросов В.Г. Распутин переходит к философскому осмыслению судьбы всего поколения людей, к вопросу о преемственной связи поколений, к тому, что в природе нарушено равновесие. Дальнейшее развитие тема получит в повести «Прощание с Матёрой» (1976).

Проблеме русского национального характера, его противоречивости посвящены и произведения о деревне В.П. Астафьева, который, по мнению В.И. Хомякова, видел в крестьянине и хорошее (способность к жалости и состраданию, доброту, незлобивость, трудолюбие), и негативное («безалаберность», попустительствующую злу, «покорность», нравственную пассивность) [Хомяков 2015б: 119]. В результате портрет крестьянина, который рисовал автор, получался полным и разноплановым, исключал приукрашивание образа.

В публицистике и литературе 1970-х возникают новые мотивы. В.А. Сурганов пишет, что в 1960–1970-х годах свершилось «покорение природы», к которому так стремилось несколько поколений людей. Однако стало очевидно, что с ним «по-прежнему связаны не одни только радости» [Сурганов 1981: 571]. Шагом в диалектическом постижении этой проблемы стали книги В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976), В.П. Астафьева «Царь-рыба» (1976), Ч.Т. Айтматова «Белый пароход» (1970), Ю.В. Бондарева «Берег» (1975) и др.

В них традиционная лирическая тема была осмыслена по-новому: символично-философское возведение Матёры в ранг «крестьянской Атлантиды» (В.А. Сурганов) позволило прозе о деревне обрести новое философско-публицистическое качество, расширить границы явления «деревенской прозы». Именно с этим периодом связано формирование нового «онтологического» [Белая 1981; 1983] прочтения прозы о деревне.

В.Е. Ковский приводит высказывания о прозе В.И. Белова и В.Г. Распутина критиков того времени: «Такая проза “не замечает” в деревне колхоза или не ставит целью его изобразить...» [Ковский 1981: 23]. Действительно, задача этой прозы оказывается в постановке «чистой» нравственной проблемы. Вместе с тем «деловую» линию сельской журналистики в 1970-х продолжают очеркисты Ю.Д. Черниченко («Яровой клин», 1975), П.Н. Ребрин («Это гудит время», 1979), Т.Л. Саблина («Письма из сибирской степи», 1974), И.Ф. Петров («Земля отцов», 1974) и др.

В.А. Сурганов отмечал, что очеркисты, освещавшие тему деревни в 1950-х годах, были сконцентрированы на проблемах какой-то определённой местности, «локальной зоны сельской “глубинки”», где «туже всего затягивались узлы их конфликтов» [Сурганов 1981: 598-599]. Публицисты 1970-х шагнули дальше: в круг их наблюдений и размышлений попадает вся страна.

Цикл очерков «Яровой клин» (1975) Ю.Д. Черниченко объединяет десятки историй бедных и богатых колхозов в разных уголках СССР (Крым, Молдавия, Литва и др.). Теперь объект изображения уже не личность одного председателя колхоза или секретаря райкома, а множество талантливых и бесталанных руководителей, успех которых определяется степенью их любви к родной земле и уровнем знаний о ней. Речь идет о современной сельскохозяйственной науке, которой в очерках этого периода уделяется большое внимание. Новые тенденции в публицистике конца 1970-х – начала 1980-х годов связаны с новым типом проблемного очерка. Говоря о нем, В.В. Овечкин называет очерк Г.Н. Троепольского «О реках, почвах и прочем» (1965), очерки Ю.Д. Черниченко «Ржаной хлеб» (1971), «Земля в колосьях» (1972), «Про картошку» (1980). К списку авторов можно добавить И.А. Васильева, Б.А. Можаяева, А.И. Стреляного и др.

В.В. Овечкин понимал, что новые публицисты продолжают заложенные им самим очерковые традиции, продолжают его дело. Он писал в 1965 году, что ему «отрадно видеть» в их работах «человека, вооруженного солидной экономической и агрономической подготовкой», пользующегося достижениями современной

аграрной науки, которого можно охарактеризовать как «новый тип публициста» [Овечкин 1990: 96].

Главное, что отличало новую прозу 1970-х о деревне, – это постановка общественно значимых проблем, знание предмета и высокая компетентность. Однако именно это качество очерковой прозы в 1980-х годах стало главным предметом литературно-критических споров. Критика укоряла публицистов в «топтании на месте», чрезмерном углублении в проблемы социально-экономического развития, напоминая о том, что предметом публицистики является человек, «его психология, переживания, чаяния, душа» [Кардин 1989: 304]. Литератор в такой парадигме должен не «заменять собою научно-исследовательское учреждение» [Там же], а изучать эту душу, стремиться постичь человека во всём многообразии его проявлений.

Вопрос повышенного внимания очеркистов к проблемам сельского труда и пониженного – к людям волновал и Л.Ш. Вильчек, которая заявляла: «...Нужна публицистика, постигающая души, а не цифры!» [Вильчек 1988: 50]. Она выделяет талантливые очерки и эссе непроизводственного направления: «Запах мяты и хлеб насущный» (1982) Б.А. Можаяева «Земля русская» (1983) и «Земляки. Письма из деревни» (1985) И.А. Васильева, «Про картошку» (1980) и «Комбайн косит и молотит» (1983) Ю.Д. Черниченко, «Это гудит время» (1979) П.Н. Ребрина, «В гостях у матери» (1985) А.И. Стреляного и др.

В 1980-е годы проблема соотношения в жанре очерка о деревне «производственного» и «человеческого» постоянно обсуждается в критике. В.А. Сурганов по этому поводу пишет, что данная проблема стояла начиная с публицистики второй половины 1920-х годов, и однозначного её решения не существует. Авторы должны анализировать факты, «отталкиваясь от насущных проблем сельской жизни», и в то же время постоянно обращаться «к коренным вопросам бытия», в число которых входят «жизнь и смерть, добро и зло, человек и природа» [Сурганов 1981: 609]. Литература, которая анализирует социальное без бытийного, глубинного, не может существовать. Л.Ш. Вильчек отмечает, что каждое из произведений деревенской очеркистики, как и «деревенской прозы»,

оценивалось критикой довольно высоко. И в то же время в критике постоянно звучали мнения «о перманентной деградации публицистики» [Вильчек 1988: 242], о том, что она перестаёт занимать то значимое место, которое принадлежало ей ранее.

Выводы

Очерк является жанром синкретического типа, объединяющим художественные и публицистические черты. Для него характерны описательность, образность, злободневность, социальность, выражение автором субъективной точки зрения. Очерк нацелен одновременно на констатацию факта и исследование проблемы. Двойственность, «пограничность» жанра очерка отмечается многими исследователями, начиная с момента его появления в русской литературе. Об этом свидетельствует постоянное развитие новых форм очерковой прозы (этюда, очерк-рассказ, очерк-зарисовка и др.).

Осмысление корпуса теоретических и историко-литературных исследований, обращение к специфике публицистических форм очерка позволяют обнаружить не только устойчивое ядро жанра, но и его постоянную трансформацию, усилившуюся к началу 2000-х годов и отмеченную возникновением новых жанровых «имен».

Очерк как жанр и очерковая проза в целом характеризуются связью с жизнью, документальностью, желанием авторов осмыслить наблюдаемые явления и события, а поэтику очерковых произведений формирует глубокий психологизм, разработка характеров, сюжетность, стремление авторов проникнуть в сущность описываемого. В современной литературе появляется целый ряд текстов, в том числе посвящённых деревенской тематике, в которых воедино слиты черты очерка и рассказа, очерка и повести, сформирована тенденция к эссеизации текстов, часто единными являются образы автора и повествователя.

В системе русского очерка как гибридного жанрового образования особо выделяется очерк о деревне. Появление каждого жанра в литературе всегда

исторически обосновано. На начальном этапе очерк скорее можно было отнести к путевым заметкам. С 1830–1840-х годов очерк с периферии русской литературы выдвигается в её центр, занимает в литературе устойчивое положение. В классический период развития русской литературы известность приобрели художественные и публицистические произведения о деревне Д.В. Григоровича, В.Г. Короленко, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других авторов.

В русской очерковой прозе XIX века были заложены такие традиции, как проблемность и гражданственность; наблюдалось изображение острых социальных проблем жизни крестьянства; присутствовали реалистичность и натуралистичность, правдивость создаваемых образов, типизация народных характеров, художественное начало, изображение внутреннего мира героев-крестьян. Уже в это время в литературе о деревне наметились две основные тенденции – идиллическая (ориентация на изображение сельской жизни как прекрасной, идеальной) и реалистическая (стремление показать проблемы, существующие на селе), которые действовали на всём протяжении её развития.

В советской литературе 1920–1930-х годов получил распространение колхозный (сельскохозяйственный) очерк. Процессы сельскохозяйственного строительства, развития аграрного производства и коллективизации, а также идеология того времени требовали от публицистов изображения деревни в оптимистических тонах. Очерк стал инструментом пропаганды, и в этом виде он не предполагал наличия критической, проблемной составляющей.

Основной темой и проблемой очерковой прозы о деревне в этот период стала судьба крестьянина, который искренне принял советскую власть и непосредственно участвовал в строительстве новой жизни, несмотря на голод и разруху, классовую борьбу на селе.

В советский период, начиная с 1950-х годов, очерк о деревне трансформировался в соответствии с требованиями времени. На первый план вышло изображение положительных перемен, которые принесла деревне советская власть, описание строительства новой жизни, прогрессивного развития колхозов,

пришедшего в деревню технического прогресса. Появляются образы новых героев – рядового колхозника и руководителя, нацеленных на социалистическое преобразование деревни, отказывающихся от мелкособственнических настроений. В то же время сохраняется традиция изображения проблем деревни, сложностей в жизни крестьян, их сомнений, трудностей принятия ими новых реалий.

К достижениям колхозного очерка можно отнести оперативность реагирования на события; действенность – способность влиять на ситуацию и менять её к лучшему, изображение нового героя, объективный взгляд на происходящее в деревне со стороны крестьянина. Очеркисты стремились показать материальные и психологические трудности в принятии крестьянами колхозной системы хозяйствования.

В 1950–1980-е годы очерк о сельской жизни проходит несколько значимых этапов в своём развитии. В 1950-е наблюдается упадок жанра, связанный с усилением цензуры и отсутствием свободы слова. Колхозная жизнь изображается идеализированно, как жизнь «новых» людей – строителей коммунизма. Появление очерков В.В. Овечкина послужило выведению жанра очерка о деревне из кризиса. Получает распространение «деловая», «производственная» очеркистика (Б.А. Агапов, С.А. Залыгин, В.А. Солоухин и др.); в 1960-х годах развивается жанр проблемного очерка о деревне (Е.А. Дорош, Л.И. Иванов, С.А. Крутилин, П.Н. Ребрин, В.Ф. Тендряков и др.). Для производственного очерка были характерны темы аграрных достижений передовых хозяйств, социалистических рекордов; проблемы и конфликты в руководстве колхозов, заботы крестьян о пропитании и др.

В 1960–1970-х годах возникает необходимость в очерках, ориентированных не столько на производственную проблематику, сколько на изображение человека села, его нравственных основ, особой культуры деревни. Формируются два направления в очерковой прозе о деревне: лирическое, представленное очерками В.П. Астафьева, Ю.П. Казакова, С.А. Крутилина, В.А. Солоухина и др., и социально-аналитическое, которое развивали Ф.А. Абрамов, Б.А. Можаяев, В.Ф. Тендряков и др.

Очерковую прозу о деревне 1970–1980-х годов отличала постановка общественно значимых проблем, знание предмета и высокая компетентность «нового типа» публициста. Более прочной становится связь между очерковой литературой о деревне и «деревенской прозой»: не случайно многие авторы очерков были одновременно и журналистами, и писателями. В последующие десятилетия писатели от рассмотрения остросоциальных проблем переходят к философскому осмыслению судьбы крестьянства как традиционной российской общности.

ГЛАВА 2. «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

2.1. Споры о «деревенской прозе» в критике 1950–1960-х годов

«Деревенская проза» как литературное течение с самого начала своего появления вызывала у критиков, литературоведов, социологов, философов, психологов интерес и желание разобраться в этом феномене.

Самым влиятельным литературным направлением XX века феномен «деревенской прозы» стал, прежде всего, благодаря передаче в этих произведениях национально-культурного самосознания русского народа, вниманию авторов к своеобразию русского национального мира, их желанию запечатлеть историческую память и сохранить основы русского языка.

Начиная с 1950-х годов «деревенская проза» стимулировала появление большого количества произведений критической литературы, став темой многих статей, рецензий, выступлений, дискуссий, по сути породив собственную критическую литературу. А.П. Петрик писал по этому поводу: «...Целая плеяда критиков вошла в литературный процесс со своими статьями о “деревенской прозе”, ее представителях» [Петрик 1981: 66]. Вместе с тем в этом процессе литература стала не объектом изучения, а, скорее, поводом и аргументом в актуальных и злободневных спорах [Там же].

Критическое осмысление «деревенской прозы» началось с очерка В.В. Овечкина «Районные будни», который был опубликован в 1952 году в журнале «Новый мир» [Овечкин 1952]. За ним последовал очерк В.М. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованный в том же журнале [Померанцев 1953]. Данный исторический период можно охарактеризовать как начало периода оттепели, и публикация В.М. Померанцева стала одним из наиболее значимых документов этого периода.

Большой резонанс вызвала статья Ф.А. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» [Абрамов 1954], носившая критический характер. Её автор

был тогда начинающим писателем, «программным документом “новой литературы”» [Большакова 2002а: 13] его статью назвали гораздо позднее. Ф.А. Абрамов сумел увидеть, что на смену «пасторальному романтизму», пропитывающему колхозную литературу в предшествующие периоды, приходил подлинный реализм с обязательным для него изображением настоящих характеров, с вниманием к социальной организации отношений между людьми и внутреннему миру героев.

Конец 1950-х – начало 1960-х годов вошли в историю советской литературы как эпоха «поэтизации деревни». Произведения В.А. Солоухина, С.А. Крутилина, Ю.П. Казакова стали проявлением лирической деревенской прозы, нацеленной на изображение уникальности всякого национального явления – от элементарных предметов быта до народных характеров. По мысли В.А. Суханова, «она выражала “теплоту патриотизма”, восходящую к традициям русских классиков – Л.Н. Толстого, И.А. Бунина». В ней отразилось «восстановление национальной точки зрения на мир и человека» [Суханов 2004: 8]. Так постепенно лирическая «деревенская проза» создавала условия для развития литературы национального самосознания.

Начало новому литературному периоду в развитии «деревенской прозы» положили «Деревенский дневник» Е.Я. Дороша [Дорош 1958], «Владимирские проселки» [Солоухин 1958] и «Капля росы» [Солоухин 1960] В.А. Солоухина. В произведениях внимание акцентировалось на необходимости бережного отношения к традициям русской деревни, которые начали осознаваться как вечные. В числе таких традиций были заявлены уклад жизни, глубокие связи с природой, трудолюбие, традиционная крестьянская мораль. Само строение крестьянского мира начало восприниматься как ценность, а сам этот мир – как коренная сущность русского человека, способная быть полезной и для современника, а потому – достойная сохранения.

Лирическая проза меняла угол зрения, под которым воспринимался деревенский мир. Ф.Ф. Кузнецов говорил о том, что в произведениях данного периода «трудно уловима эта грань между очерком и высокой прозой». Он отмечал,

что, воплощая ряд достоинств, например сочетание публицистичности и лиричности, документализма и стремления к обобщению, произведения «деревенской прозы» «рушили привычные представления о жанрах» [Кузнецов 1987: 3], поскольку сочетали в себе черты разнообразных жанров – очерка, рассказа, статьи, повести и др.

Причём сочетание и взаимопроникновение жанровых форм оказывалось тонким, ненарочитым, даже незаметным для простого читателя, который мог читать повесть и даже не думать о том, что она насыщена элементами документальности и чертами очерка.

Как отмечали исследователи, сформировался новый литературный образец, основанный (в отличие от колхозного романа) на реалистичном и одновременно поэтичном, искреннем и подлинном изображении действительности [Партэ 2004: 78]. Вместе с тем эти изменения имели как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, было показано обращение сельских жителей к благам цивилизации, а с другой – забвение ими вековых традиций крестьянской жизни.

Об этом, в частности, свидетельствует дискуссия, развернувшаяся в 1964 году на страницах «Литературной газеты». В спор включились такие писатели и критики, как В.А. Солоухин (статья «Диалог»), А.М. Борщаговский («О хороводах и дне нынешнем»), Б.А. Можаяев («Продолжим диалог»). Позднее в статье Л.Ш. Вильчек прозвучит мысль о том, что именно возвращение к истокам В.А. Солоухина «стало стилеобразующим фактором и внутренним критерием выбора героев и судеб» [Вильчек 1985: 51], формирования образов и сюжетов. Появилось понимание того, что уходящие в прошлое под воздействием современности реалии деревенской жизни достойны не забвения как чего-то тёмного и отсталого, а внимательного изучения, памяти, сохранения.

Начиная со второй половины 1960-х годов рядовой человек с его переживаниями и бедами волновал авторов «деревенской прозы» больше, чем экономические проблемы и плановое хозяйство. Более того, в литературе усиливалось стремление перейти от исследования народных характеров к

осмыслению пути крестьянства. На волне вызревания народного эпоса, вместе с эпохальной темой раскулачивания советской деревни в 1920–1930-е годы, на материалах истории коллективизации написаны произведения «деревенщиков» – повести «На Иртыше» (1964) С.П. Залыгина, «Деревянные кони» (1970) Ф.А. Абрамова, «Привычное дело» (1966) В.И. Белова, «Живой» (1968) Б.А. Можая. «Деревенская проза» обретает иной масштаб описания: она воссоздаёт исторический путь России, в контексте которого проходит жизнь героев этих произведений.

В ходе осмысления «великого переустройства крестьянского мира» важным для писателей оказался взгляд в прошлое, позволяющий объективно оценить исторический опыт, без которого путь в завтра на этом этапе начал казаться затруднительным. В связи с чем на 1960-е и начало 1970-х, по мнению исследователя Г.А. Цветова, приходится относительно короткий в литературе того времени период «памятливой прозы» [Цветов 1985: 14].

В 1967–1968-х годах в «Литературной газете» этой теме была посвящена большая литературная дискуссия. Задуманная как разговор о лирической прозе 1960-х годов, полемика трансформировалась в разговор о «деревенской прозе», «о роли крестьянства в судьбах нации», и, незаметно для участников, вышла на глобальные темы социального содержания литературы, исторического прогнозирования, дальнейшего пути развития «всего современного человечества» [Старикова 1972: 12] и России в частности.

Считается, что первая попытка анализа идеи христианской этики и «пассивного гуманизма» прозвучала в выступлении одного из участников указанной дискуссии В.В. Кожина, в его рассуждениях о роли крестьянства в обществе, в его постулировании того, что крестьянство – «необходимая почва для постоянного возрождения жизненной силы наций» [Кожин 1968: 5]. Эти идеи возникли на основе анализа образов Ивана Африкановича из «Привычного дела» (1966) и старухи Дарьи из «Прощания с Матёрой» (1976) как нравственно безупречных, но при этом инертных людей. В жителе деревни критик увидел

богатый нравственный потенциал, духовную основу, на которой стоит русская культура и которую не следует разрушать.

Внимание писателей к глубинным, самобытным основам личности крестьянина, к традиционному крестьянскому миру, о чем рассуждали участники литературных дискуссий 1960-х годов, в этот период усилилось и вышло на первый план.

2.2. «Деревенская проза» в оценке литературоведения и критики 1970–1980-х годов

В 1970-е годы в жизни русского крестьянства происходят необратимые изменения, связанные с индустриализацией экономики и уничтожением «неперспективных деревень».

В течение двух десятилетий, в 1970–1980-х годах, появляются главные произведения «деревенщиков»: повести «Деревянные кони» (1970) Ф.А. Абрамова; «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976) В.Г. Распутина; повесть «Царь-рыба» (1976) В.П. Астафьева; роман «Кануны» (1976) и книга очерков «Лад» (1979-1981) В.И. Белова; роман «Мужики и бабы» (1976) Б.А. Можаяева.

В истории литературы этот период получил определение «новой волны» «деревенской прозы», хотя уже в начале 1970-х становится понятно, что прежней деревни уже нет и больше не будет. Характеризуя этот период, критик В.А. Чалмаев отмечает: «Исчез вдруг сам объект надежд, упований, пророчеств – былая деревня!» [Чалмаев 1985: 98]. В жизни, быте, традициях деревенских жителей произошли невозвратные трансформации; крестьяне, не знавшие о горячих спорах писателей и критиков по их поводу, просто перестали быть предметом этих споров, поскольку прекратили своё существование в былом виде.

Писатели начинают говорить о гибели русской деревни как о свершившемся факте. Достаточно вспомнить письмо Ф.А. Абрамова землякам, где он гневается на них за лень и инертность, исповедь В.М. Шукшина, мечущегося между городом и

деревней, стоявшего, по его образному сравнению, «одной ногой на берегу, другой в лодке» [Шукшин 1967]. Но наиболее точным, острым, трагичным писателем в осмыслении «конца сельского, крестьянского мира» критики, по общему мнению, считают В.Г. Распутина. Его повести «Последний срок (1970) и «Прощание с Матёрой» (1976) Л.Ш. Вильчек определяет как «реквием этому уходящему миру» [Вильчек 1985: 70]. Более того, «Прощание с Матерой» исследователи чаще других называют финальным аккордом «деревенской прозы», задающим нижнюю точку системы координат – от В.В. Овечкина до В.Г. Распутина [Там же: 72].

К первой половине 1970-х годов в советском литературоведении сложилась группа авторов, критически оценивавших «деревенскую прозу». В своих статьях критики В.И. Воронов, Л.Г. Якименко, А.Г. Бочаров и некоторые другие представляли прозу о деревне как не содержащую положительного социального посыла, несовременную, устаревшую, «уводящую читателей с большаков современности на тележные проселки прошлого» [Цветов 1985: 4].

В конце 1970-х годов в литературно-критической среде также заметно усилились реакционные и прогностические настроения. По мнению исследователя А.П. Петрика, они были связаны с поиском писателями «деревенской прозы» новых тем и стилевых решений [Петрик 1981: 65]. К тому моменту «деревенской прозе» прямо и косвенно вменялся целый ряд слабостей: недостаточная убедительность в социальном анализе и исторических воззрениях, часто недостоверное идеализированное изображение мира патриархальной деревни и т. п.

Главное, в чём её обвиняли, – выход прозы к современным чаяниям и переживаниям сельских жителей давался современной литературе о деревне с большим трудом. В связи с этим якобы росло недовольство читательской аудитории, указывающей на то, что потенциал высокой литературы во многом уступает потенциалу эпохи.

По оценке исследователей, в 1970-е годы все более отчетливо прослеживалось желание партийных идеологов вернуть советской литературе мифологизированную «социореалистическую модель отражения

действительности» [Шуртаков 1967: 65]. В качестве основы нового мифа писателям предлагались «хлебная целина, нефтяная Сибирь, космос, Мировой океан» [Проханов 1979: 4]. «Деревенская проза» с её «низменными», простыми проблемами идеологов не устраивала, ведь литература, по их мнению, должна вести людей к лучшему будущему, быть максимально оптимистичной и мотивирующей такой оптимизм у читателей.

В сентябре 1979 года редакция «Литературной газеты» объявила о начале дискуссии «“Деревенская проза”: большаки и проселки», впоследствии вошедшей в историю советской критики как одна из самых масштабных. В полемике, продолжавшейся более полугода, приняли участие литературные критики, известные своими работами о «деревенской прозе», писатели из разных регионов и республик СССР, в творчестве которых нашла отражение тема деревни, а также работники сельского хозяйства и простые читатели.

Часть критиков (В.И. Гусев, В.Г. Бондаренко, А.А. Устинов) и писателей (В.А. Коваленко, А.А. Проханов) сосредоточилась на резком осуждении «деревенской прозы» за «заведомое сужение кругозора, предвзятость и самоограничение» [Проханов 1979: 4], за безграничную любовь к патриархальному миру деревушек, за идеализацию прошлого. В ответ на обвинения в «узости» и застое писатели-«деревенщики» утверждали, что прозу о деревне всегда отличала высокая художественность, достоверное бескомпромиссное изображение действительности, глубокая гражданственность и традиционная мораль.

Дискуссия в «Литературной газете» дала толчок развитию критической мысли, послужила поводом для многочисленных статей и обзоров на страницах журналов «Вопросы литературы», «Филологические науки», «Литературное обозрение». Например, исследователь А.П. Петрик, сформулировавший мысль о «деревенской прозе» как о целостном течении, имеющем собственные органические законы развития, впервые высказался об этом по итогам полемики в «Литературной газете». Он отмечал условность понятия «деревенская проза» и вместе с тем его закономерность. Понятие, по его мнению, обозначает далеко не

все произведения о деревне, а скорее художественное внутренне противоречивое явление, в котором «связь сильнее отталкивания» [Петрик 1981: 66].

В начале 1980-х годов критик Г.А. Белая пишет о паузе, которая почувствовалась в литературе после выхода всех наиболее известных произведений писателей-«деревенщиков». В статье «Польза интуиции» она подробно исследует разного рода синтетические явления, приводит пример эстетического сближения «деревенской» и военной прозы в произведениях «Пастух и пастушка» (1967) В.П. Астафьева, «Живи и помни» (1974) В.Г. Распутина, «И дольше века длится день» (1980) Ч.Т. Айтматова, и называет новое состояние литературы второй половины 1970-х годов «периодом усталости».

Г.А. Белая говорит о формировании новейшей прозы, которая стоит вне узких рамок, в том числе вне рамок «деревенской» литературы. То есть конкретный «деревенский» материал представляет собой «не более чем плацдарм для решения бытийственных вопросов» [Белая 1981: 10]. Отсюда возникающие в работах Г.А. Белой альтернативные для наименования «деревенской прозы» термины – проза натурфилософского плана, натурфилософская, онтологическая.

Одновременно с расцветом журнальной критики заметно возрастало внимание к феномену «деревенской прозы» со стороны литературоведов: так, в начале 1980-х годов в свет выходит сразу несколько монографий, посвященных историографии и проблематике явления. В них авторы прослеживают связь литературных традиций деревенской литературы XIX и XX веков, анализируют исторические судьбы русского и советского крестьянства, развивают мысль об онтологическом содержании и нравственно-философском характере советской прозы о деревне в историческом контексте литературы русского реализма. В этой связи следует назвать монографию В.А. Сурганова «Человек на земле» [Сурганов 1981].

В 1984 году выходит знаменитый сборник статей и рецензий Ф.Ф. Кузнецова «За все в ответе» [Кузнецов 1984], тремя годами позже автор издает книгу о судьбах деревни в современной прозе «Самая кровная связь» [Кузнецов 1987]. Предметом исследования Ф.Ф. Кузнецова прежде всего становятся глубинные процессы ломки

социального и бытового уклада старой деревни, а в 1960–1970-е годы связанные с ними глобальные духовные и эмоциональные издержки, которые вызвали в литературе о деревне «еще одну своеобразную реакцию: сентиментально-романтический взгляд на крестьянскую жизнь» [Там же: 13].

Начиная с середины 1980-х годов в критических статьях и обзорах все чаще звучит тема подведения итогов и осмысления наследия «деревенской прозы». С одной стороны, это происходит в связи с нестабильной социально-политической обстановкой в стране, связанной с началом перестройки и формальной потребностью в переменах, с другой – все большее число критиков и литературоведов соглашаются, что главные шедевры «деревенской прозы» уже созданы и потенциал данного литературного течения постепенно сходит на нет.

В 1985 году в журнале «Вопросы литературы» опубликована статья Л.Ш. Вильчек «Вниз по течению деревенской прозы» [Вильчек 1985], в которой под рубрикой «Дискуссионная трибуна» автор рассуждает о феномене «течения» «деревенской прозы». Вопрос, выносимый на обсуждение: что делает разрозненные на первый взгляд фрагменты столь разных авторов (от «производственника» В.В. Овечкина и «лирика» В.А. Солоухина до «натурфилософа» В.Г. Распутина) целостным и органичным явлением? В этой связи предполагается, что деревня для современных писателей – это не только место действия их произведений, а «нечто неизмеримо большее, нежели просто экономический, географический или демографический регион» [Вильчек 1985: 36]. Автор отмечает, что сказать о писателе: он урбанист – не сказать ничего. Сказать: он «деревенщик» – обусловить социально-философское и нравственно-этическое содержание его прозы.

Таким образом заостряется внимание даже не столько на теме деревни, сколько на ее особенной значимости для России, для русского народа. По мнению исследователя, исторические реалии, уравнившие понятия «русское крестьянство» и «русский народ», закрепившие их в качестве синонимов, обусловили особенность деревенской темы в России.

В спор с Вильчек на страницах «Вопросы литературы» вступил критик В.А. Чалмаев. Он отмечал, что применительно к «деревенской прозе» можно говорить не только о значительных и важных исторических, социальных и социологических исканиях, но и о «борьбе за определённые, не устаревшие нравственные ценности» [Чалмаев 1985: 7]. Его позиция сводилась к критике зауженного взгляда на содержание и суть «деревенской прозы», рассматриваемых исключительно сквозь призму темы. Чалмаев предложил искать разгадку феномена в уникальной в своем роде «программности» «деревенской прозы» – том нравственно-философском кодексе, который часто спорно, часто неосознанно, часто по-своему, но всё же защищал каждый из «деревенщиков».

В 1985 году выходит в свет монография ленинградского литературоведа А.Ф. Лапченко «Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов». Социально-философское понятие «власть земли» А.Ф. Лапченко относит к свойствам народного характера и традиционно связывает его с воздействием земли «на духовный облик, нравственные и эстетические представления крестьянина» [Там же: 4-5]. Предметом исследования автора становится нравственная проблематика экологических повестей В.Г. Распутина, особенности повествования в рассказе «Царь-рыба» (1976) В.П. Астафьева и социально-философская составляющая романа «Комиссия» (1975) С.П. Залыгина.

Литературу 1970-х годов исследователь в полной мере считает социально-философской прозой, основанной на представлении о земле как «первооснове духовного бытия и самой жизни» [Там же: 9]. По его мнению, в условиях стремительного обновления советской деревни писателям-«деревенщикам» оставалось лишь запечатлеть для истории то прекрасное, что могло уйти не замеченным и не узнанным молодыми поколениями. Именно внутри прозы о деревне философская, историческая и социальная проблематика теснейшим образом переплеталась. Позже, в 1980-е годы, перед авторами «новой» «деревенской прозы» встает еще более сложная задача – найти новые пути развития прозы о деревне, обнаружить перспективную линию ее развития. На смену патриархальной ностальгии должны прийти новые критерии и проблематика.

2.3. Литературоведение и критика о «деревенской прозе» в 1990–2000-х годах

В 1990-е годы, в ситуации политических и экономических реформ, смены идеологического курса, интерес к сочинениям «деревенщиков» заметно уменьшился. По мнению Л.Ш. Вильчек, история Матёры стала «логическим завершением деревенской темы» [Вильчек 1985: 72]. Об «угасании» «деревенской прозы» заговорили Л.А. Аннинский, В.Я. Курбатов и другие критики.

На рубеже XX–XXI веков появились исследования, авторы которых пытаются взглянуть на «деревенскую прозу» без идеологического налёта, чтобы увидеть ее многогранно, иметь возможность свободно обсуждать как её достоинства, так и проблемы. Среди них можно отметить работы А.Ю. Большаковой [Большакова 2000], Н.В. Ковтун [Ковтун 2009], А.И. Разуваловой [Разувалова 2015], Л.В. Соколовой [Соколова 2005], Н.С. Цветовой [Цветова 2011] и др.

Претензии в «ярко выраженной ориентации на “учительное”, проповедническое слово» [Соколова 2005: 25] не были столь обидными, как грубые упреки в следовании советской идеологии. Многие из того, что называлось советскими критиками в произведениях писателей-«деревенщиков» «приверженностью принципам национальной культуры и народности», в 1990-е годы истолковывалось как «русский шовинизм» (Т.Н. Толстая), «комплекс неославянофильства» [Там же: 31], объявлялось причиной деградации деревенского литературного течения.

Об этом и не только в статье «Поминки по советской литературе», положившей начало масштабной дискуссии в «Литературной газете», рассуждал писатель В.В. Ерофеев. Автор напрямую отождествлял «деревенскую прозу» с эстетикой соцреализма, характеризуя её как «приноровленную для идеологических нужд» [Ерофеев 1990: 8]. За свою относительную независимость, по выражению писателя, «деревенская проза» платила пламенным «патриотизмом» союзницы в

борьбе с Западом, чем в известном смысле служила государственному официозу ничуть не меньше партийной литературы. Он указывал на существование в послесталинские времена, а по инерции и в конце XX века, «что называется lifeafterlife», трёх основных видов русской литературы – «официозной, деревенской и либеральной» [Там же], которые в некоторой степени могли пересекаться.

Ситуация, по мнению В.В. Ерофеева, изменилась с началом перестройки, объявившей о диаметральной смене идеологической парадигмы и переходе России на прозападную модель развития. Тогда, по словам писателя, рухнуло привычное устройство советской литературы: «Деревенская литература стала больше разоблачать, проклинать, чем возвеличивать» [Там же], что в конечном счете привело к конфликту между деревенской литературой и обществом.

Итоги дискуссии подводила статья критика и литературоведа Ю.М. Оклянского «По ком звонит колокол?». Полемизируя с автором «Поминок...», Ю.М. Оклянский предлагал вынести оценку «деревенской прозы» и всей советской литературы на суд истории, которая точнее, чем мнение современников, определит место этой литературы в памяти людей.

Несмотря на шквал критических выступлений и статей первой половины 1990-х годов, в сознании большинства «деревенская проза» все еще оставалась важным оплотом «народности». Национальная традиция, широко актуализированная писателями-«деревенщиками» в произведениях 1960–1980-х годов, сохраняла за ними авторитет «народной совести». Об этом свидетельствуют появившиеся в середине 1980-х годов повесть «Пожар» (1985) В.Г. Распутина, роман «Печальный детектив» (1986) В.П. Астафьева, публицистический роман «Все впереди» (1986) В.И. Белова и другие произведения.

Критик О.А. Славникова полемизировала: «Не могло такого стать, чтобы Валентину Распутину вдруг стало не о чем писать!» [Славникова 1999: 202]. Автор отмечает, что те изменения, которые происходили с Россией в 1990-е годы, оказали большое воздействие на писателей, можно сказать, перевернули их мир. Славникова цитирует В.Г. Распутину, оценивающего сложный процесс разрушения: «И все оказалось безжалостно подрубленным, из всего сочится кровь»

[Там же: 103]. Американская исследовательница К. Партэ отмечает: в этот период «деревенская проза» «уже была раздроблена, писатели начали двигаться в разных направлениях» [Партэ 2004: 87].

Приоритетным контекстом для обсуждения «деревенской прозы» стала ее философская принадлежность к так называемой идее «русскости». Первый серьезный литературный протест, связывающий «деревенскую прозу» с вечным спором славянофилов и западников, прозвучал в статье М.Б. Левиной «Апофеоз беспочвенности», опубликованной в журнале «Вопросы литературы» [Левина 1991]. С большим сожалением Левина рассуждала о том, что природа, деревня и «любование» сельскими жителями, маркирующие качественную «деревенскую прозу» на протяжении всей её истории, были утрачены в защите «разделения всего мира на две части: чистую и нечистую, Россию и “все остальное”» [Там же: 4].

Однако далеко не все критики были столь же категоричны, как М.Б. Левина. По убеждению А.И. Разуваловой, в 1990-е – начале 2000-х в литературно-критическом пространстве сложились два типа представлений о «деревенщиках»: национально-консервативный и либеральный. К «правому» лагерю она относил критиков В.Г. Бондаренко, В.Я. Курбатова и др., согласно представлениям которых русская литература этого периода явила утопизм, «предсказанный русскими классиками триумф “простонародья”» [Разувалова 2015: 9], то есть стала результатом взаимопроникновения высшей, аристократической, идеи и низшей, народной. В то же время исследователь полагает, что в 2000-е годы начались процессы трансформации литературы, связанные с нацеленностью власти «на “продвижение” и утверждение очередной версии традиционализма» [Разувалова 2015: 304], на закрепление исконно русских черт в культуре.

В.А. Недзвецкий и В.В. Филиппов в книге «Русская “деревенская проза”» доказывают, что произведения, составившие антологию русской «деревенской прозы», обладают высокой художественной ценностью, также отмечают сохранность исследовательского интереса к проблематике, характерологии, жанровому новаторству авторов-«деревенщиков» [Недзвецкий 2002: 186].

Нельзя не отметить, насколько серьезную и большую литературоведческую работу стимулировала тема «деревенской прозы» среди западных литературоведов. Начиная с 1990-х годов работу по исследованию литературного феномена «деревенской прозы» (в том числе совместную) проводят также зарубежные филологи. Одним из наиболее масштабных исследований стала уже упомянутая книга американского профессора русской литературы Катлин Партэ. До нее в англоязычной критике «деревенская проза» по большей части включалась в разряд произведений, основанных на каноне литературы соцреализма.

К. Партэ, наоборот, настаивала на том, что «деревенская проза» возникла в противовес эстетике соцреализма, и одной из первых среди западных ученых начала искать этому доказательства. Особенно важным является тот факт, что зарубежный исследователь считала необходимым анализ поэтики и художественного стиля произведений «деревенской прозы», демонстрирующих «неповторимость всякого явления, принадлежащего национальному миру» [Там же: 4]. Партэ полагает, что главный результат деревенского этапа развития литературы национального самосознания – формирование новых эстетических и художественных принципов в условиях оттепели, восстановление в правах народного языка и национальной точки зрения на мир и человека.

Проведённый обзор критических и литературоведческих концепций показывает, что в современном литературоведении по отношению к «деревенской прозе» сложилось несколько подходов, среди которых особенно выделяются два – классический и традиционалистский.

Яркие представители традиционалистского взгляда – Н.В. Ковтун, автор монографии «“Деревенская проза” в зеркале утопии» [Ковтун 2009], и А.И. Разувалова – автор исследования «Писатели-“деревенщики”: литература и консервативная идеология 1970-х годов» [Разувалова 2015].

А.И. Разувалова относит творчество писателей-«деревенщиков» к «позднесоветскому литературному консерватизму» [Разувалова 2015: 4]. Она не отрицает, что эти писатели уже «перестали быть активными персонажами современной литературной сцены» [Там же], но считает, что в начале XXI века их

творчество по-прежнему вызывает к себе интерес и по-прежнему стимулирует появление различных, порой полярных трактовок, хотя теперь споры в основном переместились из журнальной сферы в социальные сети. Свою задачу исследователь видит в том, чтобы воспринять свежим взглядом «экологическую, регионалистскую, национально-патриотическую» проблематику, которую постоянно затрагивали писатели-«деревенщики» [Там же: 6], считая, что появляется возможность осознать проблемы «деревенщиков» как «инструмент самоописания и самопонимания национал-консерваторов» [Там же].

Эстетическую концепцию писателей-«деревенщиков» исследователь характеризует как «неопочвеннический» традиционализм, особенности которого она видит в первую очередь в последовательном выстраивании ими «антитезы естественно-природного мира деревни и унифицирующей городской цивилизации» [Там же: 514], иначе говоря, в декларируемом противопоставлении деревни и города как двух антагонистических миров.

С середины 2000-х годов традиционалистская проза становится активно изучаемым в современном литературоведении явлением. Н.В. Ковтун начинает ее анализ с произведений А.Я. Яшина, А.И. Солженицына и Ф.А. Абрамова и заканчивает прозой писателей начала XXI века. Автор исследует традиционалистский тип художественного мышления, получающий в произведениях каждого из писателей индивидуальную реализацию. Не случайно Н.В. Ковтун характеризует «новый реализм» как постмодернистскую литературу, в которой нашла свою рецепцию русская традиционалистская проза [Ковтун 2017: 3].

Литературоведы, анализируя прозу писателей-традиционалистов в контексте современной русской прозы, отмечают отражение в ней «особенностей национального сознания», ориентацию «на антимодернистский стиль», внимание к «народному всечеловеческому бытию», описание мира «в контексте бытия» [Соколова 2005: 71], внимание к «традиции национальной культуры» [Там же: 88], а также «иллюзорность» традиционалистской парадигмы, поскольку «традиционность» в отечественной прозе рубежа XX–XXI веков получает

совершенно разные, порой противоречащие друг другу реализации [Котлов 2011: 142]. Исследователь И.В. Некрасова отмечает, помимо того, «многообразие современных авторских стратегий в области прозы – как традиционных, так и новаторских» [Некрасова 2019: 41], вносящих в прозу совершенно новые смыслы.

В.А. Степанова пишет, что на рубеже XX-XXI вв. традиционализм в русской прозе обратился в неотрадиционализм, характерной чертой которого стал «кризис ценностной системы», обусловивший смену «мировоззренческого дуализма, свойственного “классической” традиционалистской прозе», многовариантностью [Степанова 2019: 176]. По мнению О.Н. Кузнецовой, современная традиционалистская проза характеризуется «интенсивностью осмысления художественной традиции» [Кузнецова 2003: 3] и этим она отличается от либеральной литературы, для которой характерны «безыдеальность, маргинальный тип мировосприятия» [Там же: 4]. Автор считает, что в условиях кризиса, который переживала русская литература на рубеже XX–XXI веков, пропасть между данными литературными направлениями постоянно углублялась и сегодня является непреодолимой.

Также исследователь Н.В. Ковтун рассматривает «деревенскую прозу» как частный случай реализации утопии в «стране, культура которой пронизана утопизмом» [Ковтун 2009: 3], полагая, что писатели-«деревенщики» ведут в своём творчестве поиски позитивного настоящего и будущего, очень важные в кризисные периоды истории. Разновидность утопии, которая сформировалась в «деревенской прозе», автор называет «патриархальной утопией» [Там же]. Писатели-«деревенщики», по мнению Н.В. Ковтун, показывают в своих книгах счастливый мир, противостоящий нерадостному, несовершенному настоящему.

Большинство исследователей отмечают наличие в такой прозе значимого публицистического компонента, сочетающегося в различных пропорциях с художественным. Так И.И. Вильховский считает, что публицистичность проявляется посредством автобиографичности, создания писателями автобиографического героя, имеющего «черты личности самого автора, особенности его мировоззрения», а также систему ценностей «поколения, к

которому автор принадлежит» [Вильховский 2016: 75]. Традиционалистской концепции в понимании «деревенской прозы» придерживаются также Н.А. Вальянов [Вальянов 2017], А.Ю. Горбенко [Горбенко 2016] и другие исследователи.

Вместе с тем традиционализм и его конкретное проявление – русская традиционалистская проза начала XXI века – воспринимаются в современном информационном пространстве как неоднозначные явления. Для литературной критики характерно наличие противоположных взглядов, согласно которым, с одной стороны, традиционалистская проза воспринимается как реакционная, не связанная с действительностью и проповедующая устаревшие ценности, с другой стороны, она понимается как художественно ценный компонент современной русской литературы, нацеленный на продолжение русских литературных традиций. В литературоведении традиционалистская проза чаще всего воспринимается без негативных оценок, возможно потому, что обязательный для литературоведа анализ поэтики произведения, его содержательной, идейной и художественной составляющих позволяет увидеть значительные достоинства современной традиционалистской прозы и её способность занять значимое место в русской литературе реалистического плана.

Исследователь Н.С. Цветова относит произведения традиционалистской прозы к явлениям, которые главным образом демонстрируют устойчивый характер национальной традиции, говорят «о непрерывности истории и национального бытия» [Цветова 2018: 71], а значит, являются традиционными по своей сути. Идея такой прозы состоит в следовании традиции и в то же время в представлении эволюции общественного сознания, тех трансформаций, которые происходят в народном характере.

Русская традиционная проза представлена в работах автора как историко-литературный феномен, чья традиционность отмечается как «фиксирующая цели и условия гармоничного существования человека, учитывает и содержание, специфику ответов на общечеловеческие первовопросы: как и ради чего жить?..» [Цветова 2018: 68]. Это, в частности, проявляется в таком компоненте русской

традиционной прозы второй половины XX – начала XXI вв., как эсхатологическая топика [Цветова 2011].

Также сторонник традиционного (а не традиционалистского) взгляда А.Ю. Большакова связывает «деревенскую прозу» с национальными идеями, считая, что эти произведения в некоторой степени являются компенсацией за «десятилетиями отторгаемые, подавляемые пласты национального менталитета» [Большакова 2002а: 3]. Для пишущих о деревне во все времена важным является возрождение национального, в то время как националистического в их творчестве нет и не было. Для представителей классического направления понятие традиции, положенной в основу творчества писателей-«деревенщиков», не менее важно, чем для традиционалистов, однако ими внимание обращается на классический элемент традиций: связь с крестьянским менталитетом, изображение русского национального характера, передачу этико-философских ценностей крестьянства, описание деревни как хранительницы эстетического идеала.

Исследователи, придерживающиеся традиционного взгляда справедливо считают, что на современном этапе «деревенскую прозу» необходимо изучать по нескольким причинам: для создания более полной картины её развития в связи с открывшимися историческими фактами (сталинскими репрессиями, раскулачиванием); для понимания дискуссии, постоянно существовавшей вокруг «деревенской прозы», а также для восприятия «деревенской прозы» не как «явления сугубо тематического порядка» [Большакова 2002а: 5]. Последнее замечание, на наш взгляд, является очень важным. Действительно, понимать «деревенскую прозу» просто как «прозу о деревне» в настоящий момент, когда появилась возможность оценить её глубинные смыслы, недостаточно и недальновидно.

Деревня в русской литературе XVIII–XX веков трактуется как архетип, как «сквозная» модель, элемент «базисного характера, включающий «деревенскую прозу» в русло классической традиции» и помогающий преодолеть восприятие «деревенской прозы» как тематического феномена [Большакова 2002а: 12]. В восприятии данного феномена исследователь видит «универсальные философские

пласты – онтологические, натурфилософские» [Там же: 32], представляющие русскую традицию.

Для классического восприятия «деревенской прозы» важными являются её этические установки, ценностные ориентиры, проявляющиеся посредством «нравственных исканий героев», «идеи правдоискательства», мысли о «вечном нравственном беспокойстве» [Там же: 40-41], а также возможность сохранить те нравственные и этические ценности, которые были утрачены в XX веке пространством «вне деревни». Именно «деревенская проза» стала «единственной реализацией полноценного права русского крестьянина на высокое литературное самовыражение» [Цветова 2018: 70], позволила «воплотить бытийную идентичность, исторический опыт родной культуры», объединяющий соборность, национальную терпимость и стремление народа к свободе» [Там же: 67].

При всей популярности традиционалистского взгляда на «деревенскую прозу» классический взгляд (традиционный подход), представленный в работах А.Ю. Большаковой, Н.С. Цветовой, мы находим более убедительным. Он последовательно развивается в современном литературоведении, в частности, в работах И.С. Болдоновой [Болдонова 2016], Л.И. Деминой [Демина 2014], О.В. Чижиковой [Чижикова 2018] и других исследователей.

В первые десятилетия XXI века произведения советской «деревенской прозы» остаются объектом активного научного исследования. Литературоведы обращают внимание на связь русской «деревенской прозы» с произведениями, появившимися в национальных литературах СССР [Латышев 2000], художественный мифологизм в «деревенской прозе» [Королёва 2006], решение писателями проблемы концепции человека [Новожеева 2007] и национального характера [Крикливец 2015], идеологию и художественный мир «деревенской прозы» [Мартазанов 2007], традиции классической литературы XIX-XX веков в «деревенской прозе» [Никонова 2018] и т.д.

В поле исследовательского интереса попадают произведения современных авторов, пишущих о деревне [Бараков 2015; Кожевникова 2002 и др.]. Рассматривается также история советской литературной критики, посвящённой

«деревенской прозе» [Тимофеев 2017]. Можно сказать, что радикально негативное восприятие «деревенской прозы» остается в прошлом; современные критики и литературоведы вслед за писателями находят и анализируют поднятые в новейшей прозе философские, исторические и социальные проблемы, оценивают художественный мир произведений.

Тематика, проблематика и философичность «деревенской прозы» настолько глубоки и значимы, что их глобальное осмысление продолжается в российской и зарубежной критике и литературоведении.

2.4. Проза о деревне в оценке современной литературной критики

Произведения российских писателей, в творчестве которых отмечается «следование традиционным ценностям» [Морозов 2016], в последнее десятилетие становятся объектом пристального внимания не только литературоведов, но и современных литературных критиков. Причём мнения о молодых авторах (А. Антипин, А. Белоусенко, И. Маков и др.) и их «деревенской» прозе высказываются порой диаметрально противоположные. Показательна на это счет дискуссия между критиками С.Б. Морозовым и А.Н. Тимофеевым на страницах «Литературной России» в 2016 году.

Оба признают талант писателей в их умении реалистично изображать действительность современной России. Однако С.Б. Морозов оценивает творчество «молодых» в целом негативно: «Они – лицо нового поколения. Нового. Но вряд ли молодого» [Морозов 2016]. В его статье с говорящим названием «Дедушкина литература» критик доказывает, что писатели, поднимающие тему деревни и проповедующие традиционные ценности, несмотря на свой юный возраст, безнадежно устарели и просто копируют, не всегда успешно, «деревенскую прозу» XX века, не внося в литературный процесс ничего нового. Он создаёт образ писателя, увязнувшего в путях традиционных идей и противостоящего всему новому: «писателям вольно потрафлять интересам

литературных стариков», находясь при этом в рамках «сковывающего этикета, деревенского национализма, в полутьме церкви, в духоте ладана» [Там же].

А.Н. Тимофеев в статьях использует термин «новые традиционалисты», демонстрируя свое благожелательное отношение: «“Новые традиционалисты” как будущее русской литературы» [Тимофеев 2016]. Критик отрицает обвинения «в чрезмерном следовании традиции и в оторванности от жизни», считая важным осмыслить творчество «новых традиционалистов», а отнюдь не защитить этих авторов «от каких бы то ни было нападений» [Там же] – такой анализ способен показать истинную ценность традиционалистской прозы. Для него свершившийся факт, что в творчестве нового поколения авторов уже сейчас виден «портрет русской литературы будущего», которая ставит перед собой цели осмысления нравственного устройства человека, выражения народного самосознания, изображения трансформаций, которые происходят с человеком.

Достаточно подробно Тимофеев рассуждает о «новом реализме» и его авторах – З. Прилепине, Р. Сенчине, С. Шаргунове и других. Развитие популярного в 2000-е годы литературного течения характеризуется им как «победы и поражения» [Тимофеев 2017]. При несомненных художественных достижениях «новых реалистов» критик считает, что «дорога “нового реализма” привела нас в тупик» [Там же]. Вместе с тем именно «молодые традиционалисты» являются писателями, которым удалось избежать тупика «нового реализма», однако им ещё предстоит осмыслить новые реалии и новые мировоззренческие тенденции. Липецкий писатель А. Титов называет свою статью «Реквием по деревенской прозе», сводя к центральной мысли: «...Не о чем теперь писать писателю-деревенщику – бывший сельский «лад» не существует даже в философическом плане, чтобы рассуждать на досуге о том, какой малая деревня была и почему она фактически исчезла» [Титов 2017]. «Литература стала «ничем» озаглавлена его статья-продолжение в «Литературной газете» за 2017 год.

Ярым критиком любой прозы о деревне является Дмитрий Быков. Творчество «деревенщиков» как представителей традиционалистского направления в русской литературе он оценивает как «литературу антикультурного реванша» [Быков 2013],

в которой современная деревня описывается «прогорклыми фразами из арсенала народнического реализма» и составляет «ответ на формирование советской интеллигенции и попытка свести с нею счеты от имени наиболее несчастного и забитого социального слоя — крестьянства» [Там же]. Критик отказывает современной традиционалистской прозе не только в умении сказать что-то новое, но даже в истинности, реалистичности, правдивости, в результате чего, по его мнению, в произведениях появляются «пудовые нагромождения фальши и безвкусицы» [Там же].

Заметный вклад в критическое осмысление современной прозы о деревне вносят «толстые» литературные журналы – «Дружба народов», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. При этом метод каждого журнала имеет особенности. Так, критику журнала «Октябрь» можно назвать позиционирующей себя вне идеологии, текстоцентрированной, нацеленной на анализ литературных произведений, их поэтики и культурного контекста, то есть, по своей сути, склонной к объективности. Противоположную позицию занимают литературные критики журнала «Сибирские огни». Здесь традиционалистская литература трактуется как сохраняющая национальные и культурные ценности и традиции, провозглашающая нравственные принципы, стремящаяся к сакрализации провинции.

Подробнее критическую позицию А.Г. Рудалёва, В.Е. Пустовой, О.А. Славниковой, Н.Б. Ивановой, П.В. Басинского и др. мы изложим в главах 3 и 4 применительно к произведениям конкретных авторов.

Выводы

Подводя итоги второй главы, мы можем сделать следующие выводы: «Деревенская проза» как литературное течение с самого начала своего появления вызывала у критиков желание разобраться в этом феномене, который связывается исследователями прежде всего с традициями русского народа, его историей, сложившимися в течение столетий укладом и правилами русской жизни, с

национально-культурным самосознанием народа. Именно эти обстоятельства послужили тому, что «деревенская проза» стала одним из наиболее влиятельных литературных направлений XX века.

Появившись в 1950-е годы, «деревенская проза» прошла несколько этапов в своём становлении и развитии, вызывая к себе непрекращающееся внимание российских и зарубежных критиков и литературоведов.

Формирование единого литературно-критического пространства «деревенской прозы» началось с середины 1950-х годов, с так называемой очерковой прозы о деревне, представленной именами В.В. Овечкина, Е.Я. Дороша, Г.Н. Троепольского и др. По мнению исследователей, она стала ответом «бесконфликтной» советской литературе о деревне 1940-х – начала 1950-х годов, представленных произведениями С.П. Бабаевского, Е.Ю. Мальцева, Г.А. Медынского и других, в которых основное внимание уделялось вопросам социалистического строительства, идеологическим концепциям.

Возникшая в конце 1950-х – начале 1960-х годов лирическая деревенская проза (В.А. Солоухин, С.А. Крутилин, Ю.П. Казаков и др.) вошла в историю советской литературы как эпоха поэтизации деревни. В произведениях данного периода явления национального русского мира были показаны как уникальные, неповторимые. Лирическая проза меняла угол зрения, под которым воспринимался деревенский мир. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии, развернувшиеся на страницах газет и журналов.

В ходе осмысления «великого переустройства крестьянского мира» важным для писателей оказался взгляд в прошлое, позволяющий объективно оценить исторический опыт, без которого путь в завтра казался затруднительным. В связи этим именно на 1960-е и начало 1970-х приходится, по мнению исследователей, относительно короткий период «памятливой прозы». Писатели, литературоведы и критики пытались осмыслить роль «деревенской прозы» в советской и русской литературе, определить её назначение, выделить основные черты, увидеть перспективы развития.

В 1960–1970-х годах появляются главные произведения о деревне Ф.А. Абрамова, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина, В.П. Астафьева, В.И. Белова, Б.А. Можяева и др. Писателей-«деревенщиков» заботило уничтожение «неперспективных» деревень, отток из села молодых людей, необратимые изменения деревенского быта и хозяйства. «Деревенская проза» всегда имела философскую и социально-этическую направленность: писатели поднимали значимые нравственные проблемы и вопросы, заставляли своих героев и читателя задуматься о смысле жизни, анализировали характер и менталитет деревенского жителя. Для писателей-«деревенщиков» важно было подчеркнуть близость человека к природе и земле, показать истинную душу народа, его душевное и духовное богатство. Считалось, что в этот период в литературно-критическом пространстве «деревенской прозы» сложилась атмосфера, благодатная для исследования. «Деревенскую прозу» стало возможно анализировать как целостную идейно-художественную систему. Среди параметров этой системы исследователи называют общность тем, устойчивый характер проблематики, общее «ностальгическое» отношение к предмету исследования – уходящей деревне, своеобразие героя, очевидные художественные закономерности.

В современном литературоведении наиболее распространены два подхода к оценке «деревенской прозы» – традиционалистский, для представителей которого важны национальные и даже националистические аспекты, и классический, связывающий прозу о деревне с нравственной, этической, мировоззренческой традицией русской литературы и выводящий на передний план архетип деревни.

С 1990-х годов среди критиков распространилось мнение о завершении «деревенской прозой» своего существования как литературного течения. Плюрализм мнений и стремление к развенчанию былых авторитетов, характерные для критиков этого периода, способствовали тому, что появились резко негативные характеристики «деревенской прозы» со стороны отдельных критиков: В.В. Ерофеева, Е.А. Ермолина, Я.А. Гордина и некоторых других. Писателей-«деревенщиков» обвиняли в конформизме, одномерности суждений, русском

шовинизме, следовании политической конъюнктуре и эстетике соцреализма, создании образа враждебного Запада.

Некоторое время спустя, с середины 2000-х, отмечается новый виток интереса к деревне, и, как следствие, размышлений о перспективах современной деревенской литературы (П.В. Басинский, Н.И. Иванова, А.Н. Тимофеев, В.Е. Пустовая и др.). Процесс шел на фоне принципиального отрицания наличия в современной литературе «деревенского» сегмента (Д.Л. Быков). При этом появлялись новые произведения, в которых поднимались вопросы «никому не нужной» сельской России, с каждым годом всё больше уходящей в небытие [Быков 2013].

В этих спорах остаются незыблемыми следующие факты: высокие художественные, философские, социальные, нравственные достоинства «деревенской прозы» объективно признаны; негативные оценки, связанные с личностными предпочтениями отдельных советских писателей, остались в прошлом. Лучшие произведения «деревенской прозы» сохранились в истории мировой культуры как литература о милосердии и человечности, о настоящем герое, существуют как пример народности и нравственной цельности. Для литераторов, пишущих о деревне и её проблемах, они останутся «эталонными» наряду с образцами текстов русских классиков.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ О ДЕРЕВНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

3.1. Тема города и деревни в современной очерковой прозе

Рассматривая современную очерковую прозу в социально-философском контексте, в первую очередь необходимо учитывать социально-историческую обстановку, характеризующую положение России с начала 1990-х годов. Сложные процессы политической и социальной перестройки общества, реорганизации хозяйственного устройства были связаны с разрушением прежней идеологической системы и продолжительным отсутствием концептуально новой системы ценностей.

1980–1990-е годы вошли в историю русской литературы как сложный период смены эстетических, идеологических, нравственных парадигм, связанный с кардинальными изменениями в обществе – его политике, социальном устройстве, экономике и т. п. В результате русская литература этого периода выглядит «как глубоко перепаханное пространство всей культуры» [Тими́на 2002: 238].

В формировании отношения к новому способу организации современного общества теперь нужно было исходить из позиции индивидуального критического осмысления действительности, а не из положения единственно возможного мировоззрения, как это было при советском режиме. Концептуально-мировоззренческие позиции писателей, публицистов и литературных критиков сводились к связи социальной философии и культуры. Главный вопрос, на который предстояло ответить литературе: что есть современное общество и какое место в нем занимает человек? В этой связи в литературе переходного периода особенно возрастает роль личностного авторского начала, повышается значение философских и мифопоэтических символов, национальных архетипов, идей, концепций и теорий национального характера, становится важным выявление их трансформаций.

М.А. Черняк характеризует состояние русской литературы начала XXI века как «эрозию ценностей современной культуры индивидуальной свободы, творческого самовыражения» [Черняк 2011: 2]. Писатель Р.В. Сенчин отзывается о «нулевых» как о времени постепенного отхода от постмодернизма и приближения к реализму, к «человеческому документу». Он также подчеркивает, что в этот период появилась прекрасная возможность «для вхождения в литературу молодых авторов» [Сенчин 2010], несущих новые идеи, свежие взгляды.

Начиная с 2000-х годов, действительно, можно говорить о новейшем периоде современной литературы, получившей в критике название прозы «нового реализма». В это время о себе заявили Р. Сенчин, М. Тарковский, И. Кочергин, З. Прилепин, С. Шаргунов и др. Молодые авторы демонстрировали интерес к деревенской теме наряду с литературными мэтрами – В. Личутиным, В. Крупиним, Б. Екимовым, продолжающими очерковые традиции «деревенщиков» 1970–1980-х годов.

Литературный критик и публицист А.Г. Рудалев пишет, что в этот период вновь стало явным разделение общества на простой народ и интеллигенцию, демонстрирующее «слабость общества», велись постоянные дискуссии «о народности, о необходимости хождения в народ» и одновременно говорилось о народе как о представителе «стихии инерционности, отсталости» [Рудалев 2014]. В таком контексте социально-философский анализ позволяет наиболее полно раскрыть взаимодействие различных сторон общества и человека; в этой связи актуальным представляется анализ произведений современных авторов, дающих свою версию происходящих событий.

Обращаясь к исследованию и оценкам художественного изображения современной деревни, отмечаем знакомые нам социальные модели, как например, противостояние города и деревни, известное со времен споров славянофилов и западников, почвенников и космополитов. Значение этой теории вновь актуализируется в конце XX столетия на фоне духовно-нравственного кризиса, утраты исторической перспективы. «Неопочвенные» настроения в литературе подчеркиваются стремлением большинства современных писателей в той или иной

форме возродить утраченные этические и эстетические ценности малой родины, родовой памяти, национального характера.

Обратимся к повести А. Шепелёва «Мир-село и его обитатели» (2017), которую автор, уроженец села Сосновка Тамбовской области, посвятил родной деревне. Книга представляет собой, по определению самого писателя, «этюды и размышления». Заявка на «размышления» настраивает на философское прочтение темы, а «эюд» реализует попытку правдивой передачи эмоций, насыщает текст деталями, позволяет использовать более образный и выразительный язык. На страницах повести читателям представлено село Сосновка и его реальные жители, при описании которых в манере А. Шепелёва угадывается влияние В.М. Шукшина с его «чудиками» [Казачкова 2010]. Перед читателем один за другим появляются «персонажи разные, чуть не ослепляющие нас своею колоритностью»¹ [Шепелёв 2017: 7].

Читатель знакомится с личностями, в том числе маргинальными. Это пьяница Валя Лимонхв́а, бродяга Коля Зима, алкоголик Коля Глухой, тётя Валя Колобок, тётя Валя Колбаса и многие другие, в совокупности создающие вполне реалистичный портрет современной деревни, живущей своей жизнью. Однако эти, на первый взгляд, весьма непривлекательные герои сохраняют основы традиционной крестьянской морали, оказываются способными к любви и сочувствию. Они не бросают друг друга. Одна из героинь, в которой угадывается мама писателя, «*прет полтора часа*» на себе пьяную Лимонхву, рассуждая: «...*Не бросишь же замерзнуть человека*». Бомжиху Лимонхву в деревне и осуждают, и жалеют, и посмеиваются над нею. Но жалеют всё же чаще: «*То ей тряпки старые отдадут, то пиво просроченное, то картошку сгнившую, а то и несгнившую*» [Там же: 6]. Язык повести подчеркнута простой, включает элементы разговорной речи, диалектизмы, в том числе грамматические и фонетические: *фермерá*, *жуеть*, *ножка* (но-шпа), заставляя вспомнить произведения Н.С. Лескова, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого. Вместе с тем это язык образный, колоритный.

¹ Здесь и далее цитаты из анализируемых художественных и публицистических произведений выделяются курсивом.

На первый взгляд фабула и сюжет повести просты, но по мере прочтения становится ясно: у произведения есть второй план, содержащий глубокое философское ядро. Широкие интертекстуальные возможности притчевой и сказовой формы открывают поле для авторского эксперимента. Одним из проявлений второго плана становится продолжение автором сопоставления города и деревни и дискуссии об их пользе или бесполезности для человеческого общества. В аллегорической форме эта дискуссия воспроизведена в рассказе о судьбе теленка и кота. Телёнок привязан к земле, *«кроме обочины своей ничего не видит, зато расходится по городам и весям <...> в баночках с усредненным портретом»*, а кот *«уже при жизни ходит куда хочет»* [Шепелёв 2017: 14]. В аллегории усматривается остросоциальный подтекст, обращающий внимание читателя на положение крестьянина-производителя в системе современного государственного устройства.

В произведении видны черты очерковой прозы, заметно стремление автора к фактографичности и публицистичности, отсутствие сюжета, внутреннее проблемно-тематическое единство, открытость и четкость авторской позиции. Описывая деревню, автор намеренно не стремится эстетизировать действительность, напротив, порой, по нашему мнению, сгущает краски до физиологизма: *«...Вонючие жуки, вонючий сорняк и вонючий же клён...»* [Там же: 6]. Деревенский труд изображается А. Шепелёвым без малейшего приукрашивания как борьба / битва – уничтожение сорняков, колорадского жука, вычерпывание канализации во дворе и т.п. Подобная аналогия подчеркивает основную авторскую мысль – о гибели русской деревни, деформации первичных основ национального самосознания, цементирующих любую цивилизацию и социум.

Обратим внимание на мнение критиков, соотносящих произведения «новых реалистов» с традициями русских классиков. Н.Б. Иванова считает, что в классической литературе присутствовала реалистичность, а в произведениях авторов рубежа XX–XXI веков наблюдается реальность. Термины «реалистичность» и «реальность» противопоставлены. Представители «нового реализма», по мнению исследователя, строго идут за жизнью, описывают

реальность «с минимумом художественного преобразования» [Иванова 2010]. При этом писатели конструируют собственную поэтику, где главным становится простое и образное народное слово, сказовое или притчевое начало, внимание к деталям.

Комментируя повесть А. Шепелёва, И.М. Гулин называет её «настоящей деревенской прозой, наследующей всей советской классике от Шукшина до Распутина» [Гулин 2017: 35] – такая оценка устанавливает внутрилитературные связи, указывает на литературную преемственность. Р.В. Сенчин в своей рецензии именуется текст современной «деревенской прозой», которая, «несмотря на утверждения почти всех критиков и литературоведов, <...> по-прежнему есть», поскольку «почва, хоть и отравленная химикатами, обескровленная, засыпанная кирпичной крошкой, всё-таки тянет к себе» [Сенчин 2017]. Такая оценка повести А. Шепелёва демонстрирует важную для критики возможность восприятия современной книги о деревне как продолжающей литературные традиции «деревенской прозы» XX века.

Прямые почвеннические мотивы (отождествление понятий «земля» и «почва») крайне сильны в творчестве самого Р. Сенчина, а также в произведениях З. Прилепина, С. Шаргунова. Писатели с горечью отмечают утрату современным поколением связи с предками, уход от духовных корней. Для них чернозем (земля) в широком смысле – это метафизическая и духовная скрепа русского народа; он «как его и сколько его ни угнетай» [Шепелёв 2017: 27] по-прежнему плодоносит.

Из прозы З. Прилепина следует, что только человек, рожденный на земле, способен изнутри представлять реальное устройство жизни. Автор наделяет землю (почву) особым символизмом и первородством. Близость с нею («Я черпал ее, кормился ею, мазался ею, ползал по ней животом»), по З. Прилепину, многое даёт человеку, например ощущение гармонии с природой и понимание её: «...Когда вокруг гроза, на почве растут ягоды, и сердце толкает кровь так, словно взмахивает крыльями» [Там же]. Для писателя почва / черная земля в эссе «Кровь поет, ликует почва» (2007) – одновременно и вся Россия, и малая деревушка на краю географии, и счастливое детство, и мир, и война.

Писатель рассказывает о своей жизни в деревне с явными нотками превосходства над горожанами, подчеркивая личную причастность к деревенскому миру. Он с удовольствием вспоминает далекое деревенское детство, в котором *«удобства были во дворе, в сельмаге никогда не было мороженого, фруктов, колбасы и кофе»* [Прилепин 2008]; доказывает, что на эти житейские трудности можно взглянуть и по-другому, что фрукты и кофе не главное в жизни: *«...И ничего, с голода не умер, даже не собирался»* [Там же]. Детство и юность, проведенные в деревне Ильинка вблизи Нижнего Новгорода, навсегда остались в памяти автора. Для него важно, что сохраненный образ *«матери на мостках у черной воды с белым бельем»* [Прилепин 2012] – это реальная картинка его детства, а не фрагмент из чьей-то, пусть и очень хорошей, книги.

Самим фактом подобных рассуждений общество формирует запрос на патриархальный лиризм, получивший оформление в новой эстетике реализма. По мнению А.Г. Рудалева, и литература, и общество в целом сегодня наполнены энергией, нуждаются *«в большом деле»*, которое поможет отвлечься от *«своих индивидуально-личностных, бытовых задач»* [Рудалев 2014]. Таким делом может стать возрождение деревни, возврат ей статуса основы существования России.

В авторской прозе о деревне четко обозначены две тематические линии: писатель затрагивает тему гибели деревни (*«Достало»*, *«Глушь»* и др.) и нередко обращается к теме собственного детства, проведенного в деревне. Воспоминания о сельском детстве не всегда светлые, но они очень дороги автору. Описывая мечты, З. Прилепин рассуждает: *«...Я мечтал, чтоб я родился в своей деревне, и родила меня моя мать, а моим отцом был мой отец...»* [Прилепин 2006], то есть показывает, что ничего не хотел бы изменить в устройстве собственной жизни.

В эссе *«Глушь»* (2004) писатель от лица героя вспоминает прошлое своей родной деревни, когда *«по улицам бегали ребяташки, а в клубе была самодеятельность»* [Прилепин 2009б: 142]. Современная же деревня, глухая и заброшенная, предстает перед автором в серо-грязных тонах: *«Деревянные двухэтажные здания, сырые сараи, лужи в половину Средиземного моря»* [Там же: 139]. Будущего у этой деревни, по мнению автора-повествователя, совершенно нет:

«Глушь и тоска – “аж плакать хочется”, как Есенин говорил» [Там же: 142]. В то же время в деревне есть еще люди, правда, они не живут, а выживают. Большинство деревенских жителей, по мнению автора-повествователя, втянуто в беспросветный омут алкоголизма: *«Мужики пьют дурной, вонючий самогон»*. Но писатель не спешит их осуждать, полагая, что не только и не столько они виновны в тех бедах, что обрушились на современную деревню: *«Я бы тоже запил от такой жизни. Вчерную. Без просыха»* [Там же].

Отмечаем в произведениях Прилепина яркое социальное начало, принимающее манифестные формы. Декларативно-программный тон авторского повествования сближают их с произведениями гражданской публицистики писателей-народников 1870-1880-х гг.

Во всех произведениях писателя очень значим образ рассказчика, в котором сконцентрированы «идеи автора, его взгляды, принципы видения, постижения и изображения человека» [Боровская 2019: 520]. Автор, ассоциируемый с рассказчиком, является важной персоналией в структуре текста Захара Прилепина. Рассказы «Бабушка, осы, арбуз» (2007) и «Смертная деревня» (2008) проникнуты автобиографизмом, символизирующим «воплощение жизненной полноты крестьянского мира» [Богатырева 2014б: 12]. Автор стремится передать мысли о бедах села образно, к примеру сравнивая современную деревню с обглоданными арбузными корками: *«...Будто кто-то вычерпал из нее медовую мякоть августа, и осталась серость и последние мухи на ней»* [Прилепин 2007]. Подобные сравнения придают повествованию эмоциональность и привлекают читателя к размышлениям о состоянии села.

Мотив сельского детства позволяет автору воссоздать когда-то свойственное ему в этих местах чувство абсолютного счастья, которое контрастирует с описанием умирающей деревни: *«Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам»* [Там же]. Мотивы духовной гибели и физической смерти, дополняя друг друга, усиливаются и приобретают в прозе писателя онтологическое звучание.

Позволим себе небольшое отступление. В 2015 году на страницах журнала «Вопросы литературы» состоялась дискуссия, посвященная «новому реализму», который И.В. Калита рассматривает как «литературу нового поколения» [Калита 2015: 125], а его представителей называет «детьми распада прежних культурных ценностей, беспризорниками» [Там же: 127]. Многие критики попытались дать характеристику данному литературному направлению, отмечая в нём «усиление публицистического начала», ориентацию на читателя и его восприятие, акцентируя при этом внимание на изменении стилистики – обращение авторов к более строгому изложению «уже не художественным, но общественно-политическим слогом» [Погорелая 2015: 120].

Начиная с «нулевых», литературная общественность делает вокруг национальной идеи / идеологии, судьбы крестьянина и русской деревни много радикальных заявлений. О том, что «деревня как фактор русской жизни перестала существовать» [Бондарева 2008] заявляет З. Прилепин, объявляя себя ее «последним писателем» [Там же]. Поэт и публицист Глеб Шульпяков констатирует, что русской деревни не существует в природе, она канула в небытие, а на смену ей приходит «*стоическая форма сопротивления Времени*» (Грацианова, безмолвная борьба оставшихся в селе жителей против уничтожения «*крестьянской Атлантиды*») [Шульпяков 2014: 49]. Вместе с этим именно в 2000-е годы в литературу входят новые авторы (часто выходцы из деревни), для которых сельская тема и размышления о положении современного крестьянина являются глубоко личными.

Во второй половине 2010-х годов публикуются книги и сборники вологодского прозаика Н. Мелёхиной «Забывай как звали» (2013), «По заявкам сельчан» (2015), «Дорогие вещи» (2016), «Железные люди» (2018), собранные из миниатюр, рассказов и очерков на деревенскую тему. В предисловии автор рассуждает о проблеме положения деревни в современном обществе: «*Мне не всегда удобно жить в мире, который настолько разительно не похож на мой родной мир*» [Мелёхина 2016]; для Н. Мелёхиной русская деревня – исчезающая или почти уже «исчезнувшая цивилизация». В интервью писательница

рассказывает, что родилась и выросла в деревне, поэтому и стремится о ней писать. Она любит живущих там людей и искренне переживает о том, что деревня постепенно вымирает: «Когда <...> на твоих глазах уходит целое поколение, <...>— это непередаваемо» [Цит. по: Страмова 2019]. В словах писательницы и в её текстах звучит горечь по поводу современного состояния деревни.

Выросшая в маленькой деревушке, Мелёхина убеждена, что в мире «победил городской образ жизни». В очерке «Что мы знаем о хлебе» противопоставление города и деревни передано ею как противостояние «центровых» (поселковых) и «дальних» (деревенских) ребят, вместе обучающихся в школе поселка Первач. Автор называет ежедневную дорогу деревенских детей в городскую школу «путешествием из одной реальности в другую», а автобус, который их перевозит «из умирающих деревень в иную цивилизацию – из прошлого в настоящее» – «машиной времени» [Мелёхина 2016], показывая тем самым, что между современной деревней и городом лежит пропасть, как разительно они отличаются друг от друга.

Уже в детстве деревенские ребята понимают, что социальное равенство – миф, что их городским ровесникам в будущем уготованы «вузы и города, сытая и спокойная жизнь», в то время как им самим – «работа, работа, работа, работа, работа, работа... Никогда не заканчивающаяся» [Там же]. Рассказ проникнут горечью при описании незавидного житья деревенских ребятешек и в то же время гордостью за то, что пока ещё остаются люди, готовые продолжить дело сельского труда, причём не все насильно, многие – с радостью. Писательница стремится понять не только то, почему город отвернулся от села, но и то, почему современная «большая» литература отвернулась от деревенской темы, которая оказалась «дискредитирована и в глазах общества, и в литературном пространстве» [Мелёхина 2019: 59].

Сборник «Дорогие вещи» (2016) рассказывает о жизни селян в окрестностях деревни Паутинка-Полтинка (прообразом которой является родная деревня писательницы Полтинино). Автор определяет свой жанр как миниатюру, некие лирические этюды, собранные в тематические циклы и повествующие обо всем,

что писатель подмечает в повседневной жизни. Особенностью таких текстов является сочетание лирико-поэтического и эпического начал в литературной традиции И.А. Бунина и И.С. Тургенева; в «деревенской прозе» 1970-х годов можно назвать циклы очерков В.П. Астафьева «Затеси» и В.А. Солоухина «Камешки на ладони».

Тексты авторских сборников часто не связаны между собой сюжетом или героями и в то же время представляют пространственно-временное единство из десятка деревень, которые существуют в реальности в Вологодской области. Так же автор поступает и с героями: их прообразами становятся реальные люди, простые сельские труженики, часто родные и близкие писательницы, среди них – отец Михаил Александрович Мелёхин (цикл рассказов о дяде Грише, «Мишкин лес» и др.). Художественный мир автора основан на индивидуальной памяти рассказчика, точном воспроизведении деталей деревенского быта, не оставляющих сомнений в глубокой автобиографичности текстов. Н. Мелёхина говорит о своих героях, что они *«живут в дважды параллельной реальности – художественной и деревенской, – там, <...> где ум понимает, да сердце нейдет»* [Цит. по: Легчанова 2016].

Такова, например, Евгения Ивановна – передовик совсем неженского производства в очерке «Трактористка» (2016). Мужчины в бригаде Евгении Ивановны шутят: *«Хороший ты мужик, Енюха! Хоть и рожавший!»* [Мелёхина 2016]. Своим внешним видом женщина-бригадир, действительно, больше напоминает крепкого мужчину. Автор подчеркивает её «великанский рост», «огромные ручищи», уделяя особое внимание описанию «некрасивого» лица женщины, *«идеально круглого, в россыпи родинок и при этом всегда красного, как разрезанный поперек арбуз»* [Там же].

Все демонстрирует в героине силу и стойкость духа, но для писательницы важно показать, что за физической крепостью надежно спрятаны доброе материнское сердце и ранимая женская душа. Наверное, поэтому, втайне от всех, Евгения Ивановна сохраняет жизнь лисе-воровке (матери пятерых новорождённых лисят), поступая с животным лучше, чем с ней порой поступали люди. Её

материнство выступает единообразующим началом всего живого на земле, восходящим к основам христианской добродетели. Глубинный подтекст и вместе с тем лиричность прозы писательницы кроются в исследовании мотивов человеческих поступков, укорененных в родовой памяти деревенских людей, до последнего не оставляющих надежду на возрождение села.

Такие установки определяют особенность текстов Мелёхиной и согласуются с общей теорией «северного сверхтекста», который, по мнению исследователя Е.Ш. Галимовой, характеризуется «целостностью, общностью мерцающих в глубине его сверхэмпирических высших смыслов» [Галимова 2012: 128]. Литературный критик А.В. Чёрный, рассуждая о «вологодском тексте» (автором которого считается Н. Мелёхина), приходит к выводу: деревня для писательницы является всем – «темой, идеей, языком, логикой, спасением и проклятием» [Чёрный 2017]. В то время как в широком социальном контексте деревня и город уже почти не имеют связующих основ.

3.2. Проблема национального характера и новый тип героя

Очевидно, что исследование социальных и нравственных аспектов современной литературы о деревне невозможно без стремления понять деформации, происходящие в национальном характере. Его концепция воплощает, с одной стороны, устойчивые национальные традиции, а с другой – современные реалии российской жизни, в определенной степени изменившие традиционный тип крестьянского героя.

Как отмечает Ж.В. Четвертакова, в процессе формирования русского национального характера очень важной была община, следствием существования в рамках которой стало «мощное корпоративное сознание» людей [Четвертакова 2004: 7]. В основе же национального характера лежит особенное понимание ценностей, как «свобода, совесть, справедливость, долг, отношение к труду» и следование традициям [Там же: 8]. В.И. Хомяков и О.В. Винская называют ключевыми ценностями русского менталитета справедливость и свободу [Хомяков

2012б: 226]. О.Б. Мамаева базисом русского национального характера считает социально-историческую память [Мамаева 2001], указывая на глубокий экзистенциальный кризис, поразивший на рубеже веков все системы российского общества.

Ставя вопрос о том, что такое «русскость» и истинный национальный характер в современном обществе, критики все чаще говорят об опасности утраты русским народом своей национальной идентичности. А.Г. Рудалёв пишет, что «после разлома великой страны <...> затирается цементирующее начало, а именно титульная нация» [Рудалёв 2011], указывая таким образом на необходимость большего внимания ко всему русскому.

Обратимся к творчеству Натальи Ключарёвой – рассказу «Один год в Раю» (2007), циклу очерков «Деревянное солнце» (2010) и повести «Деревня дураков» (2010). В них автор, по её собственным словам, «стремится к документальности» [Ключарёва 2010], к изображению жизни такой, какая она есть. Внимание Ключарёвой привлекают практически забытые и уже покинутые деревни, «спрятанные за пазуху пустого безымянного пространства...» («Рай и другие»). Эти деревни, названия которых «знают лишь те, кто из них уехал» [Там же], и становятся предметом изображения.

Указывая на возвращение прозы 2000-х годов к деревенской тематике, критики называют имена Н. Ключарёвой, И. Мамаевой, М. Шепелёва и др. Персонажи их книг в условиях современной деревни «напоминают героев Шукшина, которые, преодолевая безродность, тянутся к своим истокам» [Рудалёв 2008] и самим своим существованием показывают, что возвращение к истокам пока ещё возможно, более того, дарит людям уверенность в себе.

Тексты Ключарёвой глубоко художественны, наполнены элементами лиризма и вместе с тем сохраняют черты документальности, имеют острый социальный подтекст и выражают проблематику, привычную для очеркового начала. В рассказе «Один год в Раю» сюжет выстраивается вокруг столичного жителя, попадающего в поисках деда-фронтовика в глухую деревню с названием Рай, где из соседей только «старуха с козой и две заезжие на лето горожанки» да

еще глухонемой столяр из соседней деревни-антагониста Грязево, мастерящий символические «крепкие деревянные кресты с человеческий рост». Центральным знаковым символом гибели деревенского мира / цивилизации становится «большая карта Российской Федерации» в доме бывшей «училки», где поселяется главный герой. День ото дня от карты отваливаются части: «то Камчатка, то кусок Таймыра, то весь Урал», а в финале «медленно отпала на пол» вся карта целиком [Ключарёва 2007]. Герой затерян во времени и пространстве и, незаметно для себя, вместо одного дня проводит в Раю год.

Повесть о современной деревне «Деревня дураков» (2010) критик В.Е. Цыбульский называет «правдивой сказкой о русской провинции», утверждая, что книга одновременно «о неизменной тупости российского бытия» и «о существовании в нем светлых душ» [Цыбульский 2010]. К «светлым душам», к людям, несущим добро окружающим, критик относит Митю, деревенских стариков, батюшку Константина и других героев книги, доброта которых выше «тупости» их существования.

Н. Ключарева искренне верит в живущих в деревне людей, находит в них лучшие качества, как например, «...предельная униженность нищеты сочетается с беспредельной отзывчивостью других таких же нищих» («Рай и другие») [Ключарёва 2010]. Писательница подчеркивает, что в русском характере по-прежнему присутствуют добросердечие, способность к сочувствию и соборность, которые помогают, к примеру, собрать в базарный день деньги для ремонта школы. Наблюдательность автора, глубокое проникновение в диалектику человеческих характеров и поступков, нравственные искания героев сближают прозу Ключаревой с произведениями Ю.П. Казакова, В.М. Шукшина, названных советскими критиками воплощением народной совести и морали.

В сборник «Деревянное солнце» входит тридцать три очерка. По форме это небольшие тексты (миниатюры) до 5–10 абзацев, повествующие на общие для деревни лирико-элегические темы: воспоминания о детстве, сельский быт, наблюдения за явлениями природы. Их обобщенный философский смысл, в том числе находит выражение в цифре «33», усиливающей масштаб деревенской темы

как вневременной и глубинной, восходящей к основам христианского мироустройства.

Нередко представление о катастрофичности бытия современной деревни связывается с обращением авторов к религии и философии. Христианский мотив является доминирующим в прозе писателя, архитектора и историка из небольшого города Ельца Липецкой области А. Новосельцева, автора сборников «Пал» (2006), «Свет надежды» (2014), «Избранное: рассказы и повести» (2018). Повествование «Света надежды» начинается достаточно печально: *«Нынешней год зимуя я в деревне один...»* [Новосельцев 2013].

Автор вспоминает, что ещё недавно деревня была более многочисленной, а затем *«каждые два года прибирали по одному жителю...»* [Там же]. А. Новосельцев старается передать читателю ощущение вакуума, охватывающее героя в пустой деревне, вокруг которой на многие километры ни души. Однако после того, как герой идёт молиться в заброшенный храм и просит Господа помиловать всех разрушителей и осквернителей, тон повествования меняется: теперь в нём звучит не горечь от разрушения сёл и сельских храмов, а светлое настроение, связанное с Рождеством.

Герой ощущает, что даже в этой пустоте и покинутости *«оказывается столько источников света, сулящего надежду на продолжение жизни...»* [Там же]. Тревога за судьбу русской деревни и сохранение крестьянского мира связана в творчестве А. Новосельцева с возможностью её восстановления через возрождение духовных традиций русского народа, способных обеспечить преемственность поколений. Герой признаёт, что *«блага вырезали кусок души, и без пути она стала ущербной»* [Там же], однако в русской душе существуют устои и традиции, которые невозможно так просто уничтожить, и сильны они именно благодаря духовности, связи с православием.

По мнению исследователя Л.Х. Насрутдиновой, разрушение духовности, отступление от традиционных религиозных принципов, наблюдавшиеся в течение XX века, обусловили «кризис гуманистического сознания, кризис культуры» [Насрутдинова 1999]. Об этом говорили писатели-«деревенщики» ещё в 1950–

1980-х годах. Так, В.Г. Распутин, по мнению Т.Ф. Грищенко, среди особенностей русского национального характера выделял «идею духовной самобытности и христианского миропредставления» [Грищенко 2004: 5], привязанность «к языку, к соотечественникам» [Там же: 7], а также уважение к представителям других народов, трудолюбие, жертвенность женского характера [Там же: 8]. Однако писатель в то же время констатировал «утраты в русском национальном характере», вплоть до его «расчеловечивания», связанные с потерей христианских основ и нравственности [Там же]. В произведениях Ф.А. Абрамова обладателями русского национального характера, по мнению С.А. Груши, в первую очередь выступали «герои-праведники, трудники, подвижники» [Груша 2011: 8], которые «умеют по-христиански прощать и смиряться», обладают «любовью к труду, особой добродетелью в православии» [Там же: 9]. Писатели XX века стремились осознать причины деформации русского национального характера, связывая их с «раскрестьяниванием», «отрывом крестьянина от земли» [Там же: 13], произошедшим при советской власти.

Разные стороны (конструктивные и деструктивные) русского характера затрагивает писатель, представитель русской «деревенской прозы», В. Личутин. Начиная с 1970-х годов все свои многочисленные произведения: очерки, рассказы, повести и романы – автор связывает с родным краем, Русским Севером. Предметом его изображения становится русская глубинка и люди, в этой глубинке живущие, особенности их национального характера. Как отмечает Ю.М. Павлов, современную жизнь В. Личутин оценивает «с позиций... крестьянско-христианской Вселенной» [Павлов 2011: 190].

Очерковое мастерство В. Личутина, его способность к документальному воспроизведению действительности особенно ярко проявились в автобиографической книге «По морю жизни – на русском челне» (2016), в ней писатель осмысливает всю свою жизнь, тесно связанную с родным краем, с деревней. Автор рассказывает о своём детстве, о матери, отце, дедушке Семёне Житове и других родственниках, стараясь удержать в памяти и точно воспроизвести каждую деталь этой уходящей России.

Красиво и самобытно, в продолжение традиции очерков о народной эстетике «Лад» (1981) В.И. Белова, Владимир Личутин воссоздает нравы и культуру своей родины, описывая промыслы, обычаи, приметы, гадания, песни и т. п., сетуя, что многое сегодня уходит в прошлое: *...Уже за чудо услышать песню на лугу иль в поле, на околице у деревни, у реки»* [Личутин 2016: 122]. Он рисует картины суровой северной природы, «бесконечной, обжорной» зимы [Там же: 100] и описывает, как преодолевают северные трудности деревенские жители. Значимо звучит последняя фраза книги: *«Русского человека, рожденного волей и суровым пространством, уже не переделать»* [Там же: 965]. В ней одновременно – и гордость за русского человека, восхищение его силой, верностью традициям, и горечь разочарования за его современное, порой униженное положение.

Современное прочтение жизни Русского Севера, но уже лишенное лиричности, находим у писателя из города Каргополя Архангельской области А. Кирова, автора сборников повестей и рассказов «Митина ноша» (2009), «Последний из миннезингеров» (2011), «Витька выбирает Родину» (2014). А. Кузнецова отмечает, что писателю удаётся воссоздать деревенскую реальность с «тонким юмором и смиренными вздохами земского интеллигента» [Кузнецова 2012]. В произведениях А. Кирова исследователи ценят «настоящий русский юмор <...>, интонации подлинной народной речи» [Бараков 2015: 52], шукшинские, чеховские, платоновские традиции [Там же: 53], а также «фольклорные мотивы, чуть подправляемые современной лексикой» [Евсеев 2019: 34], то есть умение автора творчески сочетать традиционные и новые культурные пласты, иронизировать над собой и над не всегда радующей реальностью.

В повести «Троянос Деллас» (2011) рассказывается история умирающей деревни Астафьево, где, как и в сотнях других российских деревень, остались только «женщины, старики, дети, а также сумасшедшие и доходящие от пьянства мужики и парни» [Киров 2011]. Герои повести, учитель истории Алексеев и инженер, кандидат технических наук Берроуз остаются без дела и идут работать на пилораму «за кормёжку и одежду» [Там же]. С документальными подробностями автор рассказывает, как бывший учитель и бывший инженер день

за днём спиваются, как местные жители ведут войны с внешними и внутренними врагами, как по-настоящему гибнут в этих войнах люди.

Долгое время читателю непонятно, почему герой А. Кирова учитель Олег Алексеев даже не пытается покинуть это нереальное место, превращаясь в маргинала Алика Чекушина. В финале учитель и инженер погибают от отравления непищевым алкоголем. Картина смерти учителя шокирует: он умирает, уткнувшись лицом в коровью лепёшку, к которой зачем-то полз перед смертью. Выживает только пивший вместе с бывшими интеллигентами их необразованный друг Фунтик, фразой которого и заканчивается текст: *«Я, мужики, выживать умею... Простите!..»* [Там же].

Эта фраза является ключевой. С её помощью автор стремится показать глубину социальных и нравственных деформаций, которые случились с архетипом сознания деревенского жителя. Общая тональность текста, его прагмастилистика с первых строк формируют проблемное (очерковое) начало, расширяющее рамки повести. Писатель использует художественные средства, позволяющие довести изображаемое до абсурда, гиперболизировать происходящее. В поэтике проблемного очерка социально-философская гипербола становится востребованным приемом, дающим возможность наиболее контрастно представить реалии сельской жизни. С. Ефимова пишет в рецензии на книгу: *«Как живет русский провинциал? От запоя до петли. <...> Есть ли выход? Бог весть»* [Ефимова 2011], указывая, что у проблем современной деревни нет однозначного и простого решения, скорее же всего оно – в поиске традиционной духовности.

Типичные черты современной прозы о деревне – глубокая автобиографичность и документальность сюжетов – заставляют говорить о распространенном очерковом (фактографичном) подходе, используемом авторами в большей части произведений. В этой связи важно отметить особый тип героя, который современная литература о деревне выводит на первый план. Критик Владимир Трусков характеризует героев произведений А. Кирова как *«живущих по соседству»*, таких же, как и сам автор, – *«из этой же среды, из народа»* [Трусков 2015].

Если в «деревенской прозе» 1970–1980-х это были герои-праведники и герои-«чудики» – коренные сельские жители, совестливые и добрые, то нынешние герои все чаще – люди пьющие и маргинальные, вместе с тем не менее отзывчивые и сочувствующие, чем классические персонажи «деревенской прозы» второй половины XX века. В. Трусков называет их «маленькими людьми», которые «часто терпят поражения и погибнуть могут, и духовно, и физически», однако «достойны огромного уважения», поскольку «рук не опускают и продолжают уважать в самих себе человека, не желая дичать и звереть» [Там же]. Критик видит в героях А. Кирова внутренний стержень, не позволяющий им погибнуть нравственно и связанный, скорее всего, с русскими духовными традициями.

Изучение этого феномена требует отдельного социологического анализа и комплексного социально-философского осмысления. Очевидно, что литературные представления о герое глубоко изменились под влиянием трансформаций внутри общества, произошедших на рубеже XX–XXI веков и приведших к деградации нравственности, разрушению национальной целостности и культурных основ. Сложившаяся социальная ситуация создала условия для маргинализации общества, а впоследствии сформировала интерес к маргинальному герою в литературе. Описывая это явление, в литературно-критический обиход можно ввести термин «опустившийся морально-этический эталон».

П.В. Басинский с иронией и горечью констатирует, что появилась новая «редчайшая порода трудящегося воруемого человека, <...> который работает от зари до зари, но прожить без воровства не в состоянии» [Басинский 2002], и именно такой герой нередко появляется на страницах книг о современной деревне. Исследователь Н.В. Ковтун находит предпосылки появления такого героя в прозе еще советских «деревенщиков» (В.М. Шукшина, В.Г. Распутина, В.П. Астафьева), анализируя «мотив маргинализации деревни, её исчезновения под напором цивилизационных преобразований» [Ковтун 2009: 4].

Глубина философского подтекста, самобытное прочтение традиционной народной темы, появление узнаваемого и вместе с тем «нестандартного» крестьянского героя отличает прозу вологодского писателя С. Мишнёва. Первые

книги автора – сборники рассказов «Яшкино просветление» (1990), «Последний мужик» (1998), вышли в 1990-е годы: их сюжеты совпадают с ключевыми для «деревенской прозы» темами, мотивами, образами, определяющими ее особую стилистику.

Манеру и стиль автора можно сравнить с В.И. Беловым, Б.А. Можаяевым, В.М. Шукшиным, В.Ф. Тендряковым. Причастность произведений С. Мишнева к очерковой прозе определяется, прежде всего, выраженным авторским отношением к описываемым явлениям – на что указывает авторская интенция, заключенная в распространенных комментариях и рассуждениях, рефлексии.

Писатель рассуждает о необратимых изменениях, происходящих в укладе сельской жизни и в характерах деревенских жителей, отмечая, что утрата традиций неизменно влечёт за собой нравственные трансформации: *«Забываются стали обычаи, праздники, ремесла. Иным стал мужик, очерствел душой»* [Мишнёв 1998: 3]. В описываемой им деревне, по мнению исследователя В.Н. Баракова, продолжают жить и трудиться крестьяне, существующие «в какой-то полуфантастической действительности», наполненные «властными фантазиями высокого, чуть ли не марсианского полета» и одновременно постепенно нищающие [Бараков 2015: 52]. Осознаваемый людьми непреодолимый контраст между высокими мечтами и низкой действительностью делает их несчастными, служит разрушению личности.

Каждая изображаемая автором история важна для понимания сути характеров деревенских жителей. Семилетний Яшка из рассказа «Яшкино просветление» должен постигнуть несправедливое устройство крестьянского мира, когда на его глазах зарубают выращенного им телёнка. Герои рассказов «Последний мужик» и «Думаю о деревне» должны осознать единство жизни и смерти, примирившись с необходимостью прощания со стариками.

Более поздние описания С. Мишнёвым деревенской жизни в книгах «Пятая липа» (2005), «Вот так и живем» (2008), «Ангелы всегда босые» (2012), «Тень деревни» (2014), «Рассказы старого поселенца» (2017) всегда поэтичны, наполнены любовью и нацелены на то, чтобы вызвать такое же чувство у читателей: *«Когда*

приходит в деревню летнее утро?.. Даже невозможно в нескольких словах сказать о нарождении нового дня. Тут и пчелы зашевелились на прилетной доске, и женщины загремели подойниками, лаская своих кормилиц, и мухи поднялись с ночлега из крапивы...» («Бригадир») [Мишнёв 1998: 18]. Писатель изображает действительность, в которой тесно сливаются доброта и несправедливость, жизнь и смерть, красота и уродство.

Для анализа художественной картины мира писателя в первую очередь важен акцент на народных представлениях о мироздании, духовно-нравственном устройстве мира, этических и религиозных ценностях русского мира. Однако при всей видимой традиционности проза вологодского писателя носит остросоциальный и проблемно-тематический характер. Автор говорит о неизбежной гибели деревни с названием Пустокормовка, аллегорично подразумевая под ней всю Россию, и вопрошает: *«...Кто ответит бывшим колхозникам, через какую дыру улетел их колхоз и куда улетел?»* [Мишнёв 1998: 45].

3.3. Социально-экономическая проблематика села в современном очерке

Писатели 2000-х, обращаясь к теме деревни, акцентируют внимание на социально-экономических проблемах села. Так, С. Шаргунов в очерке «Совсем заели» (2017) рассказывает об одной сибирской деревне в Хакасии, на которую, кажется, свалились все возможные в реальности неприятности: бизнесмен забрал земли, на которых пасли скот, и построил на этом месте дачный посёлок; нет водопровода, отсутствует нормальная свалка, нет дорог, медицинской помощи, уличного освещения; закрыли библиотеку и клуб.

Получив жалобу от жителей деревеньки как депутат Государственной Думы РФ, писатель сетует: *«В лужах этой деревни отразилось множество бед. Прямо библейские казни обрушились на этих людей»* [Шаргунов 2017]. С. Шаргунов

помогает ее жителям, но понимает, что в данной ситуации находятся сегодня почти все российские села. Откровенно публицистический очерк излагает реальные факты, описывает настоящие ситуации, нередко – с указанием непосредственного места событий и других документальных источников, сопровождаемые прямым истолкованием их автором, не понимающим: «...*Как мне реагировать на крики, которых сотни в месяц?*» [Там же].

Но даже в этих сложных обстоятельствах деревня в понимании писателя остается хранительницей родовой памяти. В поисках своих корней герой рассказа С. Шаргунова «Скандал» (2012) архитектор Василий Рачков стремится попасть на родину предков, в деревню Малые Колдуны. Насколько же сильно его разочарование, когда повсюду его встречает грубость, бездуховность, бытовая неустроенность, а у жительницы деревни, оказавшейся родственницей, «*несколько людоедский, неприветный вид*» [Шаргунов 2012]. Деревни больше нет, однако «*слабые, но въедливые следы доказывали, что когда-то здесь жили люди*» [Там же], – к такому заключению приходит герой, а вместе с ним автор.

И. Мамаева, представительница так называемой «новой северной прозы», в повести «Земля Гай» (2006) создает пронзительный образ одноименного посёлка Гай, из которого после закрытия леспромхоза постепенно уходит жизнь. Автор особым образом организует пространство произведения, из двух условно противопоставленных друг другу частей: в первой показано светлое прошлое Гая, а во второй – его безрадостное настоящее (похожим образом организован очерк «Головырино, Головырино...» (1985) П.Н. Ребрина, сравнивавшего деревни Головырино и Патровку).

Критик Е.А. Погорелая определяет место действия данной повести как «периферийную глухомань государства, <...> земли брошенные, вычеркнутые из общего движения рвущейся к прогрессу, стремительной жизни». Традиции русского мира, по мнению критика, трансформировались в этом пространстве в иные традиции, в соответствии с которыми только «крестятся и водку пьют» [Погорелая 2007].

О произведении И. Мамаевой можно сказать, что это повесть, тяготеющая к очерку. В ней соединяются бытовые зарисовки и острая критика социальных и общественных недостатков, авторские размышления и описание местности. Помимо образных отступлений, тексты насыщены исследованиями внутреннего мира человека, глубоким трагизмом. Примечательно, что социально-экономический анализ изображаемых событий, как например закрытие леспромхоза, автор пропускает через душу человека, через его психологию: *«...Пенсионеры и алкоголики. Никто нигде не работает. Магазины нет, бани нет, медпункта нет, почты нет, школы нет»* [Мамаева 2006].

Важно, что среди причин запустения посёлка И. Мамаева называет не только вырубку окрестных лесов, но и трансформацию людских характеров. Автор пишет, что раньше люди были *«голодные, злые и жадные до работы...»* [Мамаева 2006], а теперь разучились трудиться, *«сожрать все друг друга готовы, убить за поллитру, за рубль – удавиться»* [Там же]. Один из героев, наблюдающий эти глубинные изменения, даже высказывает опасение, что таких северян вытеснят с их земли китайцы: *«И будет скоро великий русский народ весь желтый и узкоглазый»* [Там же].

Произведения И. Мамаевой, отмеченные как русская психологическая проза, меняют в современном прочтении форму и отчасти эстетику. В центр повествования автор помещает не события, а, по выражению критика А.Г. Рудалёва, «человека внутреннего», изображением которого «славна отечественная литература» [Рудалёв 2006]. Все остальное является фоном, в том числе и высокий символизм текстов, присущий прозе «нового реализма». Символичны портрет Ленина *«в лепной, но старой потрескавшейся раме»* [Мамаева 2006], за которым ухаживает старуха Михайловна («Земля Гай»), и «красный угол» Кузьминичны, на который она молится с интонацией, с какой Михайловна обращается к портрету вождя.

В том же символическом ряду – любимая старухами *«толстая и ладная»* корова Демократия, которую по сюжету вынуждены привести на забой к соседскому цыгану Ваське: *«Вечером с Демократией было кончено»* [Мамаева

2006]. Символичен и конь – в характере и судьбе которого узнается его хозяин Федор Панасенок (собираТЕЛЬНЫЙ образ сельского труженика). Со временем от былой удали ретивого жеребца не остается и следа, впрочем, нет у него и выбора, кроме как вернуться в свой сарай, к своей кормушке. Былой удалец готов даже стать в оглобли: *«Скалится будет, уши прижимать, а голову в хомут сунет. Потому что ничего у него нет, кроме этого хомута»* [Там же]. Также некуда уйти из Гая и самому Федору, судьба которого – доживать свой век вместе с деревней, и многим другим русским крестьянам, которые не представляют своей жизни вне деревни и вынуждены смириться со всем с нею происходящим.

Для автора важна полемика с властями, превратившими русскую деревню в поле для социальных и экономических экспериментов. Однако, несмотря на ужасающую реальность деревни, в последней главе автор фокусируется на праведных жителей Гая – добрых, сострадательных, готовых помочь другим. Старуха Михайловна пытается найти смысл своей жизни, жизни Гая, а вместе с ним – всего крестьянства: *«Это неправда, что мы не построили свое светлое будущее. <...> Мы выжили, выстояли, мы стали не такими, какими были, – лучше, крепче, человечнее»* [Там же]. В финале повести звучит мысль о том, что жизнь не так уж плоха и *«мы все переживем – перетерпим...»* [Там же]. Удивительным образом финал этого порой устрашающего своей правдивостью повествования звучит оптимистично, и происходит это именно благодаря изображенным автором сильным духом героям. Заостренный до предела социально-философский контекст, «простреливающий не столько патологическими ситуациями, сколько обыденностью патологий» [Погорелая 2007], в финале все же приводит к надежде, что у деревни есть будущее.

В прозе А. Ехалова – писателя и публициста, родившегося в деревне Новинка Ярославской области и живущего в Вологде, также поднимаются проблемы социально-экономического состояния современного села и его перспектив. В книге «Поле Жильцовых. Есть ли будущее у северной деревни?» (2018) автор рассказывает о Василии Ивановиче Жильцове, который живёт в деревне возле Рыбинского водохранилища. История этого места, начавшаяся с затопления в 1941

году сотен деревень и городков Молога и Весьегонск, созвучна сюжету повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой».

Описание деревни Пустошки документально и одновременно содержит черты художественного обобщения: «...*Три десятка домов в два посада, деревня, каких десятки и сотни тысяч по всей Великой Руси*» [Ехалов 2018]. Писатель рассказывает о своих родных, описывает их нелёгкий сельский труд, вместе с тем стремясь показать его радостным: «*Для земледельца каждый день – новые радости, новые задачи...*» [Там же].

В современной «деревенской» литературе особо отмечается проза Б. Екимова. Донской автор, которого А.И. Солженицын за книгу «Прощание с колхозом» (2008) назвал «*нравственником*», «*новым писателем-“деревенщиком”*», описывающим «*мало кому знакомую обстановку сельской местности с ее новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами*» и пытающимся «*восстановить, хотя бы мысленно, единство национального тела*» [Екимов 2010: 2].

Борис Екимов – один из немногих прозаиков советской школы, оставшихся верным теме деревни и после разрушения Советского Союза. Сочетая в творчестве преемственность традиций и современную реальность, он через социальную проблематику связывает традиционную философскую прозу с литературой нового времени. Предмет изображения – российскую глубинку на Юге России – писатель Екимов знает в деталях. Свой творческий путь он начал в 1970-х годов с описания хуторской жизни, сразу обозначив интерес к нравственной проблематике и судьбе крестьянина-труженика.

Органичный синтез художественного и документального начал определяет особый авторский стиль, в котором поэтичность, напевность и метафоричность природных описаний и сельского быта соседствуют с предельной физиологичностью. «В описании красоты природы донской сегодня Борису Екимову равных нет. Да и будет ли? Одно и то же чудо дважды не случается», – пишет о нём П.В. Басинский [Басинский 2013]. Исследователь В.Н. Бараков отмечает, что произведения писателя «...больше подходят на физиологические

очерки» из истории убитого горем села и скорее носят социально-философский характер [Бараков 2015: 51]. За простыми названиями очерков – «За дровами», «В степи», «Про чужбину», «Теленок», «На распутье», «Возле старых могил» и др. – скрыты незамысловатые сюжеты, в которых заложены связи жизненного крестьянского уклада с землей, с природой, а через нее – с вечностью. Отсюда обращение к темам малой родины, деревенского детства, поэтизация труда.

Свои произведения Б. Екимов именует по-разному: в одном случае «житейскими историями» («Фетисыч» (1996) и «Проснется день...»), в другом – «повестью о земле и людях» («Осень в Задонье», 2014). Для автора характерно объединение рассказов и очерков в циклы («Житейские истории», «Память лета», «На хуторе», 2008 и др.).

С начала 1990-х и по сей день в центре внимания писателя находится тема перерождения нравственных устоев общества, отмеченная особым трагизмом «прощания с колхозом». Особое тяготение к сентиментализму автор демонстрирует, когда речь идет о деревенских детях и стариках в произведениях «Фетисыч» (1996), «Человек родился» (1998) и др.

Несколько десятилетий Б. Екимов рассказывает, как с разочарованием наблюдает за планомерным уничтожением деревни, веками хранившей духовное здоровье нации. Антитезой разрушению в его прозе становятся религиозные мотивы, основанные на раздумьях писателя о значении истинной веры в жизни человека, христианском мировоззрении. «Но жизнь продолжается, Россия не исчезает, Атлантида русской (северной, сибирской, донской) деревни хоть и погрузилась в пучину, но остались острова, где обитают люди, и некоторые живут. Редко, но выходят новые рассказы и очерки Виктора Лихоносова и Виктора Потанина, не ушел “на писательскую пенсию” Борис Екимов, его повесть "Осень в Задонье" (2014), опубликованная в “Новом мире”, стала жемчужиной русской литературы», – комментирует Роман Сенчин [Сенчин 2020].

В числе пишущих о деревне важно отметить автора из Северодвинска М. (Моше) Шанина. Авангардист и эксцентрик – самые нейтральные характеристики, звучащие в адрес писателя. Критик М.А. Кучерская пишет, что он «сочиняет

абсурдистские сказы о деревенской жизни, один другого затейливей» [Кучерская 2014]. Ю.А. Качалина в предисловии к книге Шанина «Места не столь населенные» (2016) отмечает: «Рассказы этой книги – это лубок, изящная потешка» [Качалина 2016]. При видимой «народности» и «лубочности» проза писателя в действительности отличается эстетической сложностью и жанрово-стилевым многообразием, тяготеющим к новеллизму за счет развернутых психологических характеристик, краткости изложения, остроты и парадоксальности сюжета.

Автор открыто экспериментирует со стилем, формой, героями, оставляя центральной темой гибели русской деревни, потому что *«брать русского человека уже практически не за что, истончился русский человек, обтрепался, обветшал»* [Шанин 2010]. Один из персонажей рассказа сборника «Левоплоссковские» Гена Кашин пишет в дневнике о видимой ненужности в деревне самого главного здесь человека – крестьянина: *«Мы как плесень тут, от сырости завелись, не более. Были и были, не стало – и ладно, вроде, как и чище стало. Обидно»* [Шанин 2016: 91].

Преобразует автор и жанр, называя цикл рассказов «Места не столь населённые» «картотекой-антиэпопеей», где по принципу пьесы в начале перечисляются персонажи: *«Петя Радио – Коля Розочка – Света Селедка – Мишка Сухарев – Прокопьев день – Василий Ротшильд...»* [Там же]. Обращая внимание на авторское название жанра, отмечаем тенденцию возникновения новых жанровых «имен» (в том числе в результате интеграции) как получающую все более широкое распространение в современной литературе.

В самом названии «Места не столь населённые» заложен определенный гротеск, созвучный с выражением *«места не столь отдаленные»* и в широком смысле обозначающий ссылку. Рассказы и очерки сборника, опубликованные в разные годы в «толстых» журналах, объединены в главы по названию деревень, расположенных по берегам реки – Правоплоссковское и Левоплоссковское. Уже из имен-прозвищ персонажей можно составить представление о внешности героев, манере их поведения, образе жизни. Так, герой очерка «Левоплоссковские» (2014) Петя Радио каждый месяц приезжает в нежилую деревню Окатовскую снимать

показания с сельского таксофона (в деревне есть телефон, и его показания регулярно снимаются, только в ней больше нет жителей). Создается парадоксальная ситуация: *«на машине, привезшей сюда таксофон, из Окатовской уехала навсегда баба Маша – последний житель деревни»* [Шанин 2014: 89], что подчеркивает несовершенство государственной системы, соединение комического и трагического мы видим и в примерах, когда гроб с покойником сплавляется по реке, а штаны шьют из старого советского знамени.

Анализируя прозу Шанина, критик и литературовед О.А. Славникова отмечает: *«По духу он абсолютно поморский мужик»* [Славникова 2015], говорит об узнаваемости авторских типажей в *«этих рассказах в духе Шукшина»* и актуальности деревенской темы, поскольку *«деревенская жизнь снова оказалась востребованной»* [Там же]. Отметим, что в языке и стиле повествования, схожих с шукшинской манерой, отражается любовь к самобытному *«деревенскому языку»*, народной поэтике, быту. Только в этой *«природной»* среде характеры и судьбы героев воспринимаются эмоционально и естественно, как это задумал автор. Критик А.Н. Котюсов подчёркивает свежесть и самобытность русского языка автора, однако самым важным называет не столько образность текста, сколько смысл, который он несет читателю: *«...Погибает самобытная деревня»* [Котюсов 2017].

Выводы

Важнейшей тенденцией развития современного общества является обострение социально-философской и аксиологической проблематики. Как следствие, ни в одной области человеческого знания нет такого множества разнообразных теорий и подходов, как в социальной философии, анализирующей в комплексе общество, историю и человека.

Подобные процессы характерны и для современного литературного потока, в том числе для прозы о деревне, представленной произведениями А. Кирова, Н. Ключарёвой, И. Мамаевой, Н. Мелёхиной, З. Прилепина, М. Шанина,

С. Шаргунова, А. Шепелёва и других писателей. Русская деревня, по-прежнему являясь средоточием первичных основ естественного человеческого и общественного бытия, непрерывно трансформируется. Деревня приобретает новые черты определенной бытийно-философской модели, характерной для традиционалистской прозы и тесно связанной с проблемой национального самосознания.

Представителей литературы о деревне 2000-х годов отличает подчёркнутый интерес к проблемам современности, глубокий автобиографизм и документальность повествования. Рассматривая действительность как специфическую форму человеческого бытия, писатели используют уже знакомые нам социальные модели, в том числе конфликт города и деревни, однако нередко они предлагают новые решения данного конфликта. Речь идет не столько об их тематическом сопоставлении, сколько о ностальгии, возрождении малой родины, родовой памяти, национального характера.

Серьёзные социально-экономические проблемы, наблюдаемые в обществе и вызывающие деформации национальных основ, непрерывно ставят как автора, так и героев перед выбором той или иной системы ценностей. Многообразие моральной императивности и ее ценностных ориентиров тем не менее предполагает обязательный поиск «корневого» героя, способного к открытой рефлексии на происходящие внутри общества изменения. В связи с чем наблюдаются изменения в типологии народного характера – появление устойчивого класса «социальных отшельников»: пьяниц, бомжей, бродяг и т.п.

Нередко именно эти маргинальные личности скрывают в себе глубинную мораль, образующую современный крестьянский мир, построенный на человеческом сострадании, вере в добро и справедливость. Доказывается, что исследование социальных и нравственных аспектов современной прозы о деревне невозможно без стремления понять деформации, происходящие в национальном характере.

На функциональном уровне появление «новой прозы» сопровождается активизацией жанровых и стилистических экспериментов, возвращением к

забытым литературным формам и приемам, дифференциации и контаминации привычных жанров, игрового использования их системы. Происходящее в результате этого отдаление от канонической модели влечет расширение набора жанровых инвариантов, демонстрирующих индивидуальный подход автора к прочтению канона. Определяющим в этом процессе становятся диффузность жанровых границ и расширенный авторский дискурс, концертирующий в себе гражданскую позицию писателя и его картину мира. Оценочные суждения авторов закладывают основы для распространения проблемных очерков, очерков-манифестов, публицистических и психологических очерков.

В очерковых текстах художественного, эссеистского, публицистического типа на первый план выходят автобиографизм как метод сюжетостроения (часто граничащий с авторской субъективностью); полифоничность композиционных и художественных приемов (образующих вольную ассоциативную связь образов, мотивов, героев); мифическое прочтение базового хронотопа (в данном случае – деревни) или «затерянность» героя / объекта во временных и пространственных координатах. Наряду с этим получают распространение такие жанры, как этюд, лирическая миниатюра, зарисовка и др., отмечается тенденция к циклизации произведений.

На синтетическую природу жанра в том числе указывает смешение очеркового и сказового (притчевого) начал. Простые фабула и сюжет произведений при внимательном прочтении всегда дают второй (философский) план, который не сразу открывается читателю. Поэтику текстов характеризует подчеркнутое эссеистское начало, отличающееся высокой образностью, метафоричностью и ассоциативностью. Отдельно стоит отметить использования наречных, фольклорных и жанрово-речевых форм, а также диалектов и неологизмов типа «*бомжекоряжничества*» (А. Шепелёв), что сближает прозу современных авторов с ранней русской литературной традицией и художественным миром писателей-«деревенщиков».

Развитие современного деревенского очерка показывает, что новые жанровые процессы также напрямую связаны с эволюцией художественной

концепции личности. Открытие человеческих характеров, определенных типов сознания человека в современной жизни является достижением очерковой прозы о деревне. Остро поставленная в современной литературе социально-философская проблематика освещается по преимуществу через характер современника. При этом очерковая проза, как отмечается в диссертации, эволюционирует от социально-аналитического изображения к синтетическому художественному обобщению, более глубокому осмыслению отношений человека и времени.

ГЛАВА 4. ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ О ДЕРЕВНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

4.1. Онтологическое основание картины мира в современной очерковой прозе о деревне

В настоящее время деревенская проза требует новых подходов и иного взгляда на свою проблематику, на выражаемые ею идеи и смыслы, в том числе не только явные, но и скрытые, транслируемые авторами опосредованно.

И.С. Грацианова, анализируя онтологическую прозу конца XX века, отмечает смену научной парадигмы «на метафизическую, основанную на переосмыслении пространственно-временного континуума», в которой для авторов важными становятся «сакрализация утраченных смыслов» и фиксация «ментальных сдвигов» [Грацианова 2004: 3]. Действительно, в прозе о деревне всегда существовали, а на рубеже веков заметно усилились тенденции к философской онтологии, рассматривающей различные виды бытия (соотношение материального и идеального, бытие природы и общества, бытие человека и его ценностей и т.д.).

Описательный аспект «деревенской прозы», присущий многим произведениям советской литературы 1930–1950-х годов, отошел в прошлое. Ушел в историю целый период нравственно-описательной, «исповедальной» прозы В.Г. Распутина, В.П. Астафьева, В.И. Белова, Е.И. Носова, В.М. Шукшина и других писателей.

А.Н. Тимофеев пишет о литературном процессе последних тридцати лет: «...У писателей и критиков традиционного направления почти не оставалось сил на осмысление, а хватало только на истощающую борьбу, необходимую для выживания русской литературы» [Тимофеев 2016: 186]. Исследователь имеет в виду те многочисленные испытания, которые выпали на долю писателей за эти

годы, в период перестройки и последовавшего за нею «постмодернистского угара» [Там же].

А.Ю. Большакова обращает внимание на то, что этический аспект стал ведущим в изучении «деревенской прозы» с 1970-х годов и связан с постоянным нарастанием интереса к этой литературе и увеличением глубины исследований. Она отмечает в «деревенской прозе» «прямое выражение этических позиций, нравоучение и т.п.» [Большакова 2002а: 40]. Н.С. Цветова говорит о «рождении во второй половине двадцатого века русской традиционной прозы», подробно останавливаясь на разнице терминов «традиционная проза» и «традиционалистская проза» (Л. В. Соколова, Н. В. Ковтун и др.) [Цветова 2018]. Исследователь отмечает, что в формальном плане традиционная проза по большей части строится на развитии классической жанровой системы. Поэтика и стилистика текстов «подчинены реальному времени и пространству и реальному историческому человеку» [Там же].

Для нас тоже ближе понятие традиционной прозы, значит основанной на традиции и преемственности. В диссертации современная литература о деревне характеризуется в более широком прочтении – как этико-философская проза, в которой проблемы социально-исторические решаются как внеисторические, бытийные. Это справедливо по отношению к очерковой прозе о деревне, представленной А. Байбородиным, И. Кочергиным, Д. Новиковым, М. Тарковским и другими авторами. Критик В.Г. Бондаренко характеризует их как «могучую русскую поросль» и высоко оценивает их почвенничество, традиционализм, крепкую связь «с русской землёй и русской историей» [Бондаренко 2017], называя писателей традиционалистами.

Образ деревни в современной литературе не мог не поменяться, поскольку сама деревня зависит от происходящих в жизни страны социально-политических перемен. Об особой роли писателя в нравственно-эстетическом осмыслении этих трансформаций говорит иркутский автор А. Байбородин, сравнивающий современного писателя со священником, который стал *«посредником меж Богом и*

народом, меж небом и землёй» [Байборodin 2013: 167] и которому суждено устанавливать сложные связи между новой реальностью и жителями страны.

Для обозначения нового подхода к пониманию своеобразия современных авторов следует выявить категорию исконного «нравственного идеала» / народной морали / нормы в соотношении с последующими модификациями / аномалиями, наиболее активно используемыми писателями в очерковых текстах о деревне. Это необходимо для исследования эволюции проблемно-тематической, сюжетно-композиционной, нравственно-философской, мифопоэтической тенденций в очерковой прозе современного периода.

Исследователи отмечают, что на смену русской деревне в её прошлом привычном виде приходит новая реальность – «стоическая форма сопротивления Времени» [Грацианова 2004: 49], по-своему протестующая против уничтожения «крестьянской Атлантиды». Деревня как модель человеческого бытия, основанная на традиционных началах, не исчезла, а трансформировалась: внешние составляющие её изменились, но внутренние, глубинные, скрытые, нравственно-этические остались неизменными. К поиску новой концептуальной модели современные писатели подходят в контексте традиций русской классической литературы, наполняя современным содержанием традиционные для прозы о деревне темы, мотивы, образы и архетипы (избы / дома, погоста / кладбища, природы, света, воды, хлеба и др.).

Мы разделяем позицию И.В. Новожеевой относительно того, что создатели «деревенской прозы» глубоко понимают тесную связь человека с природой, поэтому ратуют за «соблюдение законов природы и обязательное соотнесение, согласование с ними законов социальных». Для человека в контексте «деревенской прозы» значимым является также родовое начало, понимаемое не как принадлежность к определённой семье, к древнему роду, а гораздо шире – как «информационная память прошлых поколений» и даже как «вселенское начало» [Новожеева 2007: 20].

Н.А. Вальянов, анализируя художественный мир М. Тарковского, отмечает важность в нём идеи антропокосмизма, восходящей к «пониманию человека как

органической и активной части космоса и Вселенной» [Вальянов 2017: 135]. В.Н. Сагатовский писал, что философия антропокосмизма направлена «на примат единства и гармонии над борьбой и раздором» [Сагатовский 2005: 15]. Применительно к этому философскому понятию можно выделить три типа реальности: объективная реальность – природа; субъективная реальность – душа; трансцендентная реальность – дух.

Герои современной очерковой прозы задумываются над вопросами о смысле существования, о жизни и смерти человека. Важными для них являются проблемы бытийные, а не бытовые. Авторы создают посредством их описания своеобразную модель современной крестьянской цивилизации – и этот метод можно назвать космоцентризмом, что требует изображения необходимого равновесия или слияния между человеком и природой, человеком и социумом.

В этой связи важным для традиционной очерковой прозы становится авторский дискурс, в первую очередь воплощающий морально-эстетические позиции самого автора. Раскрытие авторского сознания достигается через сложную и аксиологически выверенную структуру сюжетов, а также наследование традиции психологизма русской прозы, позволяющей создать образ казалась бы «простого человека» во всей его сложности и многогранности.

Так, старик из очерка Михаила Тарковского «Дед» (2004) человек непривлекательный, «бичеватый» и «гулящий», с единственным зубом во рту, однако, когда он умирает, все неожиданно понимают, *«какой он был хороший, безобидный и как без него теперь скучно»* [Тарковский 2014: 355]. Мотив прощания со старшим поколением становится одним из основных в современной литературе о деревне. В очерке М. Тарковского «Бабушкин спирт» (2004) трогательна сцена прощания с бабушкой внука Кольки, которому кажется, *«что бабушкина смерть – нелепый переплет, из которого только он ее может выволить, расколдовать»* [Там же: 268]. Современные деревенские герои несут идею примирения с жизнью, которая понимается как бесконечная и потому требующая долготерпения. В качестве отличительной черты исследуемой прозы

отметим также подчеркнута простые и односложные заголовки – «Дед», Бабушкин спирт» и др., не отвлекающие читателя от сути произведения.

В рассказе Д. Новикова «Смерть старухи» читатель видит надпись «*кривыми, масляной краской буквами на серой доске*» на могиле: «*Здесь похоронена старушка <...>. Ее звали Любовь*» [Новиков 2014: 107]. И ему начинает казаться, что это не старушка по имени Любовь похоронена на заброшенном погосте, а сама Любовь, которой больше нет, которая ушла вместе с Бабушкой. На наш взгляд, при передаче мотива прощания со старшим поколением для авторов важны художественные возможности очерковой прозы, позволяющей создать глубокие образы героев – и уходящих, и остающихся в деревне, однако сама деревня по-прежнему описывается документально – с точностью пространственных характеристик и конкретными деталями.

Художественная и одновременно философская линия, связанная с осмыслением темы смерти, традиционна для «деревенщиков», которые стремятся осмыслить её в историческом, социальном и философском аспектах, как «вечный» вопрос бытия. Рассказ «Последний мужик» С. Мишнёва начинается картиной смерти Василия Онучина, после которой всем становится ясно: «*...Рушилась жизнь, уходила из деревни*» [Мишнёв 1998: 101]. Теперь, после смерти Васьки-гармониста, бывшего председателя колхоза, в деревне остались только старухи, тяжело переживающие эту потерю. Даже похоронить Василия деревенские жительницы не могут: направляют Егоровну на лыжах за трактором и помощью. Болью и надеждой одновременно звучат слова Егоровны в конце рассказа: «*Когда-нибудь да кто-нибудь вспомнит о нас*» [Там же: 105].

Получает развитие и становится, по сути, центральным мотивом еще одна традиционная для «деревенской прозы» линия, связанная с трансляцией «вековечной» мудрости старших по отношению к младшим. Авторы полагают, что важнейшие идеи их произведений были сформированы еще в детстве, под влиянием представителей старшего поколения и в общении с ними. Это те самые идеи гармонии человека и природы, единства жизни и смерти, продолжения жизни

в детях, а также представления о невероятных глубинах бытия, о богатстве мира и человеческой души.

Так М. Тарковский пишет о бабушке: *«Осознанно или нет, она целила меня на таежную жизнь. Много рассказывала про Енисей...»* [Тарковский 2014: 323]. Выросший внук начинает размышлять о том, почему же бабушка *«так стремилась сплавить внука в леса»*. Может быть, хотела уберечь от влияния города? Он уверен, что все основы, все базисные мысли и ощущения заложены в нём, взрослом писателе, представителе знаменитой фамилии, именно бабушкой, открывшей перед ним *«три двери: в русскую природу, в русскую литературу и в православный храм»* [Там же: 322].

Данный мотив находим и в книгах Б. Агеева – цикле очерков «Старые люди» (2005), сборнике «Открытое небо» (2005), очерках из серии «Деревенские дневники» (2010, 2012) и др. Писателем создаются яркие образы уходящего поколения, деревенских стариков и старух. Например, в очерке «Сколько терпения человеку нужно» читатель видит Евдокию Петровну Еськову, осмысливает её уже окончившуюся жизнь (очерк посвящён годовщине смерти) и понимает, что всем более молодым *«трудно было постигнуть истоки ее терпения»* [Агеев 2003]. Несмотря на пережитые старушкой трудности, от неё исходят волны счастья и радости, которые помогают жить всем вокруг: *«...Глаза ее в мохе древних ресничек по-девичьи радуются»* [Там же]. Автора поражает мудрость Евдокии Петровны, то, что *«она в главное смотрела – в душу»* [Там же]. Он восхищается не только её многолетним тяжким трудом, но и культурой, умением видеть вокруг прекрасное и воплощать его в традиционной вышивке *«с петухами и невиданными цветами»* [Там же], а также тем, что смогла она дожить до преклонных лет, *«не износив души»*, тем, что сохранила способность к сопереживанию – *«и каждого жалела»* [Там же].

Очерк «Зелёное пёрышко» (2005) из цикла «Старые люди» Б. Агеев посвятил своей матери – Клавдии Григорьевне Агеевой, правдиво рассказывая историю ее непростой жизни. Однако для писателя важно в этом очерке не личное, а типичное, характерное для всех ровесниц его матери, переживших коллективизацию и войну,

беззаветно трудившихся всю жизнь в деревне и даже не помышлявших из неё уезжать. Женский труд на селе – это *«обычная, ломовая работа»* [Агеев 2005], которая Клавдией Григорьевной выполняется безропотно, без жалоб, смиренно и деловито. Общаясь с нею и другими такими же пожилыми сельскими жительницами, по словам автора, *«соприкасаешься с необычным миром, с простотой праотеческой жизни, с её скупыми радостями и ежедневным трудом...»* [Там же]. Действие здесь оказывается гораздо важнее, чем слово, поскольку имеет созидательный смысл.

Образы деревенских старух Михайловны и Кузьминичны создаёт в повести «Земля Гай» И. Мамаева. Михайловна исполнена усталости от долгой жизни, от многих лет за плечами: *«Слишком много прошлого было – годы, годы, десятилетия...»* [Мамаева 2006]. Тем не менее каждый день она встаёт и выполняет деревенский труд – доит больными пальцами корову по кличке Демократия, следит за домом, ухаживает за страдающей от склероза подругой Кузьминичной. В описании быта автор порой даже излишне подробно описывая, что сделала старуха, какую одежду она на себя надела, как она потом переделалась и т. п. Столь подробная детализация помогает автору сделать читателя свидетелем происходящего, в этом отрывке можно усмотреть переключку с рассказами А.И. Солженицына «Матрёнин двор», В.Г. Распутина «Изба» – не только по части сюжетной линии, но и в отношении средств художественной выразительности.

Для Михайловны поступать по совести – естественно. Увидев, в каком бедственном положении находится заболевшая Кузьминична, она переезжает к ней – из благоустроенной квартиры в барак, чтобы *«...не искать спасения, а спасти. Потому что так оно единственно и возможно»* [Там же]. Каждый день она снова и снова объясняет потерянной, склеротичной Кузьминичне, что это за мир и как в нём жить. А сама помнит всё и иногда даже завидует обеспамятевшей Кузьминичне: *«...Не помнить-то оно иногда лучше бывает, сердечку полегче – все меньше печалей носить»* [Там же].

Одним из ключевых проявлений феномена нравственности в современной прозе о деревне является праведничество. А.Ю. Большакова отмечает, что образы

праведников представляют в прозе о деревне «христианские начала национального сознания – в его родовых крестьянских ориентациях, народном идеале соборности» [Большакова 2002а: 41]. Практически в каждом произведении о деревне есть свой праведник или праведница. Явление праведничества в современной русской прозе о деревне анализируют Н.Ю. Букарева [Букарева 2020], Н.А. Вальянов [Вальянов 2015а; 2018], Н.В. Ковтун [Ковтун 2014], Е.В. Косинцева [Косинцева 2018], О.А. Якушева [Якушева 2012] и другие исследователи.

Праведницей является героиня очерковой повести «Полуночная свадьба» липецкого писателя А. Титова. Это бабка главного героя повести Джона. Со всеми своими незначительными на первый взгляд делами, с каждодневным простым сельским трудом она может показаться скучной. Это малообразованная пожилая женщина, много пережившая на своём веку: *«Перетерпела все: колхозы, непосильную работу, голодовки, войну»* [Титов 1997]. История жизни бабки Джона обычная, рядовая, ничем не выделяющаяся из множества историй других жителей села. Её и зовут-то просто «бабкой Джона», как будто у неё нет своего собственного имени (таким образом автор демонстрирует типичность образа сельской старухи). И всё же она – настоящая русская праведница, из тех, о которых Н.С. Лесков писал: *«У нас не переводились и не переведутся праведные»* [Лесков 1981: 315].

Всю жизнь «бабка Джона» ухаживает за юродивым внуком, и как бы ни было ей самой тяжело, она идёт к внуку, который без неё пропадёт. Этим героиня А. Титова похожа на солженицынскую праведницу Матрену: она трудится, даже чувствуя скорое приближение смерти, перемогая *«тугую, ломкую болезнь»* [Титов 1997]. Бабка искренне жалеет Джона, понимая, что без неё тот *«погибня... <...> Никому, грешнай, не нужен!»* [Там же]. Чувство долга, христианская добродетель, отличающая русский национальный характер, ставят ее в один ряд с персонажами В.Г. Распутина («Последний срок», 1970), В.П. Астафьева («Последний поклон», 1968), действия которых определяются чувством христианского долга, коренными представлениями о сути человеческой жизни.

Образом «бабки Джона» писатель создаёт онтологическую сферу «прошлого», однако при этом пытаюсь увидеть и «будущее» деревенской

действительности. Центральная сюжетная линия повести связана с обычным деревенским подростком Митей, ровесником Джона, который искренне дружит с юродивым, а бабке помогает по хозяйству. Старухе нравится Митя: *«Хороший, спокойный паренек, не “фулюган”»* [Титов 1997], она находит в нём своё продолжение, символ того, что её существование в этом мире не прекратится.

Юный Митя – тоже праведник. Это смиренный, кроткий, добродушный подросток, безропотное принятие которым всех жизненных реалий роднит его с образами классических праведников деревенского мира. Когда Джон наливает в кроссовки подростку ледяной воды, тот лишь вскрикивает. А когда юродивый наступает на гвоздь, Митя перевязывает ему ногу, хотя его *«мать брезговала подходить к этому грязному парню»* [Там же]. Несмотря на юродивость Джона, их дружба с Митей – самая настоящая. Дружеские чувства Мити подтверждаются его бесконечной добротой, а преданность Джона, инстинктивно чувствующего исходящее от мальчика добро, подчёркивается автором неоднократным сравнением его с собакой: *«зажило, как на собаке», «заскулил как раненый пес»* [Там же].

Тем самым автор пытается вывести тему деревенского праведничества на более общий уровень: *«Каждый обязан что-то сделать для другого человека. Такая жизнь в деревне Тужиловка»* [Там же]. Митя – праведник, наследующий линию праведницы-бабушки после её смерти, что символизирует непрерывность традиций в деревенской действительности, а далее – непрерывность самой деревни как онтологической сущности. В рецензии П.В. Басинского такая литература получает статус «истинной прозы» – истинной в своей документальности, ориентированной на высшие моральные императивы. Повесть «Полуночная свадьба» критик характеризует как *«феномен истинной прозы, в которой жизнь становится литературой, в свою очередь, возвращающейся в жизнь»* [Басинский 1998].

Повесть завершается смертью бабки Джона, неизбежно меняющей жизнь героев повествования. Написанное А. Титовым продолжение – повесть *«Жизнь, которой не было»* (2001) – снова переносит читателя в Тужиловку. Теперь, после

смерти бабки, изба Джона превратилась в «распивочную», а его глаза *«блестят от “цамагоны”»* [Титов 2001], а Митя по-прежнему продолжает его опекать. В финале Джон, *«подняв к низкому потолку лохматую голову, подвывает»* [Там же], что подчеркивает глубину социальной пропасти, в которую погружаются герои. В этом процессе философский контекст приобретает остросоциальный оттенок.

Герои-праведники присутствуют в произведениях большинства современных авторов о деревне, продолжая единую линию в русской и советской литературе. Г.А. Белая пишет о праведниках В.Г. Распутина, А.И. Солженицына, В.П. Астафьева, что они «стали как бы “единицей хранения” традиции» [Белая 1983: 17]. О.А. Якушева замечает, что современные герои-праведники наследуют «персонажам древнерусской и русской литературы XIX века (в частности Н.С. Лескова) и деревенской прозы 70–80-годов XX века» [Якушева 2012: 180]. Праведники, по мнению Н.Ю. Букаревой, имеют «твердый нравственный ориентир», им «чужды внутренние сомнения» [Букарева 2020: 99], и они ведут за собой других, давая им образцы истинно нравственного поведения.

К таким героям можно отнести юродивую Ленку Суцевскую из рассказа Е. Родченковой *«Милые мои»* (2006), для которой вытащить из проруби ровесницу «тётю Таню» естественно; это не подвиг, а обычный поступок [Родченкова 2006]. Образы юродивых вообще очень значимы для русской литературы. Как отмечает В.И. Хомяков, авторы с их помощью стремятся показать «одинокость героя, странничество, маргинальность, сочетание высокой и низкой культуры, путь юродства как христианского подвига» [Хомяков 2012в: 230]. Однако в этом рассказе праведничество характерно не только для умственно отсталой, юродивой Ленки: Таня тоже бросается её спасать, жалеет, приводит домой. Да и дети Тани умеют искренне любить и жалеть, например, маленький Серёга готов всё отдать Ленке: *«Ладно, когда придет, подарю ей самолет. И макет корабля тоже...»* [Там же].

В очерке Г. Шульпякова *«Робинзон до понедельника»* (2014) своя праведница – это Люся, которая *«приглядывает (ее выражение)»* [Шульпяков 2014: 49] за деревенькой, где вместе с рассказчиком осталось пять жителей. Люся

«за небольшую плату» помогает всем по хозяйству, исполняя бесконечные деревенские дела, мелкую, но важную работу: *«рубит дрова, копает картошку, вскапывает огороды, кроет крыши, косит траву, таскает воду, топит избы...»* [Там же]. Писатель делает вывод, что *«без Люськи»* хутора бы не было: *«И раньше, и теперь я считаю, что она наша праведница»* [Там же]. Для автора важно, что у «его» деревеньки тоже есть своя праведница, это для него символ связи с традицией, знак истинности сельского бытия.

Образы праведников традиционны и для прозы Б. Екимова. Таков, например, фельдшер из очерка «Мишка», помогающий людям бескорыстно, заботящийся обо всех; Валентина из цикла рассказов «На хуторе», для которой одинаково достойны забота и помощь людям и животным; Николай Тюрин – «мученик» из одноименного рассказа «Тюрин», труженик и единственный кормилец своей пьющей семьи. В рассказе И. Мамаевой «Ленкина свадьба» праведница – наивная и искренняя телятница Ленка, любящая всех, обладающая чистым сердцем. В повести «Деревня дураков» Н. Ключарёвой праведница – Настя, добровольно приехавшая работать в деревню, спокойная и милосердная, обладающая твёрдым нравственным стержнем.

В рассказе «Петя» А. Назарова герой – ласковый и тихий мальчик, который, по мнению школьного учителя, *«и без того все знает»* и который умеет видеть *«в огоньке»* [Назаров 2011: 158] то, чего другим не видно. Для сельчан он и *«святой»*, и *«зачумлённый»*: ведь знает всё и умеет предсказывать будущее. Заканчивается рассказ смертью так и не выросшего мальчика: *«Он не захотел жить, мальчик Петя, простая душа, и он умер»* [Там же: 161]. Автор интенсифицирует здесь проблему, в том или ином виде поднимавшуюся всеми, кто писал о деревенских праведниках, – неприятия их окружающими, непонимания людьми их бескорыстия, доброты, чистоты.

Чаще всего праведниками в произведениях «деревенщиков» выступают пожилые женщины. Простую северную деревню описывает А. Бушковский в рассказе «Мама». Автор поднимает тему мужского пьянства, противопоставляя при этом мужчин и женщин деревни. И «лучшими» в этой оппозиции выступают

деревенские женщины: «...*Мужики-слабаки пьют, а женщины не дают себе такой воли, трудятся, как моя мама, без отдыха*» [Бушковский 2010]. Рассказ «Мама» построен как документальный очерк: в нём автор рассказывает реальную историю из своей жизни: мама упала во дворе, он привёз её в поликлинику; здесь большая очередь и все равнодушны к боли пациентов. А. Бушковский пытается попросить прощения у матери и признаться ей в любви. Атмосфера описанной им жизни деревни и «захолустного» городка безрадостна, а вывод писатель вкладывает в уста встреченного им знакомого, простого, «трезвого» работяги: «*Главное, сильно не задумываться. <...> Иначе тронешься. А так живёшь, работаешь, и всё*» [Там же]. Целью жизни, в отсутствие радости и перспектив, становится сама жизнь.

Образы праведников являются выражением национальной идеологии, особой моделью поведения истинно русского человека. Художественная составляющая при этом чрезвычайно сильна, поскольку писатели нацелены на создание ярких, пронзительных образов праведников, часто занимающих ключевое положение в сюжетном построении. Жизненная позиция представителей старшего поколения, изображаемых писателями, формирует особую картину мира, которую можно определить как систему «сведений о взаимоотношениях человека с действительностью <...> и с самим собой» [Жидков 2003: 123], причём систему, подтверждённую жизненным опытом.

В качестве вывода отмечаем характерное для современной традиционной прозы слияние близких эпических жанров (очерка, новеллы и рассказа) внутри единого идейно-художественного пространства, которое характеризуется не столько их близостью или удаленностью от жанрового канона, сколько единством универсальных категорий «бытийной идентичности» – таких как праведность, терпимость, соборность.

4.2. Человек в кругу природного мира в произведениях писателей-очеркистов

Особенностью мифопоэтической картины мира современных авторов, пишущих о деревне, является наделение живого мира, мира природы сакральным смыслом, то есть его мифологизация. Ключевые понятия натурфилософского порядка (лес, реки и водоемы, растения, животные, рыбы, птицы и др.) начинают составлять часть определённого мифопоэтического кода автора.

Нельзя не заметить, что в творчестве писателей-традиционалистов формируется особая модель мира, компонентами которой становятся социально-нравственная и онтологическая составляющие. Кроме того, в этой модели присутствуют мотивы язычества, проявляющие в тесной связи жителей села с природными циклами, в их искреннем поклонении природным стихиям. Человека в данном пространстве поддерживают традиционные понятия, а правда их жизни подтверждается такими не вызывающими сомнений фактами, как смена дня и ночи, чередование жизни и смерти и т. п.

Миф становится феноменом сознания, и в творчестве писателей образуется пространство этого древнего мифа с его функциями гармонизации человека, социума и природы, с его антропоморфизмом и олицетворением, с циклическим восприятием времени, с опорой на архетипы.

Натурфилософский подход обнаруживается в жанровой специфике произведений, структуре и композиции текстов, поэтике. Для большинства примеров традиционной прозы характерна эссеистическая, свободная форма построения сюжета, основанная на сложных ассоциативных связях и образных обобщениях. Кроме того, стоит отметить своеобразную «интимизацию» таких произведений. Под интимизацией обычно понимают инверсионный порядок слов, использование разговорных оборотов и фразеологизмов, обращение к читателю через призыв к совместному действию, включение в текст риторических вопросов и др.

В свое время Л.А. Булаховский называл интимизацию совокупностью стилистических приемов, с помощью которых «автор входит в контакт со своим читателем, делая его участником и процесса своего сообщения, и своих чувств» [Булаховский 1948: 455], максимально приближая его к себе и к своим героям, заставляя его воспринимать происходящее с ними, как с самыми близкими людьми.

Воплощение достоинств очерковой прозы о деревне – направленной на поиск традиционных основ, а затем процесс воссоздания духовно-нравственной матрицы русского человека – реализуется через широкие изобразительные возможности жанра, за счет мифологической объемности, образности повествования и художественной выразительности языка.

Мифологическое, или сакральное, мышление проявляется в творчестве «новых традиционалистов» (А.Н. Тимофеев) посредством использования ими ряда ключевых лексем (небо, растения, животные, птицы, река и др.), обозначающих ключевые понятия и образы формируемого ими сакрального мира, в котором каждое природное явление одушевлено и тесно связано с человеком. Также отметим, что объединяющим началом для всех авторов является образ природы как некоего метафизического пространства, включающего в себя духовное пространство героя.

Природа в творчестве М. Тарковского символична, молчалива, мудра и, несомненно, превосходит во всём человека природа. Не случайно обращение писателя к образу дерева. Как известно, в традициях разных народов сложилось символическое отождествление дерева со всей вселенной, с тем миром, где живут люди. Образ Мирового древа символизирует модель мироустройства, истинный порядок вещей. Одинокий монастырский кедр, который автор изображает в очерке «Образы, которые нас охраняют», выступает символом этого превосходства: *«Погибший ствол был как отрезан по границе стены, а уцелевший густой и живой отстенок темнел над монастырской землей»* [Тарковский 2014: 413]. Кедр – весьма значимый для М. Тарковского образ, которому автор посвящает «Там, где кедр со сломанной вершиной...» [Тарковский 2014: 473], вошедшее в роман «Тойота-креста» (2009). И видом своим, и судьбой кедр напоминает знаменитый

Царский лиственень В.Г. Распутина, которым *«крепился остров к речному дну, к одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матёра»* [Распутин 2015: 380]. В силе, могуществе и долголетию кедра, в его умении противостоять природной стихии и времени, в его искусстве зеленеть в любой ситуации прослеживается глубокий символизм, узнаваемые натурфилософские идеи и связь с русской литературной традицией.

Образы деревьев, имеющих в мифологии сакральное значение, встречаются во многих анализируемых произведениях. Можно вспомнить тополь из очерка Г. Шульпякова «Робинзон по понедельникам», стоявший на страже своей земли, а когда он рухнул после урагана, разломившись на три части, то не стало у «счастливой» деревни надежного стража. Остатки дерева прозаик сравнивает с *«потерпевшим крушение лайнером»* [Шульпяков 2014: 48], в чем прослеживается аналогия с крушением самой деревни в годы перестройки и реформ 1990-х годов.

Особый символический смысл приобретает природа в северной прозе карельского писателя Д. Новикова. Автор наделяет строгую красоту русского Севера древней магической силой. Он пишет: *«Север правдив и жесток»*, имея в виду, что на Севере человек, попавший в сложные природные условия, всегда вынужден раскрывать истинную сущность. И если твоя душа полна добра и искренности, *«то не тронет тебя ни один зверь, холодное море даст пищу, а дикие леса – кров»* [Новиков 2014: 81]. В художественной системе писателя природа, имеющая универсальное значение, отождествлена с основой мироздания. Она является суровым, принципиальным наблюдателем, но одновременно стремится влиять на человека, нередко заставляя его полностью пересмотреть свою прежнюю жизнь.

И.Н. Иванова называет произведения Д. Новикова «современной версией северного текста в русской отечественной прозе», а самого автора – «лидером недавно появившегося на литературной арене современной России направления – “новой северной прозы”» [Иванова 2015б: 187]. По мнению исследователя, писатель наследует и развивает традиции «северного текста» таких авторов, как М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов, Ю.П. Казаков, В.И. Белов и др. Север в его

произведениях выступает как очистительное начало, проверяющее людей, дающее их душам спокойствие, раскрывающее в характерах главные черты. К.Д. Взацкая и Т.Г. Кучина обнаруживают в прозе Д. Новикова темы и мотивы творчества И.А. Бунина, такие, как «смерть, любовь, вечность, красота, память-прапамять, одиночество» [Взацкая 2017: 227]. П.С. Пере называет творчество Д. Новикова «манифестом новой северной прозы» [Пере 2017: 104]. По её мнению, авторы этого направления «отказываются от поиска идеального героя из народа, не видят “светлого будущего” Севера» [Там же: 113] и в то же время характеризуются «бережным отношением к традициям Севера и наследию предков» [Там же].

В жанровом плане очерковая проза писателей-традиционалистов представлена рассказами, путевыми или этнографическими очерками, описательными очерками, очерками-хрониками, очерками-дневниками, герои которых находятся в постоянном движении, познавая природу и историю данной местности. Отличительный признак таких произведений – преобладание фактов вторичного порядка, услышанных от местных жителей. Важное место в текстах занимают описания быта коренного населения, их традиции и обычаи (строительство жилищ, семейные устои, правила охоты и рыбалки и др.), а также мифы и предания.

Символика Севера, с учетом метафорического стиля писателя Новикова, его склонности к мифопоэтике, становится средством понимания типологии культуры писателя. Природа в описании автором многих ситуаций и позиций имеет символическое значение. Таёжное утро, когда *«белесость белой ночи сменялась солнечным лучом, прорвавшим вдруг тяжелые тучи Ловозера»* [Новиков 2014: 10], символизирует начало, первоисток, зарождение жизни, смену координат, неизбежность торжества жизни над смертью. Красота таёжной природы, в которой *«высокие синие тундры, облитые сметаной снежников, сурово висят над головой»* [Там же], подчеркивает влияние окружающего мира на личность: как часть природы человек подчиняется ее законам, переживает все естественные процессы, вложенные в него с самого рождения.

И.Н. Иванова и А.С. Сазонова отмечают, что «для “северной прозы” доминантой можно считать представление о Севере как о территории испытания» [Иванова 2015а: 70], поскольку её герои сконцентрированы на преодолении трудных условий жизни, на борьбу с Севером, на постоянном преодолении тех сложных условий, в которые погружает их природа.

В целом в прозе это обуславливает наличие нового типа героя, героя-отшельника, по доброй воле покидающего цивилизацию для познания своего истинного жизненного предназначения через слияние с природой. Потребность такого самоопределения исследователи относят к явлению эскапизма, суть которого сводится к поиску «идеальной» реальности, в которой отдельная личность (индивид) сможет максимально реализовать свой жизненный потенциал. Как отмечает В.И. Белов, «особенно наглядно такого рода эскапизм проявляется в периоды экономических и политических катаклизмов» [Белов 2017: 270], что согласуется с общей социально-исторической обстановкой в России на рубеже веков и в начале XXI века.

Героями-отшельниками новой прозы становятся охотники, рыбаки, промысловики, с одной стороны, каждый раз открывающие читателю таинство и независимую красоту природы, а с другой – демонстрирующие ее суровость и неприступность для человека чуждого, неподготовленного. Нередко это «потерянные», «бедовые», пьющие люди, но *«именно об этих людях, – рассуждает М. Тарковский, – перво-наперво и хотелось писать»* [Тарковский 2002]. Именно они, с авторской точки зрения, претендуют на роль исконного нравственного идеала, в любых житейских ситуациях демонстрируя по отношению к людям и природе искренность и добросердечность.

В поисках высших смыслов, как он сам пишет, уезжает из столицы писатель И. Кочергин. Предметом его изучения становится характер алтайского жителя и быт северной деревни. В сборнике «Алтайские рассказы» (2001) автор передает свои впечатления от сурового алтайского края, где он несколько лет жил и работал егерем в заповеднике. Р. Сенчин характеризует писателя Кочергина как «автора нескольких рассказов и одной повести о москвиче, убежавшем в тайгу,

вернувшись и снова мечтающем убежать» [Сенчин 2004]. Критик В.Е. Пустовая находит в прозе автора большее, чем традиционную тематику «человека между цивилизацией и природой» [Пустовая 2004]. Казалось бы, что необычного, кроме описания величественной природы, может передать «взгляд горожанина», однако для автора главным становится изображение именно человеческого характера, системы отношений «Я – мир», возвращение человека через природу к его утерянным духовным корням.

В сборнике возникают образы простых людей, для которых близость к природе необходима: *«Здесь, вдали от городского шума, вдали от суеты, человек чутче вслушивается и вглядывается в окружающий мир»* [Кочергин 2001а]. В прозе автора возникает образ мироздания со всей его непредсказуемостью, очищающей сознание от всего наносного, искусственного. Герой рассказа «Волки» начинает понимать, что мучившие его проблемы (ссоры с женой, безденежье и др.) – мелочи по сравнению с теми страхами, которые наполняют окружающее пространство и от которых теперь *«нечем защититься»* [Кочергин 2001б]. Природное пространство играет очистительную роль, символизируя величие стихии, противостоящей человеку и заставляющей его переосмыслить свою жизнь и поступки, свои стремления и помыслы.

Второй тип персонажей-«беглецов» – горожане, представители интеллигенции, покидающие мегаполисы ради «дома в деревне». Писатель А. Варламов живет в Москве, однако деревенская тема ему близка. В повествовании в рассказах «Падчевары» автор описывает свою *«приемную деревенскую родину»* [Варламов 2012] – Падчевары, в которых купил домик и в которые, *«окруженные благополучием, довольством и сытостью»* [Там же], сам не всегда мог поверить. Автор упоминает о жителях деревень – *«нескольких десятках деревенских старух»*, о деревеньке, которая выглядит так, *«словно почти не осталось в ней жителей, а те, кто есть, ввали в спячку»* [Там же].

Принадлежность к городской жизни позволяет А. Варламову вести повествование с позиции «гостя» / наблюдателя, приехавшего в село на время, например на рыбалку, но попутно описывающего деревенский быт, причем с

большой любовью и искренним интересом к традициям. Целью автора стало показать, как современный городской житель может любить деревню, деревенский дом: *«Влюблен в каждое бревнышко, старенькие корзины, мучные лари и деревянные самодельные вилы...»*. Речь идёт об исторической памяти, о корнях, какими для каждого сегодняшнего городского жителя является деревня. Деревня для автора – *«затерянная земля, которой я грезил»* [Там же].

В творчестве А. Варламова критики и литературоведы видят прямое продолжение традиций «деревенской прозы» 1970–1980-х. «Повестью сердца» называет сам автор произведение «Дом в деревне». Проникнутое ностальгией и любовью к прошлому, повествование носит исповедальный характер, открывающий читателю внутренний мир самого автора.

А.В. Давыдова пишет, что в его дилогии «Дом в деревне» и «Падчевары» создан «образ Русского Севера» [Давыдова 2015: 306]. Э.Ф. Нагуманова отмечает, что в прозе А. Варламова самое главное – «идея нравственного совершенства отдельно взятого человека», но при этом уделяется внимание и социальным проблемам, «на фоне которых происходит формирование человеческой души» [Нагуманова 2016: 259-260]. Нравственное совершенство без социальной деятельности оказывается невозможным. И.И. Вильховский анализирует повесть А. Варламова «Дом в деревне» с точки зрения художественного осмысления писателем основ национального бытия, познания русского характера [Вильховский 2016: 23]. По мнению исследователя, писатель «эксплуатирует» традиционный для русской литературы XIX–XX веков сюжетный ход – «выход героя-интеллигента “в народ”» [Там же]. Традиционный характер прозы А. Варламова, его глубокая связь с традициями русской «деревенской прозы» 1950–1980-х годов, в частности В.М. Шукшина, В.Г. Распутина, В.И. Белова, проявляется также в том, что он «исследует типы деревенских жителей» [Там же], которые воспроизводит на страницах своих рассказов.

Природе отведена роль главной системы координат, задающей параметры духовного мира героев и метафизической сути событий, характерных для очерковой прозы современных традиционалистов. Отправной точкой в этом случае

является индивидуальная нравственно-философская концепция самих писателей, а уже после – их героев. Для глубокого мифопоэтического понимания русской деревни авторы используют наборы архетипов, символизирующих природные циклы и стихии – воды, земли, света и др.

В прозе иркутского писателя А. Байбородина представлен развернутый мифопоэтический образ земли. В традициях русского национального характера присутствует одушевление земли. Отсюда взяли начало многие земледельческие обряды и народные приметы, например правило сеять до праздника Троицы, а убирать до Великого Покрова и т. п. А. Байбородин немного снисходительно характеризует *«языческое одухотворение земли»*, свойственное крестьянам, как *«духовную прелесть»* [Байбородин 2013: 167], но при этом исключительно высоко оценивает *«вселенское природознание, трудолюбие и терпение»* крестьян, считает основой их *«земледельческого таланта»* *«неизбывную, всепоглощающую, обрядово-поклонную, жертвенную любовь к матери сырой земле»* [Там же]. То есть именно любовь, по мысли писателя, вдохновляет крестьян работать на земле и учит их так тонко понимать её состояние. Понимание же это фиксируется в многочисленных приметах, связанных с земледелием, и становится основой языческих обрядов.

На примере прозы А. Байбородина можно говорить о сказовом (былинном) прочтении очерковой прозы. Фольклорные мотивы и герои становятся неотъемлемыми элементами поэтики. Сказочные (мифические) персонажи и образы перерастают в символы, выражающие потаенный смысл бытия, одновременно сохраняющие народно-поэтические традиции, приметы, обычаи.

Неразрывное единство земли и крестьянина основывается на глубинном подсознательном единоначалии русского человека и родной земли. Уральский критик и поэт С.В. Чепров пишет о «силе земли» в связи с очерками А. Байбородина: «Русский же мужик – пахарь. Но пахарь, не снимающий с пояса меча» [Чепров 2015]. Для критика важно подчеркнуть, что крестьянин способен в любой момент встать на защиту своей земли. Чепров говорит о «земляной» природе русского человека. В соответствии с мифологической традицией концепт

земли объединен с традицией природного пространства. Земля даёт силу тем, кто её обрабатывает, – крестьянам, и они начинают ощущать себя одним целым с землёй. А. Байбородин в книге «Мать сыра земля» пишет, что именно *«святая, всемогущая сила земли русской, сила любовной памяти о ней спасала мужиков от гибели, от потери лица человеческого»* [Байбородин 2013: 176].

Следующий по значимости космологический образ – это *образ воды*. Стихия воды в произведениях современных писателей разнообразна и всеобъемлюща. Вода – это море, река, озеро, ручей, даже дождь. Герои книг относятся к воде по-разному: для них характерно и прикладное, конкретно-бытовое восприятие водных объектов, важных для хозяйственной деятельности деревенского жителя, и философское понимание воды как неукротимой и вечной стихии. В натурфилософской прозе вода – объект изображения, и в этом случае важны её внешние признаки: характер течения реки, её спокойный или буйный нрав, а также размышления героя о природе и своём месте рядом с нею.

Действительно, вода символизирует некое начало бытия. Это сущность, составляющая базис мироздания, необходимая для существования человека, причём не только в физическом, но и духовном аспектах. В мифологии воды «предшествуют всякой форме и поддерживают всякое творение» [Элиаде 1999: 183]. Вода символизирует саму жизнь, а также возрождение и появление у кого-либо чего-либо новых возможностей. Не случайно в сказках появляется образ «живой воды» [Там же: 184]. В результате образы, связанные с водой, относятся в литературе к «разряду важнейших, основополагающих, входящих в ядро культурных представлений носителей данной культуры и данного языка» [Крылова 2018: 127]. Важнейшим водным образом является образ реки – изначально непростой для восприятия, двойственный. Х.Э. Керлот отмечает амбивалентный характер символа реки, присутствие в нём и созидательного (орошение, плодородие), и разрушительного (необратимость времени, неизбежность забвения) природных начал [Керлот 1994: 437].

Символика воды в произведениях северных писателей находится на службе суровой северной природы, но по отношению к человеку вода беспристрастна и

отстранена. Вспомним, как в очерках П.Н. Ребрина («Глаза леса», 1966) описывается сутками продолжающийся дождь. Природа велика, а водная стихия настолько сильна, что человек и его нужды, его удобство для них второстепенны, существуют словно в параллельном мире. Речной поток может также символизировать необратимость течения времени, особенно такой водный образ, как река-дорога. М. Тарковский пишет о важности сибирских рек, в первую очередь Ангары и Енисея, для человека, так как *«это реки-дороги, реки-кормилицы, реки-учителя...»* [Тарковский 2015].

Общее свойство реки-дороги, отмечаемое всеми писателями, – безбрежность, подталкивающая человека к размышлениям о смысле жизни и бренности человеческого бытия. В таком ракурсе образ реки нередко предстаёт, когда герои находятся в пути по реке-дороге и размышляют: *«Ведь только в дороге ты по-настоящему свободен и честен перед Богом и собой»* [Новиков 2014: 18]. Для язычников река и море – явления сакрального порядка, объекты почитания и место совершения многих обрядов. Вот и персонажи «Куйпоги», приехавшие к Белому морю, на физическом уровне ощущают, *«как с тела, с души словно отваливается пластинами чешуя накопившейся за долгие годы грязи»* [Новиков 2014: 41]. В онтологическом смысле река (или море) ощущается героями произведений как граница между мирами, *«грань между жизнью и смертью, добром и злом»* [Там же: 43], символизирующая течение времени, сложное положение человека между бытовым и вечным. В финале очерка Д. Новикова главная героиня Вера (обратим внимание на говорящее имя) вознаграждена за свою веру в силы природы: вода после отлива возвращается к берегу, и *«в разрыве туч вдруг блеснуло яростное солнце»* [Там же: 48].

Связь земли и воды в художественном мире Д. Новикова проявляется также посредством ряда зооморфных образов. Можно отметить соотнесенность персонажей автора преимущественно с земноводными (в его произведениях мы видим образы рыб, змей, лягушек и др.). Об устойчивом характере таких ассоциаций в мифологическом сознании русского человека писал В.Н. Топоров:

«...Периферийные элементы вертикальной структуры стали символами неба (птицы) и подземного царства (змеи-рыбы)» [Топоров 1972: 93].

При первой встрече с пресмыкающимися персонажи очерков Д. Новикова «Жабы мести и совести» и «Змей» испытывают к ним одинаково сильное отвращение. Однако со временем герои проникаются искренним интересом и даже любовью к этим природным созданиям. Страх уходит, и вместе с тем в сознании героев метафорический образ жабы или змеи приобретает глубокий философский подтекст. Герой очерка «Змей» удивляется тому, что его земля – это *«царство просто змеиное, а не рай земной»* [Новиков 2014: 225]. Природа ставит героя перед нравственным выбором: сдаться на милость судьбы или стать Хозяином своей жизни (в данном случае своей земли как символа жизни). И он решает защищать от змей свою землю: *«Ступайте в леса, в болота, вдоль по берегу – места много везде. Но теперь здесь – мое»* [Там же: 226].

Похожую символику имеют жабы, приходившие по вечерам к костру, в очерке «Жабы мести и совести». Известно, что жаба не имеет в культуре однозначного толкования: на Востоке – это признанный символ богатства и достатка, у православных жаба часто символизирует грех, жадность и зависть. Именно такие чувства испытывают друг к другу герои очерка братья Жолобковы. Но в их истории жаба с *«нечеловечески мудрыми глазами»* нужна автору, чтобы *«донести до них какую-то молчаливую, важную правду»* [Там же: 71-72].

Особенно привлекает символика *рыбы*: в очерках встречаются разные виды рыбы – палтус, сельдь, треска, зубатка, камбала, семга и др. В христианстве символ Рыбы (Ихтус) относят к Создателю, а последователей Христа в истории христианства часто называли рыбами. В прозе Новикова семантика ихтиологических образов связана с развернутой метафорой высшего Разума, с такими понятиями, как «любовь к ближнему», «родство», «сила созидания». Именно поэтому ускользает от братьев, не сумевших победить в отношениях друг к другу претензии и зависть, заветная рыба, *«семга именем Его»* [Там же: 88].

Идеи антропоморфизма, укорененные в «деревенской прозе», начиная с великой притчи о «Царь-рыбе» (1976) В.П. Астафьева как сказе о грехе и возмездии

природы, получают современное бытийное прочтение. Михаил Тарковский называет В.П. Астафьева писателем *«насквозь речным – пароходским, лодочным, рыбным»* и отмечает, что его судьба *«крепко, пуповинно перевязана... с великой рекой. Так крепко, что крепче не бывает...»* [Тарковский 2015]. Если человек начинает понимать природу, то он неизменно ощущает глубинную, родовую связь с нею. И уже не может без неё жить. Д. Новиков отслеживает этот процесс проникновения человека в природу, появления предчувствия слияния с нею: *«Несколько лет назад меня неудержимо потянуло на природу. <...> я стал искать место, где будет мой дом»* [Новиков 2014: 155]. Единение с природой символизирует обращение к своим корням, возврат к традициям, вошедшим в кровь и плоть русского человека.

Очерк-притча, былинный (сказовый) очерк в исполнении писателей традиционного направления получают распространение как инварианты жанра внутри этико-философской прозы. Писатели включают элементы притчи, мифологемы в современные художественные тексты для более глубокого раскрытия сути самих произведений, для ответа на вечные вопросы о жизни и смерти. Синтез притчeveго и очеркового начала выводит повествование на бытийный уровень, утверждает общечеловеческие ценности. Часто использование притчи (сказа) помогает решению или, наоборот, созданию конфликта художественного очерка, расширяет рамки текста, выводит поставленные проблемы на общечеловеческий, философский план.

4.3. Дом как модель социума в современном очерке

Для героев очерковых и художественных произведений о деревне одинаково важны явления природы, с которой они чувствуют глубокую внутреннюю связь, и явления созданного человеком материального мира, в первую очередь, его жилище – дом.

Дом и подворье – один из ключевых архетипов, составляющих единую концептосферу «русского мира» [Пыхтина 2017; Шутова 2011 и др.]. В патриархальной традиции изба (дом) – узнаваемая модель крестьянского мира в миниатюре. Для старухи Дарьи из «Прощания с Матерой» (1976) В.Г. Распутина, Агафьи из его же рассказа «Изба» (1989), солженицынской Матрены («Матренин двор», 1956) дом – это не просто жилище или отчий дом, а особый способ выражения национального характера и главный символ Родины, образчик крестьянской души.

В очерках Г. Шульпякова акцент делается на то, что у героя есть в деревне не дом, а «изба», и это отличие важно для него. Автор приводит следующий диалог: «*“О, у вас дом в деревне!” – трещит трубка. “Изба...” – “Как это хорошо – дом, природа. Я хотела бы...” – “Изба! – кричу. – Изба!”*» [Шульпяков 2010: 214]. Слово *изба* повторяется несколько раз, выкрикивается громко. Герой старается донести до собеседника, что изба – это совершенно особая разновидность дома, жилища. Для него важно это стержневое, имеющее исторические корни отличие.

Шульпяков понимает дом как мир, как пространственную точку во Вселенной, включающую эту Вселенную и выступающую как её модель. Главные функции дома: охранная – защитить маленький мир (человека, его семью) от большого, и кумулятивная – сберечь память о былом, традиции, прошлое. В мифологическом словаре дом понимается как «символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов» [Славянская мифология 2002: 142]. В славянской традиции существует множество ритуалов, обеспечивающих «защиту и ограждение от злых сил» [Там же] и связанных именно с домом.

В произведении А. Варламова крестьянская изба «*с ее гладкими янтарными стенами и прямоугольниками окон с занавесками в красный горошек*» [Варламов 2012] является одновременно особенной, индивидуальной (благодаря образу занавесок в горошек) и всеобщей (благодаря отсылке к образу янтаря как символу чистоты и вечности). С.Д. Домников отмечает, что образ избы наделён

«соответствующей символикой и атрибутами свернутой Вселенной» [Домников 2002: 160], то есть, обозначая микромир, указывает на макромир.

А.В. Фролова, анализируя образ русской избы в поэзии Н.А. Клюева, называет его прообразом крестьянского Космоса, явлением расширенного до предела «рая избыного», «избяного космоса» [Фролова 2006: 33]. В доме важны элементы, символизирующие его закрытость от мира, от макрокосмоса, ограничивающие дом сверху и с боков (крыша, стены), и противостоящие им элементы, нарушающие герметичность, обеспечивающие контакты с внешним миром (дверь и окна). В этом проявляется двуединство образа дома.

Дом и окружающий мир противопоставлены как соответственно закрытое и открытое, безопасное и опасное пространства. Человеку нужен дом, соединяющий небо и землю, духовное и бытовое, сакральное и обыденное. Дом выступает как один из священных устоев национальной жизни.

Так, у Г. Шульпякова понятие «изба» приобретает новый смысловой оттенок, выраженный в словах автора: *«Изба есть механизм, усваивающий, впитывающий время»* [Шульпяков 2010: 217]. Жизнь избы приобретает особое онтологическое значение. Изба, как и человек, стареет: оседают ее венцы, уходит в землю валун, поддерживающий крыльцо, остывает печка. Наблюдение за бытовыми вещами, составляющими дом, позволяет автору понять их вторичность, осознать, что вещи имеют небольшое значение, поскольку *«человек живет памятью, а значит, поиск прошлого – единственное, что может объединить людей»* [Там же: 214].

В связи с этой диалектической мыслью особое значение для многих писателей имеет образ прохудившейся крыши избы. Стремление срочно «залатать протекающую крышу» приобретает философский подтекст. «Прохудилась» ментальность человека, его прежние представления о мире не выдерживают проверки жизнью. Вспомним ту же героиню «Матрениного двора», которой нужно было перестилать кровлю и которая испытывала по этому поводу сильные чувства: *«Но жутко ей было ломать ту крышу, под которой прожила сорок лет. <...> Это – конец жизни»* [Солженицын 1991: 133].

Не удивительно, что сюжет строительства дома в очерковой повести «Строить!» Д. Новикова связывается с авторской установкой на реконструкцию основ (модели) крестьянского мира целиком: *«Хватит уже плакать – мне кажется очень важным строить. <...> Нужно брать эту землю и строить на ней»* [Новиков 2014: 220-221]. В связи с этим в произведениях Д. Новикова появляется категория «делателей» – людей, которые хотят работать на себя и приносить своим трудом радость другим. Герои новой деревенской реальности отходят от принципа коллективной ответственности за происходящее, привитого в период социализма, в пользу ответственности индивидуальной, которая сложнее, но помогает достичь больших результатов.

О том, как много значит для деревенского жителя дом, пишет Б. Агеев, подробно рассказывающий о строительстве деревенского дома, которое наблюдал в детстве, и замечающий, что все члены семьи, даже самые маленькие, принимали в этом строительстве участие: *«Дом считаешь своим, когда в него вложена частица себя, своего труда и заботы»* [Агеев 2005]. А ремонт дома для героя очерков Б. Агеева всегда в радость, он символизирует передачу дому своей энергии и поддержание его в «живом» (то есть живом) состоянии.

Сакрализация образа дома приводит к тому, что многие привычные бытовые, казалось бы, предметы и явления наполняются символическим и даже онтологическим смыслом. Это связано, в частности, с образом хлеба.

В рассказе Н. Мелёхиной «Что мы знаем о хлебе» (2016), опубликованном в журнале «Октябрь», важным сюжетообразующим концептом является *концепт хлеба*. В христианстве хлеб и вино (взятые вместе) соответствуют библейскому образу «плоти и крови» Христа, означают психофизическую природу человека. В библейских книгах написано, что Господь мог употребить для установления таинства Исповеди и Причащения любую пищу, но избрал именно эти продукты, потому что в священной символике они имеют особое значение. Хлеб является символом жизни. Недаром Дашка Лепихина у Н. Мелёхиной не угощает, а именно *«причащает весь школьный пазик»* хлебом. С христианской традицией связано и описание процесса еды: *«Юрка отрывал кусочки от хлебной плоти и медленно*

разжевывал» [Мелёхина 2016]. Следуя антропоморфической традиции, писательница одухотворяет хлеб, подчеркивает его внутреннее единство с человеком. Правда, этим свойством – понимать суть хлеба, ощущать его ценность, обладают в рассказе только деревенские ребята – жители небольших деревень, каждое утро на пазике *«трансгрессирующие»* в школу.

Особое символическое значение концепт хлеба приобретает в очерках Б. Екимова «Прощание с колхозом» (2004). В первый раз этот мотив возникает в поселковом магазине, куда автор-рассказчик приходит за гостинцем перед поездкой на дальний хутор. В этот день хлеб привозят в тихий окраинный магазин по новым ценам – и это в год, когда область собрала рекордный (по местным меркам) урожай в четыре миллиона тонн зерна. Во второй раз тема хлеба возникает как итог поездки. Борис Екимов показывает, что образ хлеба (в данном случае пресловутой битвы за хлеб) становится инструментом манипуляции общественным сознанием в ходе очередной предвыборной кампании: *«Для одних – работа, для других “битва”: за губернаторское, за чиновничье кресло»* [Екимов 2010]. Автор использует образ хлеба, учитывая его концептуальное значение для русской культуры, прежде всего связанное с национальным самосознанием и составляющее культурное ядро нации.

В книгах современных прозаиков хлеб выступает как символ, но не еды или голода. Его символическое значение шире, и в этом значении велика обратимость составляющих его смыслов. Часто этот символ, восходящий к онтологическому содержанию жизни и смерти, связанный с понятиями сытости и голода, получает социально-философское толкование, становясь мерилom нравственности.

Так происходит, например, в рассказе «Хлеб для собаки» (1988) В.Ф. Тендрякова, в котором мальчику стыдно быть сытым, когда он видит, как за окном умирают от голода ссыльные. Больше половины очерков сельского публициста Ю.Д. Черниченко так или иначе связаны с образом хлеба: «Ржаной хлеб», «Земля в колосьях», «Яровой клин», «Русская пшеница», «Русский хлеб», «Хлеб» и др. Можно вспомнить повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1959), где автор пишет: *«Хлеб – это жизнь!»*. Герой этого рассказа,

арестант Иван Денисович, с утра клал в карман кусок чёрствого хлеба, чтобы растянуть эту краюху на весь день.

Другим символическим понятием является в деревенской прозе *свет*, который выступает в тексте в прямом и переносном смысле. Свет – это универсальный символ надежды, восходящий к русской национальной традиции, в расширенном контексте символизирующий веру в светлое будущее. В отсутствие света наступают тьма, мрак, беспросветность, уходит надежда. Онтологическую суть исчезновения электричества из жизни селян чувствует З. Прилепин, когда пишет о его отключении: *«Погружение во тьму – вот что сулил оставшимся в живых день новый»* [Прилепин 2012].

Герои З. Прилепина из очерка «Сельская пастораль» (2009) пытаются разрешить проблему с электричеством самостоятельно и практически, они просто решают оплатить в своем доме электричество. Для этого селяне едут в райцентр и после нескольких часов бюрократической волокиты (возможно, в такой же неразберихе *«кто-то однажды забыл нарисовать на карте области кружочек и приписать к нему название населенного пункта»*, – незримо рассуждает автор), напрямую ассоциируемой с Вселенским Хаосом, в деревню, находящуюся *«за пределами географии»* [Прилепин 2009а], приезжает комиссия. Она выясняет, что деревня вообще не платит за электричество годами, поэтому *«электрические провода надо немедленно обрезать. Одни радиоточки оставить»* [Там же]. Вывод авторитетной комиссии воспринимается читателем иносказательно: этой деревне больше не выделяется некими высшими силами свет, она обречена на вечную тьму.

Аналогичные проблемы возникают и у жителей деревни «Южнорусское Овчарово» (2017) из одноимённого сборника Л. Белоиван: напряжение в сети очень маленькое, бытовые приборы не работают, и местные жители считают, что *«платить за некачественное и, к тому же, невидимое глазу фуфло не обязательно и даже глупо»* [Белоиван 2017], за что *«мстительные энергетики»* и *«сняли со столбов провода»* [Там же]. В результате *«Южнорусское Овчарово накрылось тьмой»* [Там же]. Здесь тьма также выступает как символ разрушения: подразумевается не только отсутствие электричества, но и нерадостные

перспективы деревенской жизни. О.Ю. Багдасарян отмечает, что деревня выступает в книге «Южнорусское Овчарово» Л. Белоиван как «творческий хронотоп» современной прозы, а образу Овчарова свойственны «нестабильность, антииерархичность, парадоксальность» [Багдасарян 2020: 161]. Отсутствие света очень значимо в этом хронотопе и символизирует шаткое положение деревни в современном пространстве России.

Символическое значение в произведениях современных традиционалистов имеют сами *названия деревень*. Нередко различные авторы используют один и тот же приём – перечисление названий в пределах одного предложения. Перечень «*Иудино, Кулебякино, Куроедово, Пустое Рождество...*» видим в начале повести Н. Ключарёвой «Деревня дураков» [Ключарёва 2010]. На героя повести, молодого учителя истории Митю, эти названия производят гнетущее впечатление: «...С каждой строчкой ему становилось всё хуже» [Там же]. Молодому человеку кажется, что в деревнях с таким названием не может происходить ничего хорошего. А какой может быть жизнь в деревне *Тужиловка* (А. Титов) или *Пустокормовка* (Н. Мелёхина)?!

В начале повествования А. Варламова «Падчевары» (2002) перед читателем предстают «*деревни с громадными северными избами – Гридино, Нефедовская, Огарковская, Анциферовская, Бухара и Огибалово*» [Варламов 2012]. Герой из «Падчевары» (в отличие от учителя Мити) не воспринимает эти названия негативно, однако ощущает в них что-то «*неверное и нереальное*» [Там же]. При этом необычность наименований и заострение на них внимания читателя заставляют ощутить чуждость деревенской жизни для городского жителя и даже несколько пугают горожанина. Писатель Д. Новиков описывает Север, перечисляя названия рек и островов: «...*Тут уж я тоже увлекался азартом его, – Летний, Зимний, Карельский, Онежский, Терский, Серебрянка-остров, Пудинка, Парускамень, Сквородный, Водохлебиха...*» [Новиков 2017]. Подобные перечни символизирует огромность деревенского пространства, его всеобъемлющий характер, а значит – вечность деревни как сущности.

Выводы

Для осмысления современной прозы о деревне в работе актуализированы нравственно-этические и онтологические трактовки, раскрывающие связи человека и природы, человека и Вселенной. Основой анализа деревенской прозы становится представления о гармоничном единстве человека и Вселенной, идея долготерпения, смирения, принятия мира.

В этой связи критики заявляют о появлении нового поколения в литературе, условно именуя его представителей традиционалистами или «новыми традиционалистами» (А.Н. Тимофеев), главная задача которых – возрождение великих традиций литературы прошлого на современном материале. При этом обращение происходит более всего не к внешнему, а к внутреннему. Современные традиционалисты изображают «природных» героев, на уровне быта связанных с крестьянским космосом. Эта связь поддерживается образом жизни, мифологизмом и абстрактностью мышления, существованием в нём устойчивых образов и архетипов.

Очевидно, что мир русской деревни по-прежнему остается центром первичных основ естественного человеческого и природного бытия. Героев произведений о деревне А. Байбородина, Д. Новикова, М. Тарковского, И. Мамаевой, Б. Агеева и др. интересуют вечные философские вопросы о смысле бытия, жизни и смерти. В создаваемой авторами прозе натурфилософского и онтологического характера по-прежнему актуален мотив прощания со старшим поколением, безвременный уход которого символизирует духовную гибель самой деревни.

Деревня в новых условиях функционирует как сакральный элемент художественного мира и мировоззрения писателей. Ее сакральность связана с отдаленностью от «другого» мира, выступающего по отношению к деревне как мир чужой и враждебный. В системе художественных координат на этом фоне происходит смещение пространственно-временных параметров в пользу бездомья и безвременья, для героев возникает новый мотив – «добровольного

отшельничества». Образы героя-отшельника, героя-беглеца от городской суеты в художественном мире и поэтике очерков о деревне транслируют представление о встроенности человека в мир природы, о единоначалии и гармонии мироздания, благодаря которой природа щедро одаривает человека. Ему только нужно уметь договариваться с рекой / озером / деревом и др., но прежде всего быть в гармонии с собой и другими людьми.

Наряду с этим манифестные формы в литературных текстах приобретают природные явления, образы и символы (земли / тайги, воды, животных, дома / избы / подворья, хлеба) и др. Модель мироздания включает в себя не только онтологические, но и мифопоэтические координаты, связанные с природой. Все мысли, желания, реалии, окружающие человека, все древние представления, впитанные им из пространства культуры, становятся кирпичиками, с помощью которых конструируется и поэтически наполняется пространство художественного текста. В трактовке данных мифопоэтических образов используются мотивы духовной наполненности бытия деревенского жителя, гармоничности мироздания, антропоморфизма. Природа при этом играет очистительную роль, символизируя величие, заставляющее человека пересмотреть свои пагубные убеждения. Писатели находят новые формации, способные расширить привычные возможности жанра. В этих поисках произведения о деревне приобретают сказовую (притчевую) форму и содержание, среди героев возникают духи, колдуны.

Новизна натурфилософского подхода обнаруживается в композиции и поэтике, в частности в обращении современных авторов к эссеистской свободной форме построения сюжета, предполагающей нелинейность, образные обобщения, интимизацию произведений, выдвижение личности автора на первый план. Прозу в целом характеризует выдержанный стиль, прозрачность повествования, простые и ясные персонажи, которыми наравне с людьми могут быть животные (жабы / змеи и др.), явления природы (приливы / отливы рек, плеск волн и др.). При всей образности описания природы, покоряющей до глубины души, она часто

характеризуется аскетичными и строгими метафорами, имеющими своей целью не отвлечь внимание от главенствующей духовной сути.

Языковые особенности этико-философской прозы определяются важностью для авторов сохранения в тексте местного диалекта, неотъемлемой черты деревенского мира. Писателям интересны все жители деревни, в том числе маргинальные, которые, на первый взгляд, и разговаривать нормально не умеют. Передаваемый на страницах произведений о деревне язык местных жителей помогает воспринимать создаваемые писателями образы и осознавать мотивы авторов.

Рассматривая жанровую природу современного деревенского очерка, отмечаем заметное усиление лирического начала, возникающего как отказ от заданных, схематичных представлений о человеке в прежней очерковой литературе, как потребность утверждения самой личности, ее нравственного самосознания. Герой традиционной прозы приобретает способность к глубоким размышлениям о «вечных» вопросах, связанных с пониманием смысла жизни и счастья, тем самым углубляя этико-философское начало, характерное для прозы М. Тарковского, А. Варламова, Д. Новикова и др.

На содержательном уровне сформирован отчетливый интерес писателей к анализу нравственного аспекта души деревенского жителя. Авторы многих произведений интересуют момент прозрения человека, поэтому сюжет очерков часто представляет собой движение, путь самосознания. Это признаки психологического очерка. Достаточно часто встречаются инварианты описательного очерка, путевого с элементами хроники и дневника, очерка-репортажа. Сюжет и мотивы внутри таких повествований постоянно развиваются, а герои продвигаются физически и духовно, именно в этой положительной динамике получая развитие личности и конкретной ситуации.

Для деревенской прозы «нулевых» характерно в целом усложнение концепции героя, что касается представителей различных социальных слоев, возрастных групп, психологических обликов. Писатели стремятся выявить глубинные связи человека с окружающей природой.

Тема «человек и природа» осмысливается современной прозой в контексте глобальных социальных и гуманистических вопросов времени. Этому способствует система художественных образов и средств, в числе которых наибольшую идейно-эстетическую нагрузку несут такие, как, например, образ дома, света, хлеба и др. Вместе с тем на постоянной основе звучит мотив хрупкости, ранимости малой родины, что придает многим произведениям драматическое содержание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX – XXI веков Россия вместе со всем миром переживает культурно-цивилизационные изменения, связанные с процессом глобализации. Постмодернизм, лидирующий в 1980–90-е годы, тяготеющий к максимальной абстракции жизненных процессов и исключавший традиционные ценности, теряет свою актуальность. Новая картина мира основана на универсализме мышления, одновременно сочетающего в себе опыт прошлого и индивидуальные черты современности.

Принципиальное отличие актуальной мировоззренческой концепции – возвращение к человеку (субъекту), его переживаниям, ценностям, личному опыту, иными словами человекоцентричность, веками укорененная в памяти русского человека. В этой связи в диссертации подчеркивается ключевая роль национального самосознания, связанного с крестьянским мировосприятием, родовой памятью, малой родиной, бытом и укладом русской деревни, с XVIII-XIX вв. возводимыми в отечественной литературе в ранг общенациональной философии.

В центре исследования, как уже отмечалось, находится очерковая проза. Бытующее с конца 1990-х годов мнение о гибели очеркового жанра совпало с идентичным утверждением о разрушении деревенского «лада» и закате «деревенской прозы». Однако было бы ошибочно говорить об их полном исчезновении, ибо основные проблемы, конфликты, образы и сюжеты «крестьянского мира», как и сама тема деревни, лишь трансформировались в соответствии с новыми реалиями современного российского общества.

Более того, к началу 2000-х годов наблюдается актуализация темы деревни в литературе. В риторике критиков и литературоведов появляются определения «новые деревенщики» (П.В. Басинский), «новая деревенская проза» (И.Н. Иванова), подтверждающие запрос на возрождение темы русской деревни в массовой литературе.

Художественное освоение действительности в условиях «нулевых» подчинено поиску нравственных норм, регулирующих устройство русского мира, – в этом процессе писатели, независимо от своей принадлежности к литературным платформам «нового реализма» или «традиционализма», часто расходящиеся идеологически и творчески, возвращаются к исследованию социально-философских проблем на локальном, деревенском, материале. При внешней парадоксальности ситуации это подтверждает тезис о непрерывности магистральной линии русской литературы, основанной на народно-крестьянском мировоззрении, особой форме нравственности и духовности, укорененности в национальном сознании феноменов праведности и соборности.

В это же время представители литературно-критической общественности делают относительно национальной идеи и судьбы крестьянина множество радикальных заявлений, сводимых к единой мысли о гибели русской деревни – Б. Быков, З. Прилепин и др.

А в литературу входят новые авторы малой прозы – Н. Мелёхина, А. Шепелёв, А. Бушковский, С. Мишнев, А. Титов и другие, выходцы из деревни, для которых сельская тема и размышления о положении современного крестьянина являются глубоко личными. Вместе с ними в литературу возвращается стремление в той или иной форме возродить утраченные этические и эстетические ценности малой родины, родовой памяти, национального характера. В прозе снова возникают привычные для «деревенской прозы» социальные модели – например, противостояние города и деревни, неустроенность сельского быта.

Для новейшей деревенской прозы важен авторский дискурс – субъективный характер и социальный опыт писателя, являющегося носителем национального самосознания, представителем рода. Очеркистам этой волны предельно важно, чтобы читатель приобрел ощущение доверительного разговора, поэтому художественный мир и центральные сюжеты большинства исследуемых произведений взяты из личных наблюдений, героями произведений часто становятся близкие и родные писателей, соседи и др.

Такая открытость достигается простотой изложения, опорой на факты из личной жизни, часто оценочными суждениями автора, может трактоваться как сознательная интимизация повествования. Применительно к жанру очерка это можно трактовать как выраженный автобиографизм и документализм, характеризуемый выдвиганием личности автора на первый план.

Хорошо знающие быт и нравы деревни, авторы очерковой прозы понимают, что исследование социальных и нравственных аспектов жизни современной деревни невозможно без стремления понять трансформации, происходящие в обществе и национальном характере. Современные реалии российской жизни в значительной степени изменили традиционный тип крестьянского героя.

Писатели фиксируют изменения в типологии народного характера через появление в текстах устойчивого класса «социальных отшельников»: пьяниц, бомжей, бродяг и т.п. Несмотря на асоциальность, именно эти личности в новых условиях берут на себя роль «корневого» героя, способного к открытой рефлексии социальных изменений.

Деревня в новых условиях функционирует не только как сельский социум, но в произведениях М. Тарковского, Д. Новикова, И. Кочергина, А. Байбородина как сакральный элемент, отражающий особенности художественного мира и мировоззрения писателей. Сакральность деревни связана с отдаленностью от «другого» мира, выступающего по отношению к деревне как мир чужой и враждебный, производящий в литературе новый мотив – «добровольного отшельничества». Образы героя-отшельника, героя-беглеца от городской суеты в тайгу, героя-интеллигента, покидающего мегаполис ради «дома в деревне», создают представление о встроенности человека в природный мир, о единоначалии мироздания.

Герои многих произведений не созерцатели природы, а деятельные ее участники. Не случайно персонажами новой прозы становятся охотники, рыбаки, промысловики, приоткрывающие читателю, с одной стороны, таинство и независимую красоту природы, а с другой – демонстрирующие ее суровость и неприступность для неподготовленного чужака.

Мифологизация природы – еще одна отличительная особенность картины мира и поэтики современных писателей-очеркистов. Ключевые понятия натурфилософского порядка (лес, реки и водоемы, растения, животные, рыбы, птицы и др.) составляют часть авторского мифопоэтического кода. Во многих произведениях можно наблюдать переплетение реалистического повествования и переосмысленного мифа, который вписывается в систему других художественных средств. При этом мифологические образы и мотивы органично встроены в контекст современных социальных и нравственно-философских проблем. Объединяющим началом для авторов является образ природы как некоего метафизического пространства, включающего в себя и духовное пространство героев.

Важно отметить наличие в современной прозе Е. Родченковой, Б. Агеева, Н. Ключарёвой, А. Титова, Г. Шульпякова и многих других авторов героев-праведников, наследующих духовные основы отечественной литературы. Ситуации нравственных испытаний, исповедальность риторики таких персонажей объясняют истинный смысл бытия: через страдание и служение людям нести христианскую любовь и всепрощение. Голос молодых авторов усиливается позицией литературных мэтров – В. Личутина, В. Крупина, Б. Екимова, продолжающих очерковые традиции «деревенщиков» 1970–1980-х годов.

Общая художественная цель писателей – поиск новой концептуальной модели крестьянского мира как основы нации. К ней современные авторы подходят в контексте традиций русской классической литературы, наполняя актуальным содержанием традиционные для деревенской прозы темы, мотивы, образы и архетипы. Важную роль в мифопоэтическом понимании русской деревни играют базовые архетипы, символизирующие природные циклы и стихии – воды, земли, света и др. Значимым водным образом является образ реки, которая символизирует необратимость течения времени. Особым символизмом и первородством наделяется земля (почва).

Ключевое место в очерковых текстах занимает образ дома, становясь емким социально-историческим и нравственно-философским символом. В осмыслении общего значения Дома находится объективированное представление человека о мире, где Дом – пространственная модель Вселенной. Дом защищает человека от внешнего мира, поэтому важным его элементом является сакральный смысл, а многие бытовые, казалось бы, привычные предметы и явления наполняются символическим и даже онтологическим смыслом. Как например, образ хлеба, который является символом жизни. Кроме того, обращаясь к фольклорно-мифологическим формам, авторы используют народное слово, включая в повествование элементы разговорной речи, диалектную лексику, фольклоризмы (проза А. Шепелёва, М. Шанина и др.).

Проведенное исследование выявило динамику развития очерковой прозы о деревне 2000-2010-х годов, проявившуюся в поисках жанрово-эстетических возможностей на пути осмысления нового типа героя, социально-философской и нравственной проблематики, в соединении классических литературных традиций и злободневной публицистики, народно-поэтических основ.

Вопрос о расширении жанровых границ очерка в этот период приобретает новую актуальность. Отмечается, что очерковые произведения в первую очередь отражают не внешние, а духовные и нравственные характеристики героя. Эти особенности актуализируются в современной литературе, для которой характерен жанровый эксперимент, объединение разных очерковых форм (очерк-рассказ, очерк-репортаж, очерковая повесть и др.) и близких по форме жанров – эссе, новелла, миниатюра и др.

Наряду с этим усиливается лирическое начало произведений, распространение получают этюд, лирическая миниатюра (или их элементы); отмечается устойчивая тенденция к циклизации произведений. Признаком нормы становится отступление от традиционной жанровой классификации, специфическое прочтение жанрового канона, возникновение новых жанровых «имен» (А.А. Тертычный), как в случае с

определением жанра М. Шанина «картотека-эпопея»² («Места не столь населенные», 2016) и др.

Рассуждая о трансформации жанра, мы отмечаем существование структурно-содержательных инвариантов современного очерка в нескольких категориях: художественной (с ярко выраженным изобразительным рядом, лирико-философскими отступлениями и т.д.), публицистической (тяготеющего к постановке острых социальных и общественных проблем, фактографичности и т.д.) и эссеистской (форма авторского манифеста, блога и др.). Но и в тех и в других случаях нравственно-философская позиция автора неотделима от его мыслей общественного (социального) содержания. Поэтизация деревни, устойчивый интерес к духовной культуре крестьянства, русскому национальному характеру сочетаются с проблемами социальными и политическими. Тем самым современная очерковая проза о деревне перерастает в литературу общечеловеческую, в литературу философско-этического плана.

Заявленная нами тема, несомненно, имеет перспективы дальнейшего развития. Интересной возможностью для изучения могут стать жанровые эксперименты, происходящие в деревенской прозе. Также практически не рассмотрены региональные центры, объединяющие разных авторов. Среди них можно выделить писателей Русского Севера, сибирскую прозу, столичную прозу, прозу Центральной России и т.д.

² Шанин М. Левоплосковские // Октябрь. 2014. № 5. С. 87.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**І. ИСТОЧНИКИ**

1. Абрамов, Ф.А. Вокруг да около. Проза Русского Севера / Ф.А. Абрамов. – М.: Вече, 2019. – 320 с.
2. Абрамов Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. – 1954. – № 4. – С. 210-231.
3. Абрамов, Ф.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6: Повести и рассказы; Путевые заметки; Об Александре Твардовском; Письма. – СПб.: Худож. лит., 1995. – 621 с.
4. Авченко, В.О. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях / В.О. Авченко. – М.: Ред. Е. Шубиной, 2018. – 352 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=277636&p=1> (дата обращения: 30.10.2020).
5. Агеев, Б.П. Зелёное пёрышко. Волока. 2005 / Б.П. Агеев [Электронный ресурс]. – URL: <http://gorodlgov.ru/content/ageev-bp-zelyonoe-pyoryshko-voloka-ocherki-iz-sikla-o-staryh-lyudyah-kurskoj-glubinki> (дата обращения: 30.10.2020).
6. Агеев, Б.П. Сколько терпения человеку нужно. 2003 / Б.П. Агеев [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospisatel.ru/ageev9.htm> (дата обращения: 01.10.2020).
7. Аксёнов, В.И. Весна в Ялани / В.И. Аксёнов. – СПб.: Лимбус Пресс, 2014. – 272 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280910&p=1> (дата обращения: 31.10.2020).
8. Байбородин, А.Г. Мать сыра земля / А.Г. Байбородин // Наш современник. – 2013. – № 11. – С. 166-185.
9. Белов, В.И. Всё впереди / В.И. Белов // Роман-газета. – 1987. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://itexts.net/avtor-vasiliy-ivanovich-belov/71010-vse-vperedi-vasiliy-belov/read/page-8.html> (дата обращения: 01.10.2020).

10. Белоиван, Л. Южнорусское Овчарово / Л. Белоиван. – М.: Livebook, 2017. – 368 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/495491-yuzhnorusskoe-ovcharovo.html> (дата обращения: 31.10.2020).
11. Бушковский, А.С. Мама. 2010 г. / А.С. Бушковский [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2010/06/12/598> (дата обращения: 01.11.2020).
12. Варламов, А.Н. Рождение. Сборник / А.Н. Варламов. – М.: Русский мир, 2012. – 480 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121005&p=1> (дата обращения: 01.10.2020).
13. Галин, Б.А. Переход: Книга очерков 1929-1930 г. / Б.А. Галин. – М.-Л.: Гослитиздат, 1930. – 175 с.
14. Гладков, Ф.В. Повесть о детстве / Ф.В. Гладков. – М.: Гослитиздат, 1956. – 448 с.
15. Горький, М. Макар Чудра / М. Горький [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/484/p.1/index.html> (дата обращения: 20.10.2020).
16. Дорош, Е.Я. Деревенский дневник / Е.Я. Дорош. – М.: Сов. писатель, 1958. – 382 с.
17. Екимов, Б.П. Пиночет. 2000 г. / Б.П. Екимов [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pinochet/> (дата обращения: 01.12.2020).
18. Екимов, Б.П. Привет издалека / Б.П. Екимов. – М.: Русский мир, 2011. – 480 с.
19. Екимов, Б.П. Прощание с колхозом: очерки разных лет / Б.П. Екимов. – М.: Время, 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=131603&p=1> (дата обращения: 01.11.2020).
20. Ехалов, А.К. Великое село. Повести, рассказы, публицистика / А.К. Ехалов. – М.: Изд. решения, 2015. – 518 с.
21. Ехалов, А.К. Дошла гиря до полу / А.К. Ехалов [Электронный ресурс]. – URL: <http://ya-zemlyak.ru/images/prosa/bloks/Дошла%20гиря%20до%20полу.pdf> (дата обращения: 26.03.2021).
22. Ехалов, А.К. Поле Жильцовых. Есть ли будущее у северной деревни? / А.К. Ехалов. – М.: Изд. решения, 2018. – 233 с. [Электронный ресурс]. – URL:

https://kartaslov.ru/книги/Ехалов_А_К_Поле_Жильцовых_Есть_ли_будущее_у_северной_деревни/9 (дата обращения: 28.11.2020).

23. Иванов, Л.И. Повесть о моем времени / Л.И. Иванов. – Омск: Омское кн. изд-во, 1988. – 256 с.

24. Казаков, Ю.П. Жизнь специально я не изучаю /Yuri Pavlovich Kazakov (1927–1982), writer. 26.09.2016 / Ю.П. Казаков [Электронный ресурс]. – URL: <http://elena-v-kuzmina.blogspot.com/2016/09/yuri-pavlovich-kazakov-19271982-writer.html> (дата обращения: 01.11.2020).

25. Ключарёва, Н.Л. Деревня дураков. Деревянное солнце. Сборник / Н.Л. Ключарёва. – М.: АСТ, 2010. – 320 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=212384&p=1> (дата обращения: 01.11.2020).

26. Киров, А.Ю. Любовь, смерть и пара бордовых шерстяных носков. 2011 / А.Ю. Киров [Электронный ресурс]. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/kirov/0/j1.html (дата обращения: 28.03.2021).

27. Колосов, А.И. Встреча мастеров: Очерки по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов / А.И. Колосов. – М.-Л.: Гос. изд-во с.-х. и колхоз-кооп. лит-ры, 1932. – 59 с.

28. Кочергин, И.Н. Алтайские рассказы / И.Н. Кочергин // Знамя. – 2001. – № 12. – С. 86-98 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/12/altajskie-rassказы.html> (дата обращения: 01.03.2021).

29. Личутин, В.В. По морю жизни – на русском челне / В.В. Личутин // Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 976 с.

30. Мамаева, И.Л. Земля Гай / И.Л. Мамаева. – М.: Вагриус, 2006. – 317 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/78590-irina-mamaeva-zemlya-gaj.html#text> (дата обращения: 01.03.2021).

31. Мелёхина, Н.М. Дорогие вещи. Рассказы. Миниатюры / Н.М. Мелёхина. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. – 304 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/avtor/natmell> (дата обращения: 01.03.2021).

32. Мишнёв, С.М. Последний мужик: рассказы / С.М. Мишнёв. – Вологда: Вологод. писат. орг.: Лит. фонд России, 1998. – 105 с.
33. Назаров, А.А. Петя / А.А. Назаров // Знамя. – 2011. – № 1. – С. 158-161.
34. Новиков, Д.Г. В сетях твоих / Д.Г. Новиков. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с.
35. Новосельцев, А.В. Свет надежды. 2013 / А.В. Новосельцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://marina-klimkova.livejournal.com/451833.html> (дата обращения: 21.03.2021).
36. Овечкин, В.В. Районные будни / В.Н. Овечкин // Новый мир. – 1952. – № 9. – С. 204-221.
37. Платонов, А.П. Избранное / А.П. Платонов. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 767 с.
38. Подъячев, С.П. Деревня / С.П. Подъячев. – М.-Л.: Земля и фабрика, 1929. – 150 с.
39. Прилепин, З. Бабушка, осы, арбуз (рассказ) / З. Прилепин // День литературы. – 2007. – № 133 [Электронный ресурс]. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/denj-literaturi-gazeta/gazeta-denj-literaturi--133-2007-9/14> (дата обращения: 01.03.2021).
40. Прилепин, З. Больше ничего не будет. 2006 / З. Прилепин [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/krupnyi-plan/bolshe-nichego-ne-budet.html> (дата обращения: 01.11.2020).
41. Прилепин, З. Второе убийство Советского Союза / З. Прилепин // Сеанс. – 2008. – № 35/36 [Электронный ресурс]. – URL: <https://seance.ru/articles/vtoroe-ubiystvo-sovetskogo-soyuza/> (дата обращения: 01.11.2020).
42. Прилепин, З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые / З. Прилепин. – М.: Астрель, 2012 [Электронный ресурс]. – URL: https://kartaslov.ru/книги/Прилепин_З_К_нам_едет_Пересвет_Отчет_за_нулевые/2 (дата обращения: 01.11.2017).
43. Прилепин, З. Сельская пастораль, или Четверть века в ожидании начальника / З. Прилепин // Огонёк. – 2009а. – № 18 (5096). – С. 18-24.

44. Прилепин, З. Я пришёл из России / З. Прилепин. – М.: Лимбус-Пресс, 2009б. – 256 с.
45. Радов, Г.Г. Председательский корпус / Г.Г. Радов. – М.: Сов. Россия, 1975. – 368 с.
46. Распутин, В.Г. Вниз и вверх по течению: Очерк одной поездки. Последний срок. Деньги для Марии: Повести / В.Г. Распутин. – М.: Сов. Россия, 1972. – 300 с.
47. Распутин, В.Г. Прощание с Матёрой / В.Г. Распутин. – М.: Азбука-Аттикус, 2015. – 608 с.
48. Ребрин, П.Н. Тюкалинские страницы / П.Н. Ребрин // Сибирские огни. – 1966. – № 2. – С. 3-38.
49. Родченкова, Е.А. Милые мои: рассказ / Е.А. Родченкова // Наш современник. – 2006. – № 3. – С. 105-117.
50. Сенчин, Р.В. Вперед и вверх на севших батарейках: повесть Р.В. Сенчин // Новый мир. – 2004. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/4/vpered-i-vverh-na-sevshih-batarejkah.html (дата обращения: 29.03.2021).
51. Солженицын, А.И. Рассказы / А.И. Солженицын. – М.: АСТ, 2015. – 384 с.
52. Солженицын, А.И. Рассказы / А.И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 288 с.
53. Солоухин, В.А. Владимирские проселки: Лирический дневник / В.А. Солоухин; ил. С. Куприянова. – М.: Мол. гвардия, 1958. – 304 с.
54. Солоухин, В.А. Капля росы / В.А. Солоухин. – Л.: Лениздат, 1960. – 335 с.
55. Тарковский, М.А. Избранное / М.А. Тарковский. – Новосибирск: Истор. наследие Сибири, 2014. – 496 с.
56. Титов, А.М. Жизнь, которой не было / А.М. Титов // Новый мир. – 2001. – № 8. – С. 7-45.

57. Титов, А.М. Полуночная свадьба. Повесть / А.М. Титов // Волга. – 1997. – № 9-10. [Электронный ресурс]. – URL: <http://glfr.ru/biblioteka/aleksandr-titov/polunochnaja-svadba.html> (дата обращения: 28.01.2018).
58. Тодорский, А.И. Год – с винтовкой и плугом. 7 ноября 1917 / 25 октября 1918 / А.И. Тодорский. – Весьегонск: Весьегонск. уезд. испол. ком., 1918. – 79 с.
59. Третьяков, С.М. Вызов: Колхозные очерки / С.М. Третьяков. – М.: Федерация, 1930. – 324 с.
60. Шанин, М. Левопосковские / М. Шанин // Октябрь. – 2014. – № 5. – С. 87-103.
61. Шаргунов, С.А. Замолк скворечник. 09.09.2016 / С.А. Шаргунов [Электронный ресурс]. – URL: <https://shargunov.com/node/437> (дата обращения: 20.03.2021).
62. Шаргунов, С.А. Скандал: рассказ / С.А. Шаргунов // Новый мир. – 2012. – № 3. – С. 98-104 [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/3/skandal.html (дата обращения: 20.03.2021).
63. Шаргунов, С.А. «Совсем заели». Сергей Шаргунов об одной сибирской деревне. 05.07.2017 / С.А. Шаргунов [Электронный ресурс]. – URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/166778.html> (дата обращения: 20.03.2021).
64. Шепелёв, А.А. Мир-село и его обитатели / А.А. Шепелёв. – М.: Эксмо, 2017. – 192 с.
65. Шишков, В.Я. Автобиография. 1943 / В.Я. Шишков // Беллетрист библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belletrist.ru/definit/24defin/shishkov-defnt.htm> (дата обращения: 20.03.2021).
66. Шишков, В.Я. Приволжский край (По Советской земле) / В.Я. Шишков // Новый мир. – 1925. – № 2. – С. 134-148.
67. Шукшин, В.М. Монолог на лестнице. 1967 / В.М. Шукшин [Электронный ресурс]. – URL: URL:

http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/shukshin/1b/j80.html (дата обращения: 20.02.2020).

68. Шульпяков, Г.Ю. Моя счастливая деревня / Г.Ю. Шульпяков // Новая Юность (Избранное). – 2010. – № 3. – С. 214-228.

69. Шульпяков, Г.Ю. Робинзон по понедельникам / Г.Ю. Шульпяков // Огонек. – 2014. – № 2. – С. 48-49.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

70. Абрамов, Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки) / Ф.А. Абрамов // Новый мир. – 1954. – № 4. – С. 210-231.

71. Абрамов, Ф.А. Слово в ядерный век. Статьи. Очерки. Выступления. Интервью. Литературные портреты. Воспоминания. Заметки/ Ф.А. Абрамов. – М.: Современник, 1987. – 448с.

72. Абрамов, Ф.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Публицистика. Рассказы. Один бог для всех: Пьеса / Ф.А. Абрамов. – СПб.: Худож. лит., 1993. – 640 с.

73. Абрамов, Ф.А. «Чем живем-кормимся...» Открытое письмо землякам / Ф.А. Абрамов // Пинежская правда. – 1979. – 18 августа.

74. Акелькина, Е.А. Художественное своеобразие очеркового повествования в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-1860-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.А. Акелькина. – Томск, 1979. – 19 с.

75. Акимов, В.М. Что же такое «деревенская проза»? / В.М. Акимов // Нева. – 1982. – № 1. – С. 152-159.

76. Алексеев, В.А. Русский советский очерк / В.А. Алексеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 120 с.

77. Ампилов, В.А. Современный газетный очерк / А.В. Ампилов. – Минск: Наука и техника, 1972. – 238 с.

78. Анашенков, Б.А. ...Как зеркало НТР / Б.А. Анашенков // Литературная газета. – 1979. – 17 октября. – № 42. – С. 4.

79. Аннинский, Л.А. Конец литературы? / Л.А. Аннинский // Дружба народов. – 1992. – № 8. – С. 244-246.

80. Аннинский, Л.А. Локти и крылья: Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы: сборник / Л.А. Аннинский. – М.: Сов. писатель, 1989. – 315 с.

81. Астафьев, В.П. Созидать милосердие и братство / В.П. Астафьев // Литературная газета. – 1990. – 26 сентября. – №39. – С.4.

82. Багдасарян, О.Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы («Южнорусское Овчарово» Л. Белоиван) / О.Ю.Багдасарян // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2020. – № 1. – С. 161-172.

83. Баласанян, С.В. Трансформация телевизионного портретного очерка в жанровой системе современных СМИ / С.В. Баласанян // Неделя науки и творчества – 2018: Мат. Межвуз. науч.-практ. форума. – СПб.: СПГИКиТ, 2018. – С. 91-94.

84. Барабаш, В.В. Советский «сельский» очерк 70-80-х годов: (Типология, конфликты, характеры): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / В.В. Барабаш. – Москва, 1991. – 16 с.

85. Бараков, В.Н. От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) / В.Н. Бараков // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Новация, 2015. – С. 51-53.

86. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: в 7 т. Т.5: Работы 1940-1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С.159-206.

87. Белая, Г.А. Польза интуиции / Г.А. Белая // Литературное обозрение. – 1981. – № 9. – С. 9-14.

88. Белая, Г.А. Художественный мир современной прозы / Г.А. Белая. – М.: Наука, 1983. – 192 с.

89. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1846-1848 / В.Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 475 с.

90. Белинский, В.Г. Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Александринской театр / Соч. Театрала ex officio / В.Г. Белинский; под ред. Н.А. Некрасова. Ч. 1-2. – СПб.: А. Иванов, 1845. – 277 с.

91. Белов, В.И. Эскапизм: причины, функции и границы / В.И. Белов // Инновационная наука. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 270-277.

92. Бельчиков, Ю.А. Глеб Успенский и «деревенский очерк» середины XX века (К 170-летию со дня рождения Г.И. Успенского) / Ю.А. Бельчиков // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 132-139.

93. Беневоленская, Т.А. Композиция газетного очерка: пособие по спецкурсу / Т.А. Беневоленская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 88 с.

94. Беневоленская, Т.А. Портрет современника: очерк в газете / Т.А. Беневоленская. – М.: Мысль, 1983. – 134 с.

95. Богатырева, А.И. Автобиографизм в творчестве «новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова) / А.И. Богатырева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014а. – № 12 (12). – С. 74-83.

96. Богатырева, А.И. Деревня в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санька» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой») / А.И. Богатырева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014б. – № 3. – С. 9-13.

97. Болдонова, И.С. Художественная литература как форма эстетического восприятия (на примере русской литературы XX века) / И.С. Болдонова, А.А. Надагурова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2016. – № 3. – С. 33-43.

98. Большакова, А.Ю. Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века / А.Ю. Большакова. – М.: Ком. по телекоммуникациям и средствам масс. информ. Правительства Москвы, 2000. – 132 с.

99. Большакова, А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.Ю. Большакова. – Москва, 2002. – 49 с.
100. Большакова, А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.Ю. Большакова. – Москва, 2002. – 403 с.
101. Бондарева, А. Захар Прилепин: «В эстетическом смысле я экстремист». 13.10.2008 / А. Бондарева [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/moskovskij-dom-knigi.html> (дата обращения: 01.10.2020).
102. Бондаренко, В.Г. В новую деревню – на телеге?.. / В.Г. Бондаренко // Литературная газета. – 1979. – 5 декабря. – № 49. – С. 4.
103. Бондаренко, В.Г. «На Севере – русская душа...». О романе Дмитрия Новикова «Голомяное пламя». 13.03.2017 / В.Г. Бондаренко [Электронный ресурс]. – URL: <https://denliteraturi.ru/article/2343> (дата обращения: 01.04.2022).
104. Боровская, А.А. Коммуникативные стратегии в книге Захара Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» / А.А. Боровская, О.Г. Егорова, О.Е. Романовская // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 519-536.
105. Борщаговский, А.М. О хороводах и дне нынешнем / А.М. Борщаговский // Литературная газета. – 1964. – 24 декабря. – №152. – С. 2.
106. Бочаров, А.Г. Жанры литературно-художественной критики: Лекции / А.Г. Бочаров. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 51 с.
107. Букарева, Н.Ю. Мотивы и сюжеты русской классики в повести Натальи Ключаревой «Дервня дураков» / Н.Ю. Букарева // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Мат. IV Всерос. научн. конф. – Ярославль: ЯГРУ, 2020. – С. 94-100.
108. Булгарин, Ф.В. Дурные времена: очерки русских нравов / Ф.В. Булгарин. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 364 с.

109. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис / Л.А. Булаховский. – Киев: Радянська школа, 1948. – 468 с.
110. Буртин, Ю.Г. Мертвое и живое / Ю.Г. Буртин // Литературная газета. – 1990. – 22 августа. – № 34. – С. 4.
111. Бучис, А.А. От пророчеств к фактам / А.А. Бучис // Литературная газета. – 1980. – 9 января. – № 2. – С. 4.
112. Быков Д.Л. Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Л. Советская литература: краткий курс. М.: ПРОЗАиК, 2013. – С.393-401. [Электронный ресурс]. – URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=13>
113. Быконя, Э.Н. Русский очерк 1880-1890 годов о Сибири: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э.Н. Быконя. – Москва, 1974. – 23 с.
114. Вальянов, Н.А. Концепция праведничества в художественной прозе М.А. Тарковского / Н.А. Вальянов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015а. – Т. 8. – № 7. – С. 1459-1468.
115. Вальянов, Н.А. Типология героев в малой прозе М.А. Тарковского / Н.А. Вальянов // Мир науки, культуры, образования. – 2015б. – № 6 (55). – С. 282-287.
116. Вальянов, Н.А. Поэтика праведничества в художественной прозе М.А. Тарковского / Н.А. Вальянов // Мир Шолохова. – 2018. – Т. 2018. – № 1 (9). – С. 82-90.
117. Вальянов, Н.А. Художественный мир М.А. Тарковского: пространство, время, герой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н.А. Вальянов. – Красноярск, 2017. – 234 с.
118. Варжапетян, В.В. Да здравствует литература / В.В. Варжапетян // Литературная газета. – 1990. – 25 июля. – № 30. – С. 5.
119. Василевский, А.В. NOVAYA Тухляндия? / А.В. Василевский // Литературная газета. – 1990. – 13 октября. – № 41. – С. 4.

120. Взацкая, К.Д. Темы и мотивы творчества И.А. Бунина в прозе Дмитрия Новикова / К.Д. Взацкая, Т.Г. Кучина // Инновационный потенциал молодёжи – 2017: Сб. ст. – Ярославль: ЯрГПУ, 2017. – С. 227-232.
121. Вильховский, И.И. Повесть А.Н. Варламова «Дом в деревне»: особенности художественного осмысления основ национального бытия в русской реалистической прозе конца XX в. / И.И. Вильховский // Язык. Культура. Коммуникации. – 2016. – № 2 (6). – С. 23.
122. Вильчек, Л.Ш. Вниз по течению деревенской прозы / Л.Ш. Вильчек // Вопросы литературы. – 1985. – №6. – С. 34-72.
123. Вильчек, Л.Ш. Пейзаж после жатвы: Деревня глазами публицистов / Л.Ш. Вильчек. – М.: Сов. писатель, 1988. – 320 с.
124. Виноградов, И.И. В ответе у времени / И.И. Виноградов. – М.: Сов. писатель, 1966. – 192 с.
125. Войтак М. О жанрах речи и их публицистических / печатных конкретизациях // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т: Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2014. – С. 9–13.
126. Воронов, В.И. Новые заботы деревенского очерка / В.И. Воронов // Литературная газета. – 1967. – 29 ноября. – № 49. – С. 4.
127. Галимова, Е.Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверткста / Е.Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 121-129.
128. Гвоздев А. Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» / А. Гвоздев // Балтийский филологический курьер. – 2011. – № 8. – С. 241-249.
129. Герцен, А.И. Концы и начала. Письмо восьмое [Электронный ресурс]. – URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1861-1863/koncy-i-nachala-8.htm> (дата обращения: 17.11.2020).
130. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Худож. лит., 1977. – 450 с.

131. Гладкова, И.Б. Топос Сибири в русской очерковой прозе 1960-1980-х годов (Л.Н. Мартынов, В.Г. Распутин, П.Н. Ребрин, И.Ф. Петров): Семантика, генезис, эволюция: автореф. дис. ... канд.филол. наук: 10.01.01 / И.Б. Гладкова. – Омск, 2004. – 24 с.
132. Глушков, Н.И. Очерк в русской литературе / Н.И. Глушков. – Ростов- на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 76 с.
133. Глушков, Н.И. Очерковая проза / Н.И. Глушков. – Ростов- на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 215 с.
134. Год тридцать восьмой. Альманах. № 19. Кн. 1. Проблемы советского очерка. Литературная газета. 1955. – 345 с.
135. Гольдштейн, А.Л. Такое долгое прощание / А.Л. Гольдштейн // Литературная газета. – 1990. – 24 октября. – № 43. – С. 7.
136. Горбенко, А.Ю. «Белые пятна» на карте русского традиционализма: Георгий Гребенщиков в перспективе «деревенской прозы» (к постановке проблемы) / А.Ю. Горбенко // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия; отв. ред. Н.В. Ковтун. – М.: Флинта, 2016. – С. 44-59.
137. Гордеев, Ю.А. Жанровые разновидности современного очерка в печатных и интернет-изданиях / Ю.А. Гордеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 117-120.
138. Гордин, Я.А. Что позади? / Я.А. Гордин // Литературная газета. – 1990. – 26 сентября. – № 39. – С. 5.
139. Горький в воспоминаниях современников / Под ред. А.С. Мясникова, А.И. Лекторского; подготовка текста и коммент. Р.А. Ковнатор; вступ. статья Ю.Л. Акимова. – М.: Гослитиздат, 1955. – 744 с.
140. Горький, М. О русском крестьянстве. 1922. Берлин / М. Горький [Электронный ресурс]. – URL: <http://rulife.ru/mode/article/68> (дата обращения: 20.03.2021).

141. Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия (1907-1928) / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1953а. – 576 с.
142. Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия (1933-1936) / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1953б. – 590 с.
143. Горький, М. Собр. Соч.: в 30 т. Т. 29: Письма, телеграммы, надписи (1907-1926) / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1954. – 672 с.
144. Грацианова, И.С. Концептосфера и архетипическое пространство онтологической прозы последней четверти XX столетия: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.С. Грацианова. – Краснодар, 2004. – 236 с.
145. Грачева, А.М. К проблеме пограничных литературных жанров: «Дневник мыслей» А. Ремизова / А.М.Грачева // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. научн. ст. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. Вып. 4. С. 97-105.
146. Грибоедов, А.С. Сочинения. Воспоминания современников / А.С. Грибоедов. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
147. Грищенкова, Т.Ф. Проблема русского национального характера в творчестве В.Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.Ф. Грищенкова. – Тюмень, 2004. – 22 с.
148. Груша, С.А. Русский национальный характер в малой прозе Ф.А. Абрамова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.А. Груша. – Тверь, 2011. – 18 с.
149. Гулин, И. Новые книги / И. Гулин // Коммерсантъ Weekend. – 2017. – № 7. – С. 35.
150. Гусев, В.И. В предчувствии нового / В.И. Гусев. – М.: Сов. писатель, 1974. – 328 с.
151. Гусев, В.И. Земля и небо / В.И. Гусев // Литературная газета. – 1979. – 19 сентября. – № 38. – С. 4.
152. Гусев, В.И. О прозе, деревне и цельных людях / В.И. Гусев // Литературная газета. – 1968. – №7. – С.6.
153. Давыдова, А.В. Образ Русского Севера в дилогии А.Н. Варламова «Дом в деревне» и «Падчевары» / А.В. Давыдова // Лингвистика и перевод: Мат.

междунар. научн. семинара «Интра- и интеркультурные векторы филологических исследований на Архангельском Севере и за рубежом». – Архангельск: Изд. дом им. В.Н. Булатова САФУ, 2015. – С. 306-312.

154. Демина, Л.И. Духовно-нравственные традиции в русской прозе второй половины XX века / Л.И. Демина // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2014. – № 1. – С. 51-54.

155. Дзюба, А.С. Своеобразие жанра очерка в прозе А.М. Горького 20-30-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.С. Дзюба. – Москва, 2013. – 21 с.

156. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. – М.: Алетейя, 2002. – 671 с.

157. Евсеев, Б.Т. «Старость» и «молодость» текста в современном русском рассказе / Б.Т. Евсеев // Литература. Театр. Слово. Духовно-эстетический опыт эпохи: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. – Самара: НТЦ, 2019. – С. 27-36.

158. Ермолин, Е.А. Пленники Бабы-Яги / Е.А. Ермолин // Континент. – 1992. – № 2 (72). – С. 343-366.

159. Ерофеев, В.В. Поминки по советской литературе / В.В. Ерофеев // Литературная газета. – 1990. – 4 июля. – № 27. – С. 8.

160. Ершов, Г.А. На стороне народа / Г.А. Ершов // А.С. Серафимович, Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1987. – С. 500-510.

161. Жидков, В.С. Искусство и картина мира / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 464 с.

162. Жулинский, Н.Г. Сложности мнимые и реальные / Н.Г. Жулинский // Литературная газета. – 1979. – 14 ноября. – № 46. – С. 4.

163. Журбина, Е.И. Искусство очерка / Е.И. Журбина. – М.: Сов. писатель, 1957. – 221 с.

164. Завершаем дискуссию // Литературная газета. – 1980. – 12 марта. – № 11. – С. 5.

165. Зайцева, М.А. Жанрово-повествовательное своеобразие очерковой прозы П.Н. Ребрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / М.А. Зайцева. – Омск, 2010. – 21 с.
166. Золотусский, И.П. Тепло добра / И.П. Золотусский. – М.: Сов. Россия, 1970. – 240 с.
167. Золотусский, И.П. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба / И.П. Золотусский. – М.: Сов. Россия, 1986. – 160 с.
168. Зорин, Л.Г. Горький и «Колхозник» / Л.Г. Зорин // Правда. – 1936. – 16 декабря. – № 345 (6951). – С. 4.
169. Иванова, И.Н. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе / И.Н. Иванова, А.С. Сазонова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015а. – № 2. – С. 70-73.
170. Иванова, И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? / И.Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1 (24). – С. 88-94.
171. Иванова, И.Н. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова / И.Н. Иванова // Современные проблемы науки и образования. – 2015б. – № 1-2. – С. 187.
172. Иванова, Н.Б. Трудно первые десять лет. Конспект наблюдений / Н.Б. Иванова // Знамя. – 2010. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4158> (дата обращения: 16.03.2021).
173. Ивашкина, А.Н. Способ конструирования действительности в цикле Р.М. Акульшина «О чем шепчет деревня» / А.Н. Ивашкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2013. – № 5. – С. 169-173.
174. Ильичева, Н.А. Топография Крыма в путевых очерках А.С. Грибоедова / Н.А. Ильичева // Городской текст в английской и других европейских литературах: Сб. ст. по мат. Междунар. конф. – Н. Новгород: Мининский ун-т, 2019. – С. 95-97.
175. История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч. 2: 1840-1860 годы / Под ред. В.И. Коровина. – М.: Владос, 2005. – 528 с.

176. Кадочников, О.П. Малые жанры современной прозы (пути развития очерка и рассказа 70-80-х годов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / О.П. Кадочников. Москва, 1991. – 20 с.
177. Казаков, Ю.П. Не довольно ли? / Ю.П. Казаков // Литературная газета. – 1967. – №52. – С.6.
178. Казачкова, Т.В. «Чудики»– любимые герои В.М. Шукшина / Т.В. Казачкова // Культура провинции: Сб. научн. ст. – Курган: КГУ, 2010. – С. 43-45.
179. Калашникова, А.А. Блог как гибридный речевой жанр / А.А. Калашникова // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3 (63). – С. 172-176.
180. Калита, И.В. Дело о «новом реализме» / И.В. Калита // Вопросы литературы. – 2015. – № 6.– С. 123-139.
181. Камянов, В.И. Не добротой единой.../ В.И. Камянов // Литературная газета. – 1967. – №47. – С.4.
182. Канторович, В.Я. Заметки писателя о современном очерке / В.Я. Канторович. – М.: Сов. писатель 1973. – 544 с.
183. Кардин, В. По существу ли споры: Очерки о советской литературе / В. Кардин. – М.: Современник, 1989. – 463 с.
184. Касицин, А.В. Поэтика очерковой прозы Бориса Пильняка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.В. Касицин. – Москва, 2010. – 18 с.
185. Керлот, Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – М.: RELF-book, 1994. – 608 с.
186. Киреев, Р.Т. Панихида с кнутиком / Р.Т. Киреев // Литературная газета. – 1990. – 8 августа. – № 32. – С. 4.
187. Коваленко, В.А. Этот строгий судья – время... / В.А. Коваленко // Литературная газета. – 1979. – 3 сентября. – № 40. – С. 4.
188. Ковский, В.Е. Преемственность («Деревенская тема» в современной литературе) / В.Е. Ковский. – М.: Знание, 1981. – 64 с.
189. Ковтун, Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии: монография / Н.В. Ковтун. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2009. – 491 с.

190. Ковтун, Н.В. Историзация мифа: от благословенной Матери к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) / Н.В. Ковтун // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4. – С. 81-87.

191. Ковтун, Н.В. От «Прощания с Матёрой» к «Зоне затопления»: прогностический итог мифа В. Распутина о России / Н.В. Ковтун // Валентин Распутин. Правда памяти: Мат. Всерос. конф. – Иркутск: ИГУ, 2018. – С. 151-167.

192. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.

193. Ковтун, Н.В. Социокультурный миф в современной прозе. Творчество В. Личутина: монография/Н.В. Ковтун. – М.: Флинта, 2014.–117 с.

194. Кожевникова, С.В. Творчество Б. Екимова: динамика «деревенской» прозы последней трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Кожевникова. – Магнитогорск, 2002. – 21 с.

195. Кожинов, В.В. К проблеме литературных родов и жанров / В.В. Кожинов // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. Т. 2: Роды и жанры. – М.: Наука, 1964. – С. 39-49.

196. Кожинов, В.В. Ценности истинные и мнимые / В.В. Кожинов // Литературная газета. – 1968. – №5. – С.5.

197. Кознова, Н.Н. Жанр эссе в мемуарах писателей / Н.Н. Кознова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 8 (223). – С. 74-78.

198. Колосов, Г.В. Поэтика очерка: учеб.-метод. пособие к спецкурсу «Проблема советского очерка» / Г.В. Колосов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 77 с.

199. Королёва, С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970-90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.Ю. Королёва. – Пермь, 2006. – 23 с.

200. Коростина Г.Г. Очерковая проза Е.Л. Маркова: идеология, проблематика, стиль: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Г.Г. Коростина. – Орел, 2005. – 27 с.

201. Косинцева, Е.В. Образ праведника в прозе Е.Д. Айпина / Е.В. Косинцева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 82-91.

202. Костелянец, Б.О. Традиции боевого жанра / Б.О. Костелянец // Пути советского очерка. Сборник литературно-критических статей. – Л.: Сов. писатель, 1958. – С. 3-98.

203. Котаева, А.Р. Трансформация традиционных публицистических жанров (от очерка к лонгриду) / А.Р. Котаева // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: Мат. IX Всерос. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2018. – С. 225-231.

204. Котлов, А.К. Современная «традиционная» русская проза: некоторые аспекты эволюции / А.К. Котлов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Литературоведение. – 2011. – 2. – С. 141-145.

205. Кочкина, А.В. Тип героя в романе Р. Сенчина «Елтышевы» / А.В. Кочкина // Беловский сборник: Мат. VII Всерос. чт. и II регион. конк.; под общей редакцией С.Ю. Баранова. – Вологда: Волог. библ., 2020. – С. 71-75.

206. Крикливец, Е.В. Постигание сущности национального характера в русской и белорусской «деревенской прозе» / Е.В. Крикливец // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксте: Мат. II Республ. научн.-практ. конф. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2015. – С. 198-201.

207. Крикунов, Ю.А. Проблема характера в очерке: учебное пособие / Ю.А. Крикунов. – Алма-Ата, 1966. – 29 с.

208. Крупин, В.Н. Наболевшее... / В.Н. Крупин // Литературная газета. – 1979. – 3 октября. – № 40. – С. 4.

209. Крутилин, С.А. Липяги: реальное это село или придуманное? / С.А. Крутилин // Литературная Россия. – 1972. – 7 июля. – № 28 (496). – С. 5.

210. Крылова, М.Н. Образ воды в системе современного русского компаратива / М.Н. Крылова // Горизонты цивилизации. – 2018. – № 9. – С. 127-136.
211. Крячко, Л. Листья и корни / Л. Крячко // Литературная газета. – 1967. – № 48. – С. 5.
212. Кузнецов, Ф.Ф. За все в ответе. Нравственные искания в современной прозе и методология критики / Ф.Ф. Кузнецов. – М.: Сов. Россия, 1984. – 586 с.
213. Кузнецов, Ф.Ф. Самая кровная связь: Судьбы деревни в современной прозе: книга для учителя / Ф.Ф. Кузнецов. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
214. Кузнецова, О.В. Духовно-нравственная проблематика позднего художественного творчества В. Г. Распутина (к 70-летию писателя) / О.В. Кузнецова // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – 2007. – 4 (48). – С. 138-141.
215. Кузнецова, А. Ни дня без книги / А. Кузнецова // Знамя. – 2012. – № 7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/7/anna-kuzneczova-81.html> (дата обращения: 18.04.2022).
216. Курбатов, В.Я. Последний парад / В.Я. Курбатов // Москва. – 1995. – № 2. – С. 160-175.
217. Лапченко, А.Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов / А.Ф. Лапченко. – Л.: ЛГУ, 1985. – 137 с.
218. Латышев, О.Ю. Типологические особенности и межнациональные связи русской «деревенской» прозы 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / О.Ю. Латышев. – Майкоп, 2000. – 22 с.
219. Лебедев, Ю.В. У истоков эпоса: очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х гг.: пособие для слушателей спецкурса / Ю.В. Лебедев. – Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1975. – 162 с.
220. Левин, Ф.М. Обоснована ли тревога? / Ф.М. Левин // Литературная газета. – 1968. – № 3. – С. 6.

221. Левина, М.Б. Апофеоз беспочвенности («Онтологическая» проза в свете идей русской философии) / М.Б. Левина // Вопросы литературы. – 1991. – № 9-10. – С. 3-29.
222. Легчанова, Е. Наталья Мелёхина: «Дорогие вещи». 18.10.2016 / Е. Легчанова [Электронный ресурс]. – URL: <https://litsota.ru/natalya-melexina-dorogie-veshhi/> (дата обращения: 01.04.2022).
223. Лесков, Н.С. Избранное / Н.С. Лесков. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 544 с.
224. Личутин, В.В. Хлеб – слову брат (Материалы «круглого стола») / В.В. Личутин // Литературная газета. – 1980. – 1 января. – № 1. – С. 4.
225. Лобанов, М.П. Мужество человечности. Литературно-критические статьи / М.П. Лобанов. – М.: Сов. Россия, 1969. – 304 с.
226. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
227. Макогоненко, Г.П. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева / Г.П. Макогоненко // XVIII век. – 1940. – Т. 2. – С. 25-53.
228. Мамаева, О.Б. Социально-историческая память как базис национального характера русских: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / О.Б. Мамаева. – Н. Новгород, 2001. – 20 с.
229. Маркова, Т.Н. Пути жанровых трансформаций в русской прозе рубежа XX–XXI вв. // Т.Н. Маркова // Метаморфоза жанра в современной литературе: Сб. научн. тр. – М.: РАН, 2015. – С. 7-26.
230. Мартазанов, А.М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.М. Мартазанов. – Санкт-Петербург, 2007. – 30 с.
231. Марченко, А.М. Во чьем пиру похмелье? / А.М. Марченко // Литературная газета. – 1990. – 1 августа. – № 31. – С. 5.
232. Медведева, Е.В. Жанровая специфика поста как медиатекста в социальной сети Instagram / Е.В. Медведева // Человек в информационном

пространстве: понимание в коммуникации: Сб. научн. тр. – Ярославль: ЯГПУ, 2017. – С. 58-65.

233. Мелёхина, Н.М. Размышления над книгой Наты Сучковой «Деревенская проза» / Н.М. Мелёхина // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 3 (14). – С. 56-59.

234. Михайлов, А.А. В пригородном поезде / А.А. Михайлов // Литературная газета. – 1980. – 16 января. – № 3. – С. 4.

235. Михальский, В.В. Бой с тенью / В.В. Михальский // Литературная газета. – 1979. – 7 ноября. – № 45. – С. 6.

236. Можаяев, Б.А. Где дышит дух? / Б.А. Можаяев // Литературная газета. – 1979. – 31 октября. – № 44. – С. 4.

237. Можаяев, Б.А. Продолжим диалог / Б.А. Можаяев // Литературная газета. – 1964. – 24 декабря. – № 152. – С. 2.

238. Нагуманова, Э.Ф. Человек и эпоха в современной прозе о деревне (на примере творчества А. Варламова и Т. Галиуллина) / Э.Ф. Нагуманова // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: КФУ, 2016. – С. 257-260.

239. Насрутдинова, Л.Х. «Новый реализм» в русской прозе 1980-90-х годов: Концепция человека и мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.Х. Насрутдинова. – Казань, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/novyj-realizm-v-russkoi-proze-1980-90-kh-godov-kontseptsiya-cheloveka-i-mira> (дата обращения: 25.03.2021).

240. Недзвецкий, В.А. Русская «деревенская проза»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В.А. Недзвецкий, В.В. Филиппов. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 144с.

241. Никонова, Т.А. Бунинская традиция в «деревенской» прозе второй половины XX века / Т.А. Никонова // Filologos. – 2018. – № 39 (4). – С. 82-87.

242. Никулин, А.М. Ефим Дорош и его «Деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого / А.М. Никулин // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28. – № 4. – С. 172-192.

243. Новожеева, И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960-1980-х годов (по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.В. Новожеева. – Брянск, 2007. – 22 с.
244. Овечкин, В.В. Два костра: Очерки / В.В. Овечкин; вступ. статья Г. Радова. – М.: Сов. Россия, 1973. – 79 с.
245. Овечкин, В.В. Колхозная жизнь и литература / В.Н. Овечкин // Новый мир. – 1955. – № 12. – С. 116-145.
246. Овечкин, В.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Статьи, выступления, дневники, письма / В.В. Овечкин. – М.: Сов. писатель, 1990. – 360 с.
247. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в.: учебное пособие / Р.П. Овсепян. – М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. – 350 с.
248. Оклянский, Ю.М. По ком звонит колокол? / Ю.М. Оклянский // Литературная газета. – 1990. – 31 октября. – № 44. – С. 4.
249. Павлов, Ю.М. Владимир Личутин: «Счастья не ищут на стороне...» / Ю.М. Павлов. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков. – М.: Лит. Россия, 2011. – С. 180-190.
250. Павлова, Л.Н. Жанровое своеобразие очерков В.А. Гиляровского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Л.Н. Павлова. – Санкт-Петербург, 2002. – 20 с.
251. Партэ, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Партэ. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2004. – 204 с.
252. Пере, П.С. О новой северной прозе на примере романа «Голомяное пламя» Д.Г. Новикова / П.С. Пере // Альманах североευропейских и балтийских исследований. – 2017. – № 2. – С. 104-115.
253. Петрик, А.П. «Деревенская проза»: итоги и перспективы изучения / А.П. Петрик // Филологические науки. – 1981. – № 1. – С. 65-68.
254. Пивоварова, Л.М. Русский очерк 80-90 годов XIX века / Л.М. Пивоварова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 112 с.

255. По требованию жизни (с IV Пленума Всесоюзного совета по критике) // Вопросы литературы. – 1971. – №8. – С.26-39.
256. Погорелая, Е.А. Промежуточные итоги / Е.А. Погорелая // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. 120-122.
257. Погрибный, А.Г. Где искать ориентиры? / А.Г. Погрибный // Литературная газета. – 1979. – 28 ноября. – № 48. – С. 6.
258. Померанцев, В.М. Об искренности в литературе / В.М. Померанцев // Новый мир. – 1953. – № 12. – С. 218-246.
259. Поспелов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы / Г.Н. Поспелов. – М.: Просвещение, 1972. – 271 с.
260. Проза. Этика. Эстетика: Диалог критиков Льва Аннинского и Виктора Чалмаева // Литературная Россия. – 1976. – 2 января. – С. 8-9.
261. Проханов, А.А. Метафора современности / А.А. Проханов // Литературная газета. – 1979. – 12 сентября. – № 37. – С. 4.
262. Прохоров, Е.П. Искусство публицистики: Размышления и разборы / Е.П. Прохоров. – М.: Сов. писатель, 1984. – 359 с.
263. Пустовая, В.Е. Новое «я» современной прозы: об очищении писательской личности. В. Маканин, С. Гандлевский – Р. Сенчин – И. Кочергин // Новый мир. – 2004. – № 8 [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/8/novoe-ya-sovremennoj-prozy-ob-ochishhenii-pisatelskoj-lichnosti.html (дата обращения: 16.04.2022).
264. Пустовая, В.Е. Пацанские старости / В.Е. Пустовая// Литературная Россия. – 2009. – № 44 [Электронный ресурс]. – URL: <https://litrossia.ru/item/3890-oldarchive/>(дата обращения: 16.03.2021).
265. Пути советского очерка. Сборник литературно-критических статей. – Л.: Сов. писатель, 1958. – 368 с.
266. Пыркова, А.А. Языковая репрезентация образа героя портретного очерка (на примере очерка Гиляровского «Старогладовцы») / А.А. Пыркова // Русский язык глазами молодого исследователя: Сб. ст. по мат. межвуз. конф. – Н. Новгород: Мининский ун-т, 2019. – С. 51-53.

267. Пыхтина Ю.Г. Трансформация архетипа «дом» в литературе советской эпохи / Ю.Г. Пыхтина // History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future: Materials of the VI international scientific conference. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. – С. 27-33.

268. Радищев, А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А.Н. Радищев. – М.: Сов. Россия, 1981. – 256 с.

269. Разувалова, А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А.И. Разувалова. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.

270. Росляков, В.П. Иронии не подвластно / В.П. Росляков // Литературная газета. – 1968. – №3. – С.6.

271. Рубашкин, А.И. Не выплеснуть бы и ребенка / А.И. Рубашкин // Литературная газета. – 1990. – 24 октября. – № 43. – С. 7.

272. Рудалёв, А.Г. Катехизис «нового реализма». Вторая волна. Не так страшен «новый реализм», как его малюют. 2011г. / А.Г. Рудалёв [Электронный ресурс]. – URL: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm> (дата обращения: 16.03.2021).

273. Рудалёв, А.Г. Литература на острие общественных дискуссий / А.Г. Рудалёв // Осознание границ или жизнь за заборчиком? Литературные итоги 2012 г. Заочный «круглый стол» // Дружба народов. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/druzhba-narodov/d2-2013/17712-osoznanie-granic-ili-zhizn-za-zaborchikom.html> (дата обращения: 16.03.2021).

274. Рудалёв, А.Г. Преодоление мнимых величин / А.Г. Рудалёв // Бомжи на стройке литпамятников. Заочный «круглый стол: Итоги 2013 года // Дружба народов. – 2014. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/druzhba-narodov/d2-2014/22834-bomzhi-na-stroyke-litpamyatnikov-specifika-momenta.html> (дата обращения: 16.03.2021).

275. Рудалёв, А.Г. Тоска по настоящей жизни/ А.Г. Рудалёв // Октябрь. – 2008. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/rudalev-beliakov-o-kliucharevoi/dossier_2244/view_print/ (дата обращения: 16.03.2021).

276. Рыбинцев, И.В. Советский художественный очерк: Проблемы теории и мастерства жанра / И.В. Рыбинцев. – Киев: Вища школа, 1976. – 169 с.
277. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 8: Критика и публицистика (1868-1878 гг.) / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худ. лит., 1937. – 560 с.
278. Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении: курс лекций / В.Н. Сагатовский. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 230 с.
279. Селезнев, Ю.И. Новые пути неизбежны, но... / Ю.И. Селезнев // Литературная газета. – 1979. – 20 февраля. – С. 5.
280. Сенчин, Р.В. Алексей Шепелёв «Мир-село и его обитатели». 2017 г. / Р.В. Сенчин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natsbest.ru/award/2017/review/aleksej-shepelev-mir-selo-i-ego-obitateli/> (дата обращения: 01.02.2021).
281. Сенчин, Р.В. Есть ли братья у Абрамова? 26.02.2020 / Р.В. Сенчин [Электронный ресурс]. – URL: <https://godliterature.ru/articles/2020/02/26/est-libratya-u-abramova-roman-senchin> (дата обращения: 19.04.2022).
282. Сенчин, Р.В. Писать о том, что любишь / Р.В. Сенчин // Литературная Россия. – 2009. – 19 июня. – № 24. – С. 8.
283. Сенчин, Р.В. Питомцы стабильности или грядущие бунтари? Дебютанты нулевых годов / Р.В. Сенчин // Дружба народов. – 2010. – № 1 [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/1/pitomczy-stabilnosti-ili-gryadushhie-buntari.html> (дата обращения: 16.03.2021).
284. Сенчин, Р.В. Письмо из деревни. 1998 / Р.В. Сенчин [Электронный ресурс]. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/senchin/3/j31.html (дата обращения: 01.11.2020).
285. Славникова, О.А. «Я человек увлекающийся. Мне интересно всё попробовать». Интервью. 16.01.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/01/16/volshebница-debyuta-lyubit-izumrudy.html> (дата обращения: 01.11.2020).

286. Славникова, О.А. Деревенская проза ледникового периода / О.А. Славникова // Новый мир. – 1999. – №2. – С. 198-211.
287. Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.
288. Смирнова, Л.А. Очерки современной советской литературы: (Конец 50-х начало 70-х гг.): пособие для студентов / Л.А. Смирнова, М.В. Минокин, З.С. Старкова. – М.: МОПИ, 1974. – 124 с.
289. Соколова, Л.В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Л.В. Соколова. – Санкт-Петербург, 2005. – 379 с.
290. Солженицын, А.И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину. 4 мая 2000 года / А.И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 5. – С. 186-189.
291. Солоухин, В.А. Диалог / В.А. Солоухин // Литературная газета. – 1964. – 3 декабря. – № 143. – С. 2.
292. Солоухин, В.А. Слово живое и мертвое / В.А. Солоухин. – М.: Современник, 1976. – 333 с.
293. Солоухина, Р.Л. Я была его тенью / Р.Л. Солоухина // Владимирские ведомости. – 2012. – 3 октября.
294. Старикова, Е.В. Социологический аспект современной деревенской прозы / Е.В. Старикова // Вопросы литературы. – 1972. – №7. – С.11-36.
295. Степанова, В.А. Хронотоп прозы М. Тарковского: переосмысление традиционализма / В.А. Степанова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2017. – №1. – С.216-222.
296. Страмова, К. Основано на реальных событиях: Наталья Мелёхина представила вологжанам книгу «Железные люди». 11.03.2021 / К. Страмова [Электронный ресурс]. – URL: <http://cultinfo.ru/news/2019/10/based-on-real-events-natalia-melekhina-presented-t> (дата обращения: 01.11.2020).

297. Стрелкова, И.И. Пошехонье условное и истинное / И.И. Стрелкова // Литературная газета. – 1979. – 12 декабря. – № 50. – С. 4.
298. Сурганов, В.А. Идущим дальше (заметки о книгах писателей-«деревенщиков») / В.А. Сурганов // Вопросы литературы. – 1971. – №8. – С.3-25.
299. Сурганов, В.А. Человек на земле: Тема деревни в русской советской прозе 50-70-х гг. Истоки. Проблемы. Характеры: монография / В.А. Сурганов. – М.: Сов. писатель, 1981. – 624 с.
300. Суханов, В.А. Предисловие / В.А. Суханов // К. Партэ. Русская деревенская проза: светлое прошлое. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2004. – С.7-12.
301. Счастливецва, Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980-1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Счастливецва. – Магнитогорск, 2007. – 21 с.
302. Сухих, И.Н. Теория литературы. Практическая поэтика: учебник / И.Н. Сухих. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 352 с.
303. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
304. Тamarченко, Н.Д. Эпика / Н.Д. Тamarченко // Теория литературы: в 4 т. Т. III: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 229.
305. Тарковский, М.А. Речные писатели / М.А. Тарковский // Наш современник. – 2015. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://nash-sovremennik.ru/archive/2015/n3/1503-29.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
306. Теракопьян, Л.А. Пафос преобразования: Тема деревни в прозе 50-70-х годов / Л.А. Теракопьян. – М.: Худ. лит., 1978. – 397 с.
307. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект пресс, 2017. – 320 с.
308. Тимина, С.И. Современный литературный процесс (1990-е годы) / С.И. Тимина // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы: учебник. – СПб.: Logos, 2002. – С. 238-257.

309. Тимофеев, А.Н. «Деревенская проза» и литературная критика (1960-1980-е годы) / А.Н. Тимофеев // Беловский сборник: Мат. конф. – Вологда: Волог. научн. центр ВАН, 2017. – С. 18-22.

310. Тимофеев, А.Н. «Новые традиционалисты» как будущее русской литературы / А.Н. Тимофеев // Наш современник. – 2016. – № 10. – С. 184-203.

311. Тимофеев А. Н. Победы и поражения «нового реализма» // Вопросы литературы. 2017. № 5. – С. 83–106.

312. Титов, А.М. Литература стала «ничем» / А.М. Титов // Литературная газета. – 2010. – 27 октября – 2 ноября. – № 42-4. – С.4.

313. Титов, А.М. Реквием по деревенской прозе / А.М. Титов // Литературная Россия. – 2017. – 20 октября. – № 36 [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrossia.ru/item/10433-rekviem-po-derevenskoj-proze/>

314. Томашевский, Б.В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций / Б.В. Томашевский. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 535 с.

315. Топоров, В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов / В.Н. Топоров // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 77-103.

316. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1982. – 527 с.

317. Урнов, Д.М. Кто создает иллюзии? / Д.М. Урнов // Литературная газета. – 1990. – 26 сентября. – № 39. – С. 5.

318. Устинов, А.А. Кто первый парень на деревне? / А.А. Устинов // Литературная газета. – 1979. – 10 октября. – № 41. – С. 4.

319. Федорова, Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.А. Федорова. – Астрахань, 2012. – 17 с.

320. Филоненко, И.Е. Хлеб – слову брат (Материалы «круглого стола») / И.Е. Филоненко // Литературная газета. – 1980. – 1 января. – № 1. – С. 4.

321. Фомичева, Е.Г. Автор и герой в очерке: приёмы портретизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Е.Г. Фомичева. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.

322. Фортунатов, А.Н. Нижегородские путевые очерки В.Г. Короленко (проблемы мастерства писателя-очеркиста): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.Н. Фортунатов. – Нижний Новгород, 1998. – 19 с.

323. Фролова, А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.В. Фролов. – Воронеж, 2006. – 189 с.

324. Хализев, В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 404 с.

325. Хомяков, В.И. Жанровое своеобразие дневников Г.А. Леонова / В.И. Хомяков // Вестник Омского университета. – 2015а. – № 2 (76). – С. 207-208.

326. Хомяков, В.И. Нравственно-философская модель «деревенской прозы» середины 1950-х годов / В.И. Хомяков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 2 (83). – С. 160-163.

327. Хомяков, В.И. Очерк в журнале «Безбожник»: проблематика и жанровое своеобразие / В.И. Хомяков // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 31-34.

328. Хомяков, В.И. Парадигмы русского национального характера / В.И. Хомяков, О.В. Винская // Вестник Омского университета. – 2012б. – № 3 (65). – С. 224-226.

329. Хомяков, В.И. Проблема духовности в рассказе В.П. Астафьева «Людочка» / В.И.Хомяков // IV Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве в свете цивилизационного выбора крещения Руси: Мат. педагог. чт.;отв. ред. О.Р. Каюмов. – Омск: КАН, 2015б. – С. 119-121.

330. Хомяков, В.И. Социально-философская модель русской советской литературы 1920-1930-х гг. / В.И. Хомяков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 3 (80). – С. 161-165.

331. Хомяков, В.И. Феномен юродства в прозе Г. Петрова / В.И. Хомяков, О.В. Винская // Вестник Омского университета. – 2012в. – № 1 (63). – С. 230-231.

332. Хомяков, В.И. Художественно-публицистические жанры печатных СМИ: история и современность / В.И. Хомяков, Е.А. Андреева. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 305 с.
333. Цветов, Г.А. Тема деревни в современной советской прозе / Г.А. Цветов. – Л.: Знание, 1985. – 32с.
334. Цветова Н.С. Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен/ Н.С. Цветова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 2. – С.66-71.
335. Цветова Н.С. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX - начала XXI вв.: дис. ...док. филол. наук: 10.01.01 / Н.С. Цветова. – Архангельск, 2011. – 295 с.
336. Цветова, Н.С. Traditionalists vs village prose writers: phenomenology of a literary phenomenon / Н.С. Цветова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 9. – № 5. – С. 1129-1139.
337. Цыбульский, В.Е. В лучах деревянного солнца. 11.08.2010 / В.Е. Цыбульский [Электронный ресурс]. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/v-luchakh-dereviannogo-solntsa/dossier_2244/ (дата обращения: 16.03.2021).
338. Чалмаев, В.А. «Воздушная воздвигалась арка...» / В.А. Чалмаев // Вопросы литературы. – 1985. – № 6. – С. 73-118.
339. Чалмаев, В.А. Уроки «дельного» направления» / В.А. Чалмаев // Наш современник. – 1973. – № 12. – С. 174-180.
340. Чепров, С.В. Матушка-земля. Размышления по прочтении очерков Анатолия Байбородина / С.В. Чепров // Огни Кузбасса. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ognikuzbassa.ru/category-publicism/1061-sergej-cheprov-matushka-zemlya-razmyshleniya-po-prochtenii-ocherkov-anatolij-bajborodina> (дата обращения: 08.06.2020).
341. Черепухов, М.С. Работа над очерком / М.С. Черепухов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 95 с.
342. Чернец, Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики) / Л.В. Чернец. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 192 с.

343. Черниченко, Ю.Д. Очерк про очерк / Ю.Д. Черниченко // Новый мир. – 1985. – № 1. – С.175-191.

344. Чёрный, А. В поисках вологодского текста (Наталья Мелёхина. Дорогие вещи) / А. Чёрный // Октябрь. – 2017. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/5/v-poiskah-vologodskogo-teksta.html> (дата обращения: 08.03.2021).

345. Чернышевский, Н.Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Литературная критика / Н.Г. Чернышевский. – М.: Правда, 1974. – 512 с.

346. Черняк, М.А. Маленький словарик про большую книгу. К вопросу о восприятии литературы «нулевых» годов / М.А. Черняк // Библиотечное дело. – 2011. – № 8 (146). – С. 2.

347. Черняк, М.А. Трансформация авторской и читательской субъектности в условиях творческой цифровой среды / М.А. Черняк, О. Пешкова // Культура и текст. – 2019. – № 2 (37). – С. 144-156.

348. Четвертакова, Ж.В. Культурологический статус русского национального характера: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Ж.В. Четвертакова. – Тамбов, 2004. – 19 с.

349. Чижикова, О.В. Воспитательный аспект прозы Ф.А. Абрамова (на материале концепта узкого пути) / О.В. Чижикова // Проблемы современного аграрного образования: содержание, технологии, качество: Мат. Междунар. науч.-метод. конф. – Волгоград: ВолГАУ, 2018. – С. 327-333.

350. Шкловский, В.Б. Третья фабрика / В.Б. Шкловский. – М.: Круг, 1926. – 141 с.

351. Шумский, А.М. М. Горький и советский очерк / А.М. Шумский. – М.: Сов. писатель, 1975. – 368 с.

352. Шуртаков, С.И. О главном человеке на земле / С.И. Шуртаков // Литературная газета. – 1967. – №49. – С.6.

353. Шутова, Е.В. Архетипы «дом» и «бездомье» и их объективация в духовной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.В. Шутова. – Омск, 2011. – 26 с.

354. Щеглов, М.А. Литературно-критические статьи: из дневников и писем / М.А. Щеглов. – М.: Сов. писатель, 1965. – 440 с.

355. Эсалнек, А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 183 с.

356. Юзифович, В.А. Речевой портрет как структурный элемент очерка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / В.А. Юзифович. – Москва, 2011. – 25 с.

357. Якушева, О.А. Тема праведничества в новой деревенской прозе / О.А. Якушева // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2-2. – С. 178-181.

358. Яновский, Н.Н. Глубокая борозда / Н.Н. Яновский // Сибирские огни. – 1970. – № 7. – С. 161-173.

359. Яранцев, В.Н. Структура сюжета книги М.А. Никитина «Путь на Север» / В.Н. Яранцев // Сюжетология и сюжетография. – 2018. – № 2. – С. 62-69.

360. Ярхо, Б.И. Методология точного литературоведения: избранные труды по теории литературы / Б.И. Ярхо; под общ. ред. М.И. Шапира. – М.: Яз. славян. культур, 2006. – XXXI, 926 с.